

АКАДЕМИЯ ВОЕННЫХ НАУК

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ПРОБЛЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

**КАФЕДРА ИНФОРМАЦИОННОЙ АНАЛИТИКИ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н.Э. БАУМАНА**

**ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ, МЕТОДОВ
И ИНСТРУМЕНТОВ ПРОТИВОБОРСТВА
В СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТАХ**

Москва – 2015

УДК 327.5
ББК 66.4(0)
Э15

Рецензенты:

Емец В.С. – доктор политических наук, профессор.
Кандыбович С.Л. – доктор психологических наук, профессор,
Тихомиров Ю.А. – доктор политических наук, профессор.

Э15 Эволюция форм, методов и инструментов противоборства в современных конфликтах / Под общ. ред. И.В. Бочарникова. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2015. – 218 с.
ISBN 978-5-9907418-7-4

Коллективная монография: «Эволюция форм, методов и инструментов противоборства в современных конфликтах» посвящена анализу эволюции и характеристике современных политических процессов, обусловленных стремлением к утверждению моноцентричного миропорядка, посредством использования комплекса мер по нанесению ущерба национальной безопасности и интересам Российской Федерации.

В монографии выявляются современные тенденции и направления развития военно-теоретических взглядов на сущность и содержание современных форм и методов противоборства так называемого «невоенного» характера.

Выводы и предложения авторов, представленные в издании, могут быть использованы в процессе корректировки и совершенствования концептуально-доктринального планирования в Российской Федерации, а также найти применение в преподавании политологии, философии, социологии.

УДК 327.5
ББК 66.4(0)

ISBN 978-5-9907418-7-4

Предисловие.

ВОЙНА И ВОЕННАЯ НАУКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Гареев Махмут Ахметович

*президент Академии военных наук, доктор военных наук,
доктор исторических наук, генерал армии*

В современной России приходится решать оборонные задачи в чрезвычайно сложных условиях при крайней неопределенности перспектив развития геополитической обстановки. Небывало усилились, особенно в технологическом отношении, противостоящие нам силы на международной арене. А наша страна оказалась крайне ослабленной как в экономическом, технологическом, так и в военном отношении.

Вместе с тем весь исторический опыт показывает, что чем меньше возможностей, имеющихся средств и сил, чем сложнее задачи, тем больше надо напрягать мозги и думать, как лучше решать стоящие перед нами задачи, делать упор на научные изыскания.

И наука – это не формально выполняемые научно-исследовательские и научно-конструкторские работы, не сами научные учреждения и ученые. Ни о чем не говорит само по себе и количество проведенных «круглых столов», защищенных диссертаций и изданных трудов. Подлинная наука, в конечном счете, – это создание новых знаний, научно обоснованных идей и предложений по наиболее эффективному решению оборонных задач. Если нет новых мыслей, новых открытий, это все околонуучные дела, не имеющие прямого отношения к сути самой науки. Эта главная сторона обсуждаемой сегодня проблемы больше всего игнорируется и этот изъян в научной работе надо, прежде всего, и самым решительным образом преодолевать.

Вместе с тем науку необходимо более щедро, чем это у нас делается в последние годы, финансировать. Вложения в науку всегда выгоднее, ибо они окупаются сторицей. Как подсчитали ученые, только открытия академика Обручева в области минералогии полностью окупили все расходы на Российскую академию наук за 250 лет ее существования.

В последние годы в связи с возрастанием в международном противоборстве удельного веса политико-дипломатических, экономических, информационных, кибернетических, психологических средств и способов осуществления политических целей ставится вопрос о кардинальном изменении понятия самой войны и всей системы знаний, связанных с ее познанием. Во все времена международное противоборство осуществлялось с применением различных сил и средств, их неотъемлемой частью являлись разведка и контрразведка, обман противника и хитрость, распространение дезинформации и другие самые коварные, изощренные средства и способы борьбы.

Всегда считалось, как это определено во всех энциклопедиях и словарях, что противостояние в любой сфере без оружия – это борьба, а продолжение политики насильственными средствами, с применением вооруженного насилия – это война.

Только некоторые наши плохо знающие историю философы считают, что все эти невоенные средства появились лишь сегодня, и на этом основании полагают, что применение подобных средств – это уже война.

Если применение любых невоенных средств в международном противоборстве – это война, тогда вся история человечества – война. Рассуждая так, мы и не узнаем, когда была Столетняя, Русско-японская, Первая или Вторая мировые войны.

Во время войны противостоящие страны переводятся на военное положение, прерываются дипломатические и другие отношения и функционируют по особым законам военного времени. Да и та же экономическая или информационная борьба в мирное и в

военное время ведется совершенно разными способами. В мирное время – это различного рода экономические санкции и информационные акции, в военное время – экономические объекты и информационные центры уничтожаются ударами ракет и бомб.

Вместе с тем невозможно не учитывать и то обстоятельство, что некоторые так называемые невоенные формы и средства борьбы получили небывалое технологическое развитие, приобрели весьма опасный, практически насильственный характер. Например, целенаправленные кибернетические атаки, которые могут быть предприняты как государственными спецслужбами, так и частными лицами и террористическими группами, способны привести к дезорганизации всей банковской, финансовой системы и экономической жизни противостоящих стран. Причем все это может быть предпринято скрытно и не всегда возможно установить, откуда предприняты кибернетические атаки, и поэтому будет неясно, кому объявлять войну. Вообще если все эти акции считать объявлением войны, то может возникнуть обстановка всеобщей войны всех против всех. Но, разумеется, нельзя и недооценивать опасность всех этих акций.

Война в принципе будет оставаться продолжением политики насильственными средствами в сочетании с другими формально невоенными средствами, так называемой мягкой силой.

В свою очередь возникает новая задача перед наукой и оборонной промышленностью по созданию не только современных средств вооруженной борьбы, но и соответствующих современных средств и технологий ведения информационной, кибернетической, психологической и других невоенных средств борьбы, где мы сейчас больше всего отстаем.

Вытекающий из всего сказанного еще один новый аспект вооруженной борьбы состоит в том, что все эти так называемые невоенные формы борьбы оказывают свое влияние на организацию и боевое применение Вооруженных Сил и других войск военной организации РФ.

В связи с этим некоторые «ученые», подвизавшиеся ранее на философской ниве, приходят к выводу, что все эти невоенные и военные формы борьбы должны быть предметом изучения военной науки. Но войну не может изучать лишь одна военная наука, различные ее аспекты с разных точек зрения познают соответствующие отрасли естественных, общественных, технических и других наук в соответствии со спецификой своего объекта и предмета.

Все это важно не только с научно-методологической точки зрения, такой подход имеет и большое практическое значение. Когда пытаются все знания о войне втиснуть в рамки военной науки, тогда, например, военную географию или военную психологию, как и другие науки, отрывают от их естественных корней, ибо невозможно заниматься военно-географическими или военно-психологическими проблемами в отрыве от общей сущности географических или психологических процессов. Если исходить из единственно возможного научного критерия, что войну со своих точек зрения изучают различные науки и в связи с этим имеют специфическую оборонную (военную) проблематику (военную экономику, военную педагогику, военную психологию и др.), то все отрасли наук включаются в процесс исследования оборонных проблем и таким образом создается широкий фронт для углубленного их познания.

С точки зрения организации и экономичности осуществления научной работы в Вооруженных Силах такой подход означает, что нет надобности по каждой вновь возникшей оборонной проблеме создавать в Министерстве обороны свой научно-исследовательский институт. Иногда выгоднее дать задание научным центрам РАН и оплатить эту работу.

Важно учитывать также, что научно-исследовательские институты, центры могут плодотворно работать только под непосредственным руководством Генштаба, главкомов видов ВС, будучи тесно связанными с практической работой по оперативно-стратегическому планированию боевого применения войск (сил), процессом оперативной и боевой подготовки, в тесном взаимо-

действию с научно-конструкторскими учреждениями оборонной промышленности.

Мы уже многие годы говорим о необходимости программно-целевого метода планирования. Требования этого метода на словах декларируются, но на деле не только не реализуются, а просто игнорируются, особенно в области планирования развития вооружения и техники. Вместе с тем суровая практика войны вынудила нас прийти к такой практике принятия решений и планирования в оперативно-стратегической области, где по существу наиболее полно учитывается принцип целевого подхода. Все знают, что при выработке решения на операцию в начале командующий армией (фронтом) вырабатывает замысел решения на операцию (в целом за армию – фронт) и только на основе этого могут определяться задачи подчиненным, приниматься решения командармами, командирами дивизий. Никто не представляет себе дело так, что нужно собрать решения комдивов, сложить их вместе и получить решение командарма. А в области военного строительства, развития вооружений мы годами собираем планы видов ВС, накладываем на них общую обложку и пытаемся изобразить это как программно-целевое планирование. Общего замысла решения руководства на развитие вооружений практически и не существует.

От Вооруженных Сил в современных условиях требуются первоочередная готовность к локальным войнам, конфликтам и мобилизационная готовность к региональным и крупномасштабным войнам. В плане обороны страны это обстоятельство должно учитываться не только в рамках стратегического планирования боевого применения Вооруженных Сил, но и в программах производства вооружения и оборонной промышленности.

При сложившихся обстоятельствах для России главным средством гарантирования ее национальной безопасности и стратегического сдерживания от крупномасштабных угроз являются стратегические ядерные силы. На одной из встреч на высшем уровне некоторые эксперты доказывали, что нет особой необходимости и дальше вкла-

дывать средства в СЯС. Они полагают, что для предотвращения агрессии достаточно 10–15 ядерных боеприпасов, применение которых способно привести к катастрофическим последствиям. Но есть и реальная объективная действительность, с которой в первую очередь приходится считаться. В мире уже произведено свыше двух тысяч ядерных взрывов, из них более 500 воздушных, и последствия от всего этого такие, какие они и есть на сегодня. И на эти уловки неправительственных организаций мы не должны попадаться.

Поэтому дальнейшее развитие и качественное совершенствование стратегических ядерных сил с учетом реального соотношения ядерных сил в мире остается одной из важнейших и приоритетных задач поддержания должной обороноспособности России, следовательно, и одной из важнейших задач оборонной промышленности. Единственный способ недопущения ядерной войны – сделать ее опасной и невозможной для тех, кто собирается развязать такую войну, если они будут знать, что такая война закончится для них совершенно неприемлемым ущербом.

В целом центр тяжести вооруженной борьбы переносится в воздух и космос и на море. Борьба с воздушно-космическим противником приобретает решающее значение. Поэтому она теперь не может осуществляться только Войсками ПВО или другим отдельным видом Вооруженных Сил. Вести успешно борьбу за завоевание господства в воздушно-космическом пространстве можно не пассивными оборонительными силами, а только объединенными действиями всех видов ВС и прежде всего активными решительными ударными средствами.

Важнейшей приоритетной задачей является создание своего стратегического вооружения в обычном снаряжении, а также радиоэлектронных средств, способных нарушить систему управления, которая основана главным образом на космических средствах.

На развитии военного искусства существенно скажется появление на вооружении ведущих стран мира новых информационных технологий, преобразующих управление войсками, повышающих

эффективность применения оружия, а также появление беспилотных средств, робототехники, оружия на новых физических принципах.

В условиях, когда оружие становится все более сложным и дорогим, взаимоотношения между Вооруженными Силами и ОПК не могут строиться на упрощенных рыночных отношениях: потребитель (заказчик) – производитель. Нужно выработать механизмы и стимулы взаимной заинтересованности в создании для армии, флота и других силовых ведомств по-настоящему современных образцов оружия и военной техники. Важно не только предъявлять требования к вооружению, но и всячески помогать промышленности, тесно взаимодействуя на этапах выработки оперативно-тактических требований и научно-конструкторских работ.

Мы еще со времен Ф. Энгельса исходили из того, что развитие оружия определяет изменения в способах ведения боевых действий. Но теперь военная наука должна более предметно определять основные направления развития вооружения. К сожалению, это не всегда делается достаточно квалифицированно.

В 60–70-е годы XX столетия каждый НИИ Министерства обороны имел специальное управление, призванное разрабатывать оперативно-тактические требования к новому оружию. Они были укомплектованы офицерами, имеющими как оперативно-тактическую, так и техническую подготовку. Потом такие отделы и управления ликвидировали и передали это дело преподавателям военных академий. В результате качество этой работы резко упало. Во времена Ф. Устинова не только аппарат заместителя министра по вооружению, но и главкомы видов Вооруженных Сил, нередко и командующие войсками округов, флотов месяцами работали в конструкторских лабораториях, на заводах и испытательных полигонах.

Сегодня напрашивается необходимость создания отдельного Министерства оборонной промышленности, но без прежних хозяйственных функций и с главной задачей – координировать деятельность оборонных промышленных предприятий, инициировать инновационные технологии, организовать подготовку необходимых для оборонной промышленности инженерно-технических кадров.

Для научных организаций Минобороны особенно важно наладить сотрудничество с Фондом перспективных исследований ВПК и соответствующим управлением Роскосмоса для ускоренного развития инновационных технологий.

Не следует забывать, что некоторые слабые места в производстве ВВСТ не преодолены до сих пор. И это не только сказывается на безопасности армии и флота, но и подрывает наш авторитет, снижает эффективность нашей торговли оружием с зарубежными странами. Речь идет, прежде всего, о недооценке производства ремонтных средств и запасных частей к оружию и военной технике.

Для того чтобы ликвидировать наше давнее отставание в элементной базе, космической связи, средствах разведки, радиоэлектронной борьбы, автоматизированных средствах сетецентрической системы управления и высокоточного оружия, в других современных технологиях – для всего этого недостаточно признать или объявить их приоритетными. Необходимо на государственном уровне обеспечить примерно такую же решительную концентрацию финансовых, технологических, интеллектуальных сил и средств для решения этих первоочередных задач.

При сравнительной слабости нашего экономического потенциала главный упор желательно сделать на асимметричные средства и способы действий. Известно, например, что у современных ведущих государств связь, навигация, разведка, все управление стратегическими ядерными силами, ПРО, высокоточным оружием осуществляются через космос. Обрушение всей этой системы радиоэлектронными и другими асимметричными средствами может во многом снизить это преимущество противостоящей обороны.

При всех обстоятельствах не надо охаивать свое оружие, мы должны воспитывать у личного состава любовь и уверенность в своем оружии. В конечном счете мощь оружия на поле боя определяется верой солдата в это оружие и его умелым применением. Иначе мы это оружие даже продать не сможем.

В последние годы важное значение придается созданию и освоению сетецентрической системы управления войсками (силами)

с тем, чтобы путем преобразования информационных технологий значительно повысить эффективность управления, боевого применения оружия и в целом боевых действий. Но имеющиеся сегодня системы АСУ еще далеки от того, что требуется на практике. К сожалению, у нас нет полноценных общевойсковых моделей операций и боевых действий. В лучшем случае есть методика решения отдельных оперативно-тактических задач по огневому поражению, совершению марша, форсированию водных преград, по решению некоторых задач по ВВС и ПВО. Наши АСУ в процессе моделирования могут учитывать в основном лишь соотношение сил, частично – влияние местности, они не воспринимают ни уровень военного искусства, ни морально-психологические, информационные и другие факторы. Полноценное моделирование станет возможным с появлением элементов искусственного интеллекта.

Желательно также учитывать, что современную по эффективности систему управления мы сможем получить только в том случае, если одновременно будем совершенствовать как технические средства, так и методы работы командования и штабов. Например, можно со всей определенностью сказать: с тем уровнем формализма, с той огромной, оперативной и отчетной документацией, которая сейчас практикуется, мы будем вынуждены задавать завышенные требования к АСУ, делая их чрезмерно громоздкими, или не сможем в полной мере использовать преимущества средств автоматизации. Научно организованные и автоматизированные процессы переработки информации построены на определенной логике, алгоритмах и они не могут приспособливаться к произволу и бюрократизму. Короче говоря, беспорядок автоматизировать нельзя. Следовательно, нужно упорядочить и совершенствовать методы работы командиров и штабов.

Таким образом, везде и во всем мы упираемся в одну и ту же проблему – как осуществить органическое сотрудничество задач строительства и боевого применения Вооруженных Сил и военно-промышленного комплекса.

РОССИЯ В ВЫЗОВАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ремарчук Валерий Николаевич,

декан факультета «Социальные и гуманитарные науки
Московского государственного технического университета
имени Н.Э. Баумана, доктор философских наук, профессор

Напрасный труд – нет, их не вразумишь, –
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация – для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.

*Федор Тютчев. Май 1867.
Избранное.*

Даже не искушенному в политике человеку совершенно очевидно, что «международный фон», в котором сегодня живет Россия, весьма не благоприятен как для ее развития, так и для обеспечения безопасности.

Причина тому, сдвиг тектонических процессов в мировой политике и экономике, которые явились следствием разрушения Западом Ялтинско-Потсдамской политической системы, серьезных ошибок, допущенных при определении путей развития России. В свою очередь сущность нового мирового порядка можно определить как состояние «глобальной турбулентности», формирующее «эпоху быстрых перемен».

Перемены конца XX – начала XXI века демонстрируют очевидное изменение типа цивилизационного развития, с активным поиском новых стратегий, отличных от тех, которые применялись в межгосударственном общении ранее. При этом мы все больше фиксируем, что все происходящее в современной цивилизации, меняет ее базисные ценности. В такие периоды трансформаций нередко скорость и глубина социальных перемен бросают вызов че-

ловеку и человечеству в способности ориентироваться в окружающем мире, понять суть переживаемого этапа, обеспечить адекватные реальности ориентиры в понимании происходящего.

Между тем, на лицо факт главного конфликта эпохи глобализации и однополярного мира Россия – Запад. При этом конфликт можно по-разному масштабировать, поскольку масштаб конфликта, обуславливает его глубину, причину, источники устранения. Если конфликт считать между политическими элитами, его субъекты, соответственно В. Путин и Б. Обама и их окружение. Но российская элита в этом конфликте не участвует в принципе, поскольку она практически не выражает своей позиции. Складывается впечатление, что большинство российской элиты уже входит в западный мир. Видимо именно этим объясняется восприятие элитой либеральной идеологии, в то время как основная часть российского населения привержена национальным и патриотическим ценностям. Подобная ситуация формулирует естественный вопрос: на чьей стороне российская политическая элита? Очевидно на стороне своих капиталов...

В тоже время, если рассматривать конфликт более глобально, напрашивается сравнение с ситуацией противостояния СССР и США времен «холодной войны», тогда сторонами конфликта выступают не только президенты двух стран, но и представляемые ими государства США и Россия.

Но ведь конфликт между геополитическими интересами России и Запада существовал и ранее. В таком случае, мы имеем дело с цивилизационным столкновением российской и западной цивилизации, который укладывается в современный геополитический тренд – глобализации.

Глобализация явление многогранное. С одной стороны, глобализацию можно определить как процесс формирования единства мирового информационного, экономического, политического, правового, социокультурного и экологического пространства. Соответственно, она имеет несколько аспектов: экономический, поли-

тический и социокультурный, которые тесно взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга. И такой подход справедлив, он действительно имеет место.

А, с другой, глобализация, как теперь уже стало очевидно, – всего лишь другое название американской гегемонии, американского господства. Об этом цинично и откровенно заявлял Г. Киссинджер еще в октябре 1999 года в своей лекции в Дублине, в Ирландии: «Главный вызов состоит в том, подчеркнул он, что то, что обычно называют глобализацией, на самом деле просто другое название господствующей, лидирующей роли Соединенных Штатов»¹. При этом мы должны понимать, что лидерство как таковое имеет для слабеющего мирового гегемона по-американски чисто прагматический характер. В первую очередь оно необходимо для обеспечения потребительских интересов «золотого миллиарда», то есть оно прямо или косвенно направлено против остального человечества. Глобальное лидерство – это своеобразный и довольно надёжный сертификат на право безраздельного владения, распоряжения и пользования всеми ресурсами планеты.

Следовательно, особенность глобализации по-американски в том, что она предполагает наличие правил и обязательств, направленных на подчинение им суверенных стран. Более того, по мере глобализации рынков и культуры неолиберальная теория, объясняющая глобализацию, допускает «увядание», свертывание суверенности отдельных стран, формирование нового типа «граждан мира», чья лояльность обращена уже не к отдельным правительствам, а к внегосударственным структурам.

Идеология либерального интернационализма, лежащая в основе современной глобализации – основа американской внешней политики в XX–XXI веке, заложенная еще В. Вильсоном, явила собой стремление спроецировать американские ценности на мировую политику. При этом в основе этой политики лежит слом прежней

¹ Майкбрайд У. Глобализация и межкультурный диалог // <http://lib.rin.ru/doc/i/113122p.html>. (дата обращения 01.02.2015)

системы межгосударственных отношений, в фундаменте которой баланс сил, раздел мира на сферы влияния и т.п., а вместо нее спроецировать на мир американские ценности – ценности либерального общества, индивидуализма, рыночной экономики и единого центра силы.

Эта политика обусловила и своеобразную интерпретацию советских, а сегодня российских политических целей и интересов. Еще в 1920–1930 годах западными политиками был сформирован образ нашей страны, как мирового революционного центра, отрицающего возможности мирного сосуществования и ориентированного исключительно на мировое могущество. Стратегия глобальной экспансии привнесла в американскую дипломатическую практику правило двойного стандарта. Соединенные Штаты Америки на словах в категорической форме выступили против создания сфер влияния, против образования блоков. А на деле уже доминировали в западном мире, после второй мировой войны взяли под свой контроль многие прежние части Британской империи, питали надежды на занятие места Франции и других западноевропейских колониальных метрополий в их важнейших владениях. Западное полушарие США рассматривали уже как свою заповедную зону. Все это никак не укладывалось в рамки провозглашаемых ими демократических принципов. Если Соединенные Штаты стремились к доминированию в далеком Китае, то это подавалось как «содействие прогрессу человечества», а если СССР был озабочен безопасностью своих границ, то это освещалось как его «выход на большую дорогу экспансии». Правило двойного стандарта стало внутренней сущностью послевоенной американской дипломатии². Именно двойной стандарт американской внешней политики, когда свои интересы священны, а чужие едва ли не бессмысленны, и породил «холодную войну». Следуя в русле двойных стандартов, уже в конце Второй мировой войны, когда вырисовывались контуры

² Уткин А.И. Мировая холодная война. М.: ЭКСМО, 2005. С.135.

современной Европы, перед СССР пока еще союзники по антигитлеровской коалиции поставили конкретный вопрос: быть СССР сателлитом США и союзником, либо искать другие возможности? Особо следует подчеркнуть, что вопрос был задан стране, которая побеждала величайшую военную силу современности. Стране, которая, еще истекала кровью, теряя на фронтах Великой Отечественной войны цвет и молодость своей нации, но которая, при этом единственная в мире никогда не была зависимой территорией от Запада, которую Штаты настойчиво упрасивали вступить в войну против Японии, как можно скорее. И уже тогда никакие опасения СССР в отношении собственной безопасности не принимались во внимание. Так американцы поступали на протяжении многих лет. Таким образом, сегодняшнее глобализационное видение места и роли современных государств и России является продолжением долговременного стратегического замысла Запада и, прежде всего, США.

Как следствие, в результате глобализационных процессов век закончился формированием международного порядка при гегемонии сверхимперии – США. При этом, казалось бы, человечество должно стать идентичным субъектом-объектом собственной истории, но эта идентичность мнимая. Мир приучают к тому, что лидер один: «Я считаю, что США – исключительная страна, отчасти потому, что мы продемонстрировали готовность защищать не только свои интересы, но и интересы всех государств»³, – заявил американский президент в своей речи в ООН январе 2015 года. История уже имела прецеденты мировой исключительности и мирового лидерства, завершались они плачевно для всего мира.

Но дальше, больше. «Я верю в более умный вид американского лидерства. У нас лучше всего получается вести за собой в тех случаях, когда мы сочетаем военную мощь с сильной дипломатией, когда мы дополняем свою силу строительством коалиций, когда мы не допускаем того, чтобы наши страхи заслоняли благоприят-

³ Обама вновь напомнил Путину об исключительности США // <http://www.forbes.ru/news/245213-obama-vnov-napomnil-putinu-ob-isklyuchitelnosti-ssha> (дата обращения 06.02.2015).

ные возможности, которое несет новое столетие», – заявил хозяин Белого дома в своем послании к конгрессу. По его мнению, именно с таких позиций правительство США «и действует сейчас во всем мире и добивается искомых результатов»⁴.

А результаты поистине «впечатляющие». С 1999 года американская коалиция разрушила и расчленила уже 4 государства (Югославия, Ирак, Ливия, Афганистан). В Сирии сейчас идет война, Иран уже на подходе. Общее количество убитых, по разным оценкам, доходит до 1,5 млн. чел. Размер военных расходов только США на проводимые военные кампании составил \$ 1,5 трлн⁵. По существу, отношения между народами и государствами, почти те же, что в период классического колониализма. Это порождает глубокую структурную нестабильность в мире. Оценивая итоги только что завершившегося столетия, Э. Хобсбаум пишет: «...Век закончился глобальным беспорядком, природа которого неясна, и отсутствием видимого механизма и для устранения этого беспорядка, и для того, чтобы держать его под контролем»⁶.

А теперь, вспомним и сравним риторику. Посол США в Москве А. Гарриман в марте 1944 года пытается определить место СССР в послевоенной системе международных отношений. Он говорит: «Советам следует понять, что они совершили ошибку (речь идет об обмене дипломатическими представительствами СССР и нового правительства Италии, для совместного решения проблем послевоенного обустройства Италии), которая, если она будет иметь продолжение, помешает общему сотрудничеству. Мы уже прошли очень долгий путь, а Советы только учатся как вести себя в цивилизованном мировом сообществе. Мы можем достигнуть эффективных результатов только в том случае, если зайдем твер-

⁴ Выступление президента США с посланием к конгрессу <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1710397> (дата обращения 24.01.2015).

⁵ Гушер А.И. Геополитическая картина современного мира. Оценки и прогнозы. <http://oko-planet.su/politik/politikmir/113453-geopoliticheskaya-kartina-sovremennogo-mira-ocenki-i-prognozy.html> (дата обращения 01.02.2015).

⁶ Hobsbaum E. Na kraju veka globalni nered // Politika. 24. deembra 2002. S. A19.

дую позицию тогда, когда русские будут делать ошибочные шаги... А если мы не проявим твердости? ... С каждым новым эпизодом мы будем видеть все более жесткую советскую политику, они будут выступать как мировые нарушители спокойствия»⁷.

Рискованность единоличного мирового лидерства бесспорна, порождая беспорядок в собственных интересах, она ведет к вооруженным конфликтам, которые невозможно контролировать и тем более остановить. Но исключительность неудержима, а отсутствие рефлексии очевидно. «Мы продолжим охотиться за террористами и ликвидировать их сети, и мы *сохраняем за собой право действовать в одностороннем порядке* (курсив автора), как мы неустанно делали после моего прихода к власти, уничтожая террористов, которые представляли прямую угрозу нам и нашим союзникам», – отметил Б. Обама в своем обращении Конгрессу⁸.

Такой подход «с позиции силы лидера» лег в основу Стратегии национальной безопасности США. В ней черным по белому заявлено, что Соединенные Штаты стремятся к глобальному мировому лидерству. Объявляется о приоритете американских ценностей, при этом они позиционируются как ценности общечеловеческие. Заявляется также о готовности и решимости в применении военной силы, в том числе в одностороннем порядке. По сути дела предъявлен концепт установления мирового порядка с главным актором – Соединенными Штатами Америки. И это официальный документ – Стратегия национальной безопасности США. Приведу для отражения пафосности самого стиля этого документа некоторые выдержки: «Эта новая Стратегия национальной безопасности предлагает защищать национальные интересы Соединенных Штатов через сильное и стабильное лидерство. Она устанавливает принципы и приоритеты использования американской силы и влияния в мире. Она совершенствует модель амери-

⁷ Цит. по: Уткин А.И. Указ. соч. С.32.

⁸ Выступление президента США с посланием к конгрессу <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1710397> (дата обращения 24.02.2015).

канского лидерства, корни которого уходят в экономическую и технологическую мощь США и ценности американского народа ... в ней заявлено, что мы готовы и решительно настроены останавливать, а в случае необходимости и побеждать наших потенциальных противников. Она подтверждает лидирующую роль Америки в мировом порядке, основанном на законе и опоре на активных граждан, ответственных государствах и эффективных региональных и международных организациях... У правительства Соединенных Штатов нет большей обязанности, чем защищать народ Америки. Но наши обязанности не заканчиваются на наших границах. Мы исполняем наши обязанности по поддержанию международной безопасности потому, что это в наших интересах, в интересах исполнения обязательств перед нашими союзниками и партнерами и затрагивает поистине глобальные опасности. Ничто не может заменить лидерство Америки ни перед лицом агрессии, ни в вопросе общечеловеческих ценностей или американской безопасности»⁹. В этой связи уместно вспомнить известное заявление З. Бжезинского, о том, что в XXI веке Америка будет развиваться против России, за счет России и на обломках России.

Совершенно очевидно, и то, что одной из целей современной конфронтации является блокирование усилий России по созданию Евразийского союза – потенциально мощного мирового «игрока» и в перспективе стратегического субъекта геополитики, который мог бы сформулировать альтернативный Проект не только собственного, но и глобального развития. При этом во всех случаях администрация США, во главе с лауреатом Нобелевской премии мира Б. Обамой будут продолжать руководствоваться принципом М. Цицерона: «Войну надо начинать так, чтобы казалось, что мы не ищем ничего другого, кроме мира».

Из всего вышесказанного становится ясно, что реализуемая Америкой стратегия удержания мирового лидерства в меняющем-

⁹ Цит. по: Полный текст стратегии национальной безопасности США <http://www.aftershock.su/?g=node/287991>.

ся мире уже начинает переходить в реальную политику «с позиции силы», где выход из кризиса долговой экономики «бумажного доллара» видится, в том числе и в «обнулении» долговых учетных записей «пузыря» пустого богатства. Для этого и становится необходимой «большая война», по итогам которой победитель, как и в свое время в Бреттон-Вудсе, рассчитывает диктовать свои условия остальному миру. Воля к ведению войны для Америки при перспективном рассмотрении является волей управлять после войны.

Патовость ситуации в том, что создаваемый США «порядок», ведущий к планетарному риску имманентны логике американских политиков, логике подчинения мира единственному принципу неолиберальному и единственной воле – воле самой большой мировой державы. При этом, глобализация не в состоянии воспрепятствовать новой хаотизации и нарастающим рискам, несмотря на укрепление общемировых связей в технологической и экономической областях. Поскольку глобализация несет с собой подчинение большинства меньшинству, она ведет к неизбежным конфликтам – локальным, региональным, даже планетарным, по сути своей все более напоминающим конфликт цивилизаций по С. Хантингтону. Новый мировой порядок становится порядком хаотизации мира, глобализацией страха и насилия и несет еще большую опасность, чем прежний «биполярный» порядок, поскольку не поддается контролю.

Таким образом, в начале XXI столетия строительство нового мирового проекта завершилось. Суть проекта в том, что вместо государственных территорий, как основы национального суверенитета – общее глобальное пространство, вместо государственной идеологии, а на ее наличие имеет право каждое государство – продвижение либеральной демократии и рыночного фундаментализма. И лидер всего этого – нация, гордящаяся своей исключительностью – Соединенные Штаты Америки. Однополярный мир стал банальностью. Теория этого проекта не одно десятилетие разрабатывалась в трудах Ж. Ат-

тали, Ф. Фукуямы, З. Бжезинского, К. Санторо¹⁰. В этих работах можно прочесть, что отсутствовало в официальных речах государственных лидеров, обращавшихся к идеям формирования «нового мирового порядка», высказывавшим его целевые установки. Чаще всего в качестве целевых задач теоретики рассуждали о формировании управляемого мировым правительством планетарного государства. А сам сценарий перехода к системе «нового мирового порядка» был описан итальянским профессором К. Санторо еще в середине 1990-х годов. При этом, Россия в этом проекте рассматривается как нелиберальный, авторитарный режим. Именно поэтому, А. Расмуссен считал, что есть два современных идеологических вызова западным ценностям – Исламское государство и Путинская Россия, то есть мы на одной доске с Исламским халифатом. Россия, совершенно нескрываемо, воспринимается как противник, а не партнер.

Таким образом, стратегия США и их ближайших союзников направлена на то, чтобы сохранить (и по возможности усилить) свои позиции и ослабить геополитических конкурентов. В этой стратегии России даже не достается роль сырьевого придатка, рынка сбыта западных товаров, страны, не обладающей политической субъектностью. Страны Запада (прежде всего, США) поставили себе приоритетной целью социально-экономическую и политическую дестабилизацию России, по сути, ведя против нее информационную, политическую, экономическую и финансовую войны и пытаясь втянуть ее в «горячую войну». В этих условиях становится очевидным, что экономическая элита Запада, захватившая политическую власть, не только не собирается мирно сосуществовать с иными политическими системами, но, как выразился А.А. Зиновьев, продолжает рассматривать себя в качестве мирового престола. Максимум, на что может теперь рассчитывать Россия, это оказаться в сфере власти, влияния и колонизации Запада, при-

¹⁰ Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М.: Международные отношения, 1993. 70 с.; Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1999. 256 с.; Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ Ермак, 2004. 588 с.

чем на тех ролях, какие нам может позволить сам единственный и неповторимый Запад¹¹.

Ситуация усугубляется наличием в Российской Федерации серьезных нерешенных внутренних проблем, осложняющих противостояние внешнему давлению. Указанные проблемы связаны с сырьевым характером экономики, слабостью отечественной промышленности, отсталостью и изношенностью инфраструктуры, недостаточным спросом на отечественные инновации в обществе и, как следствие, недостаточным финансированием науки, системы образования и здравоохранения, отсутствием единства внутри элиты и ее ответственности за страну, общим снижением социокультурного капитала нации и ее элиты. Существующая модель экономического регулирования тормозит экономический рост, ведет к сжатию кредитного рынка, к зависимости крупного бизнеса от иностранных кредитов, к высокому уровню имущественного расслоения.

Дестабилизация мировой ситуации, сложное внутреннее положение в России, породило следующие глобальные риски:

- риск затяжного мирового финансового кризиса (типа «Великой депрессии»), связанного со снижением нормы прибыли и исчерпанием потенциала развития в рамках текущего технологического уклада;

- риск краха мировой финансово-валютной системы, основанной на использовании доллара США в качестве резервной валюты;

- риск глобальной войны вследствие разрушения существующей системы международной безопасности, роста числа региональных военных конфликтов, перекраивание границ, расширения и реформирования военных союзов;

- демографические и социальные риски в связи с массовыми миграциями населения, рост социальной напряженности, угроза революций и гражданских войн¹².

¹¹ Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Эксмо, 2007. С. 20.

¹² Ковалев В., Малков С., Малинецкий Г. Если завтра война... Доклад Экспертно-дискуссионному клубу «Аналитика». М.: Академия военных наук. Ассоциация «Аналитика». 2015. С. 20.

В этой связи, если Россия стремится не только выжить как суверенное государство, но и желает, чтобы реализовалась, при ее участии, альтернативная модель мира, основанная не на диктате одного центра силы, а на кооперативных началах с согласованием интересов всех стран, то ей нужно выработать стратегию действий, парирующую краткосрочные и среднесрочные угрозы стране и ориентированную на достижение долгосрочной цели по формированию указанного альтернативного миропорядка. Для этого необходимо четкое понимание рисков и угроз и на этой основе формирование вектора внутренней и внешней политики.

Однако, такое адекватное понимание затрудняется тем, что российский внешне-политический вектор во многом строилась на основе постсоветских теорий. Еще не стерлись из памяти призывы к формированию «общеввропейского дома», овладению «новым политическим мышлением, для нашей страны и для всего мира». Из которых следовал важнейший вывод, что дальнейшее развитие международных отношений будет идти по пути стирания противоречий между нашими странами и будет формироваться единое европейское пространство, в котором Россия, после расставания с коммунистическим прошлым, займет достойное место. И как результат, не адекватно была оценена вытраиваемая глобальная мир-система, на верхних этажах которой для России места не оказалось. Похоже, что Россия как целостное государство не может интегрироваться в западный мир, даже при добром отношении к этому стран Запада. Судите сами, наши иллюзии по вхождению в «золотой миллиард» со временем рассеялась. Желание остаться хотя бы в нише стран сырьевого обеспечения, претендуя на «сырьевую империю» не осуществились, оказалось, что и в таком качестве места России в западном мире не уготовано. Крупнейшее государство мира, с более чем 140 миллионным населением, со своей собственной цивилизацией, традициями, геополитическими интересами не может быть включено в систему, без ее изменений. А именно таких изменений и не приемлет Запад. Красноречивый

тому пример длительный, превратившийся в бесконечный процесс принятия в европейскую семью Турции.

Кроме того, в нашей стране не был всесторонне проанализирован западный проект глобализации, важнейшим целевым ориентиром которого, как свидетельствует реальность, выступает достижение мирового господства. Россия исторически всегда выступала главным препятствием такого проекта, отсюда стремление устранить ее любыми способами. Наша история яркое тому подтверждение. Конечно же, Россия с одной стороны, не может самоизолироваться от происходящих процессов, а с другой, для нее неприемлем разворачивающийся монополярный формат. Поэтому, проблема исторического самоопределения России в условиях глобализационных трендов актуальна и сегодня.

Между тем, Россия никогда не претендовала на исключительность и, тем более на мировое лидерство. Но она вправе, как суверенное государство, в соответствии с поправными теми же американцами нормами международного права, требовать соблюдения и учета международными партнерами российских национальных интересов, интересов ее безопасности, бережного отношения к ее истории, традициям и ценностям.

С другой стороны, называя вещи своими именами, следует констатировать, что реально «холодная война» никогда не прекращалась, хотя и была переведена в иное русло. С одной стороны, ее как бы отрицали, с другой, с гордостью называли победителей и побежденных. Не удивительно, что декларированное в начале 1990-х годов партнерство РФ и США со временем, с американской точки зрения, вырождается в право и обязанность России во всем следовать американскому лидерству: это естественное отношение к «побежденному» противнику. Поскольку на деле России продолжали навязывать условия, чем-то похожие на условия, в которые была поставлена Германия после Первой мировой войны, только что без аннексий и контрибуций. Не вызывает сомнения, что «американскому политическому классу Россия видится либо немым и

послушным помощником США, либо открытым врагом. И никакой более-менее самостоятельной роли в мире, которую американцы готовы признать за другими государствами – Китаем, Индией, Францией, Германией, – они для России не видят»¹³.

Можно согласиться с классиком цивилизационного анализа А. Тойнби, который говорил о том, что при рассмотрении дихотомии Россия – Запад приписывал роль агрессора именно западной цивилизации. «Хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства, – писал британский историк, – пожалуй, действительно отражают, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада – агрессорами значительно чаще, чем наоборот. Русские навлекли на себя враждебное отношение Запада из-за своей упрямой приверженности чуждой цивилизации...»¹⁴. На этом фоне невозможно не замечать и очередную (уже третью) попытку превращения «Европы» в «унитарную империю», (первая – «наполеоновская», вторая – «гитлеровская»), которая всякий раз оканчивалось для нас «большой (отечественной) войной». Со всей очевидностью напрашивается вывод, что в настоящее время идет неуклонное превращение Европы в некое «сверхгосударство» с единой централизованной системой управления, со сплошным военно-политическим пространством, с едиными правилами, а теперь и с едиными вооруженными силами т.е., по сути, с унитарной в потенции военно-политической силой.

Именно Россия всякий раз оказывалась основным препятствием на пути экспансионистского глобализма, реально мешающая США реализовать свою программу мирового лидера. Стержневая роль в планетарной западной экспансии принадлежала первоначально Британской империи, а после второй мировой войны перешла к США.

¹³ США заинтересованы в обострении отношений с Россией <http://24topsmi.ru/politics/10646.html> (дата обращения 27.01.2015).

¹⁴ Тойнби А.Д. Постигание истории. М., 1991. С. 142.

Для того чтобы понимать и прогнозировать происходящие в мире глобальные процессы необходимо помнить догмат, лежащий в основе национальной стратегии Соединенных Штатов – догмат неприемлемости для Америки потери мирового лидерства. Как показывает анализ американских декларативных документов, главенство в мировой геополитической иерархии рассматривается американским правящим режимом и политической элитой как необходимое условие процветания и развития страны в XXI веке.

Таким образом, фиксируя факт обострившегося цивилизационного столкновения, спрогнозируем негативные сценарии, к которым оно может привести: геополитический распад России; приход к власти прозападных сил и ускоренная десуверенизация; блокада, превращение страны в геополитического изгоя и стагнация; десуверенизация в пользу других геополитических субъектов, таких как, в частности Китай; переход «холодной войны» в «горячую» и это будет трагедией всего человечества¹⁵.

Если есть конфликт, резонно прогнозировать сценарии выхода из конфликта. Первый – сдаться на милость «победителю». Это смена президента, лишение страны национальной самоидентичности, возврат Крыма, принятие западных ценностей, распад России по сценарию Югославии. Это наиболее желаемый на Западе сценарий. С геополитического горизонта исчезает субъект, препятствующий, своей цивилизационной культурой продвижению западной демократии. Следующий сценарий – «игнорирование конфликта» и переориентация на Восток. Далее – надеяться, что конфликт затухнет сам собой, при этом мы осуществляем активное противостояние. Нечто подобное нередко звучит из уст политических руководителей страны. Сценарий – замещение конфликта – найти иной субъект конфликта, на который переключится Запад, поскольку он будет более опасен. В этом же сценарии возможен распад современного мира на несколько группировок, которые будут представ-

¹⁵ Актуальная российская повестка. Конфликт Россия-Запад: пути выхода. Материалы научного семинара. Вып. № 2. М.: Наука и политика, 2015. С. 6.

лять собой трансрегиональный замкнутый на себя, самодостаточный рынок, способный взаимодействовать внутри себя. Это формирует вновь многополярный мир со многими центрами силы. Безусловно, как в период своего становления, так и в период существования, между ними будет развиваться многовариантная борьба, имеющая цели и задачи, не совместимые с существованием каждого из них, однако такого рода соперничество будет иметь уже структурированный характер, который вряд ли приведет к тотальному и прямому столкновению крупных игроков, что, безусловно, резко снижает риски, вызванные необходимостью массированного применения наиболее смертоносных и разрушительных вооружений. Борьба будет вестись лишь сателлитами США с использованием не подконтрольных никому субъектов региональной политики, на буферных или пограничных по отношению к России и Китаю странах. На наш взгляд, данный путь реализуется сегодня, путем создания коалиции США – Европа, Россия – Китай (БРИКС) и создание не стабильных горячих точек по периметру России: Украина, прибалтийские государства, полностью подконтрольные США.

Из этих рассуждений напрашивается еще один путь разрешения кризиса – полная и безоговорочная нейтрализация существующих противоречий. Иными словами победить, ликвидировав основное существующее противоречие. Для этого, прежде всего, необходимы кардинальные реформы, которые должны ликвидировать системные проблемы в экономическом и политическом устройстве России, поскольку они сами по себе, даже в отрыве от внешних угроз, несут в себе катастрофическое начало и способны привести к деградации и распаду России. В первую очередь имеется в виду сырьевой характер нашей экономики и ликвидация олигархической и предельно несправедливой системы политического устройства страны. Речь не идет о построении социализма, скорее всего, на данном этапе это вообще утопическая идея, однако именно несправедливость построенной в России системы власти, управления, социальной жизни и экономи-

ки – это мина, обезвреживание которой является принципиальной задачей ближайшего будущего.

Обобщая последствия глобализационной политики Запада можно констатировать, что нынешнее обострение международных отношений явилось следствием:

1. Отказа Запада признать за Россией то место в европейской и мировой политике, которое она считает для себя, после Второй мировой войны, естественным и законным. Откровенный обман в международных отношениях по отношению к России по вопросам расширения НАТО, втягивание бывших постсоветских государств в антироссийскую политику.

2. Прекращения Россией сотрудничества с США по многим направлениям, выведения со своей территории некоторых НКО, открыто занимавшихся политической деятельностью. Мы не поддерживаем подход к правам человека по-американски, что явно не соответствует замыслам глобалистов. Нежеланием России вернуться к внешней политике 90 годов, когда страной, по сути, руководили советники из США. «Европе, – писал в свое время И.А. Ильин, – не нужна правда о России, ей нужна удобная о ней неправда. Европейцам нужна дурная Россия: варварская, чтобы «цивилизовать ее по-своему»; угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленить; реакционная – чтобы оправдать для нее революцию и требовать для нее республики; религиозно разлагающаяся – чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная – чтобы претендовать на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии»¹⁶.

3. Укрепления России и активным выходом ее на международную арену в 2000 годы, что привело к формированию нового политического и экономического центра БРИКС, явно препятствующего глобалистской позиции Запада.

¹⁶ Цит. По: Башилов Б. История русского масонства. М., 1992. Вып. 1-2. С. 16.

4. Сложившаяся в мире ситуация свидетельствует о возрастании вероятности «войны всех против всех» с целью очередного «передела мира». Ее жертвами станут богатые природными ресурсами государства, а агрессорами – страны, ныне обделенные ими или интенсивно развивающиеся.

5. Не принятия Россией либерализма как единственно верного учения для своего развития и поиск своего пути развития в многополярном мире.

Итак, существует глобальный западный проект, суть которого заключается в мировом господстве. Представление о том, что России можно войти в западный мир со своими геополитическими интересами – опасная иллюзия, оборачивающаяся катастрофическими последствиями для страны. Но отстоять свое место в этом мире возможно. Для этого необходим глубокий анализ современной международной ситуации и на этой основе понимание места и роли в ней России, формирование более эффективной, государственно ориентированной системы управления, создание в стране атмосферы высокого морального духа, прежде всего политической элиты и всего народа, опора на передовые идеи и технологии в развитии страны, возрождение мощных, современных вооруженных сил.

Совершенно очевидно, что под влиянием внешних и внутренних обстоятельств Россия оказалась в ситуации испытания на прочность. Только принятие срочных и решительных мер может позволить избежать серьезных последствий для страны.

РОССИЯ В ДОКУМЕНТАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ США И НАТО

Бочарников Игорь Валентинович,
руководитель Научно-исследовательского центра
проблем национальной безопасности, член Зиновьевского клуба
МИА «Россия сегодня», профессор кафедры информационной аналитики
и политических технологий МГТУ имени Н.Э. Баумана,
доктор политических наук

Еще в 2008 году в ходе августовского кризиса в период, так называемой авантюры М. Саакашвили, было очевидно, что агрессия Грузии против Южной Осетии, является всего лишь прелюдией к более масштабному конфликту на постсоветском пространстве, в который должна быть, по мнению военно-политического руководства США, вовлечена Россия.

Но если, тогда администрация США еще пыталась сохранить видимость стремления к сохранению партнерства в обеспечении международной безопасности, то сейчас в рамках эскалации украинского кризиса, как говорится, «маски сброшены».

НАТО устами зам. генсека А. Вершбоу в июне прошлого года открыто назвало Россию противником. Президент США Б. Обама, выступая на 69-ой сессии Генассамблеи ООН, в числе наиболее значимых угроз международной безопасности (в их американской интерпретации) «агрессию России в Европе» назвал второй по значимости, после лихорадки Эбола.

А 15 октября 2014 года американский министр обороны Ч. Хейгел на ежегодном собрании Ассоциации армии США призвал американских военнослужащих быть готовыми «иметь дело» с армией России, которая стоит «на пороге НАТО». Таким образом, американский военно-политический истеблишмент настроен весьма воинственно и решительно.

И об этом в полной мере свидетельствуют документы стратегического планирования США.

Прежде всего, это так называемая «доктрина Обамы», озвученной им в феврале 2013 года, суть которой сводится к утверждению главенства США над двумя гигантскими экономическими блоками – Трансатлантического и Транстихоокеанского, положений новой американской военной стратегии «Поддержание глобального лидерства США: приоритеты обороны в XXI веке», утвержденной Б. Обамой в 2012 году, а также разрабатываемой в США концепции «глобального удара».

В этих документах красной нитью проходит стремление к глобальной гегемонии США, основанной на их исключительности – угрозу которой они считают своей главной угрозой национальной безопасности.

Следует отметить, что этот любимый тезис Б. Обамы – об «американской исключительности» стал ощутимо расходиться с возможностями страны, её авторитетом и влиянием в мире. И это очевидно.

В этой связи в последнее время резко активизировались усилия по поиску новых средств и инструментов реализации Национальной стратегии упреждающего удара, разработка которой началась еще при Дж. Буше-младшем.

Эта стратегия предусматривает три важнейшие фазы своей реализации, применительно к странам, которые в перспективе могут угрожать американским интересам, а именно:

- смена политического режима;
- изменение менталитета и уклада жизни населения страны;
- «строительство» (а точнее – воссоздание заново) государства на территории, откуда мыслится возможная угроза американским интересам.

Упреждающая стратегия, в отличие от превентивной, предполагает борьбу и устранение не только *актуальных, существующих, а прежде всего потенциальных угроз, угроз завтрашнего дня для «американской исключительности»* (курсив автора).

А главное, она предполагает, как минимум, деструкцию и ослабление, а как максимум, – устранение субъектов подобных угроз:

России или любого другого государства, ставящего под сомнение американскую исключительность.

Кроме того, в стратегии предусматриваются подобные действия и в отношении не только государств, но и негосударственных структур самого различного типа.

Значительная часть американского истеблишмента, проанализировав почти десятилетний опыт практического осуществления Упреждающей стратегии, сделала вывод о необходимости ее подкрепления новыми методами, инструментами и способами реализации. За последнее время в США опубликован ряд ключевых документов и материалов по этим вопросам.

Среди них необходимо выделить, прежде всего, переведенные на русский язык Новую оперативную доктрину армии, Третью инициативу оборонных инвестиций и инноваций Пентагона и т.п.

Главным в Новой оперативной концепции армии США «Победа в сложном мире 2020-2040» является то, что впервые на уровне официального документа обнародовано принципиально новое видение облика войны.

На Западе традиционным является увязывание трех терминов – агрессия, война и воля. Война в англо-саксонской традиции отнюдь не обязательно связана с применением летального оружия. Эта традиция следует за классиком военной мысли К. Клаузевицем, утверждавшим: «Война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю». Соответственно, и в теоретическом, и, главное, в практическом смысле вся военная доктрина Запада заточена под задачу подавления воли противника, его подчинения, превращения в средство достижения собственных целей.

Помимо изменения облика войны, значительно расширяется сфера противоборств. И это вторая новая характеристика американского понимания войн. Впервые официально признаны сферами войн не только традиционные боестолкновения с использованием летального оружия, но и противоборства в сфере дипломатии, внутривнутриполитические гражданские конфликты, информационные

войны, финансово-экономические войны, жесткое технологическое противоборство и, наконец, поведенческие войны.

При этом в концепции выделяются пять направлений, или, как говорят американцы, доменов противоборства.

В их число входят суша, море, воздух, космос и киберпространство, причем суша определяется как решающий домен. В этом состоит третья сущностная черта концепции.

Обращает на себя внимание то, что в Ведении к Концепции оговаривается, что ключевая роль армии связана не только собственно с ведением военных действий, а с тем, что именно на нее выпадает главная нагрузка по реализации двух последующих стадий, предусмотренных Национальной стратегией упреждающего устранения возможных угроз.

Именно армии, в соответствии с официально принятым документом, предстоит после завершения военных действий нести основную нагрузку по реформатированию жизни и менталитета населения стран и регионов, представляющих собой актуальную, либо потенциальную угрозу американской исключительности, а также реструктуризации и воссоздания на новой основе государств на этих территориях.

Таковы в общем-то американские ориентиры противоборства. То, что оно нацелено на Россию сомнений не вызывает. Подтверждает это и положения и одного из последних документов в этой области – Стратегии национальной безопасности США, обнародованной 6 февраля 2015 года, в которой предусмотрены следующие основные принципы:

- США будут в одностороннем порядке использовать военную силу в случае угрозы гражданам страны или стран-союзников;
- США намерены участвовать в воспитании будущей политической и экономической элиты по всему миру;
- США будут модернизировать силы НАТО для обеспечения безопасности в Европе (*и эта модернизация уже идет в Прибалтике – И. Бочарников*);

– США намерены помочь Европе в вопросах энергобезопасности и диверсификации импорта энергоносителей;

– США будут поставлять оборудование странам-партнерам по борьбе с терроризмом, тренировать их силовиков; (*пример Украины – И. Бочарников*);

Примечательно, что в Вступлении к документу, подписанным Б. Обамой, так называемая «российская агрессия» упоминается в ряду «серьезных вызовов для национальной безопасности» США. Примерно в том же ключе Россия упоминается в новом стратегическом документе администрации США в общей сложности полтора десятка раз.

Анализ вышеперечисленных документов свидетельствует о том, в отношении России реализуется планомерная стратегия США по созданию пояса стратегического окружения, ее изматывания и, наконец, ее устранения в том виде в каком наша страна сейчас находится и, наконец, использования ее и ее ресурсов для обеспечения их американской исключительности..

Американцы готовятся к противоборству с Россией и готовятся очень серьезно. Больше того, оно в их восприятии уже идет. Главный лейтмотив всей их внешнеполитической стратегии заключается в реализации идеи фикс «Карфаген должен быть уничтожен». Под Карфагеном они, конечно же, понимают Россию.

Хотя на самом деле Карфаген в Античном мире был, по сути, пиратским государством, жившим за счет других государств, то есть, по сути, таким же, как и США, но 23 века назад.

ХАРАКТЕР И СОДЕРЖАНИЕ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ СОВРЕМЕННОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ГЕОПОЛИТИЧЕСКУЮ И СТРАТЕГИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В МИРЕ

*Гушер Анатолий Иванович,
генеральный директор Центра стратегического развития,
член Научного совета при Совете Безопасности РФ,
генерал-майор в отставке*

За прошедшие после распада СССР и ликвидации двухполюсной системы мироустройства годы на нашей планете произошел ряд вооруженных конфликтов разного характера, масштабов и интенсивности.

В течение этого не так уж и продолжительного по историческим меркам периода мир не стал, как, возможно, на это кто-то рассчитывал, более справедливым и безопасным. Наоборот, в этом отношении он стал хуже. В течение этого времени мы стали свидетелями четырех войн с масштабным участием в них вооруженных сил США и НАТО (две войны против Ирака, война против Сербии на Балканах, война в Афганистане) и ряда региональных вооруженных конфликтов, подготовленных или спровоцированных США и их союзниками или рвущимися к власти новыми силами (вооруженный конфликт 1992 года в Приднестровье, вторая ливанская война 2007 года, агрессия Грузии против Южной Осетии и Абхазии 2008 года, свержение в 2011 году легитимного режима Муаммара Каддафи в Ливии, продолжающийся вооруженный конфликт в Сирии, расширение зоны террористической активности на Ближнем Востоке с появлением там самопровозглашенного т.н. «Исламского Государства» и развязанного им геноцида против местного населения неисламского вероисповедания). Хроническая военно-политическая нестабильность сохраняется в ряде регионов и стран Африки.

Особое место в ряду вооруженных конфликтов, прямым образом затрагивающих национальные интересы и безопасность России, занимает гражданская война на юго-востоке Украины, в развязывание которой огромный вклад внесли США, Евросоюз и нынешний киевский режим. Сегодня это наиболее опасное направление, на котором Запад пытается прорваться к западным границам России.

Ряд упомянутых выше вооруженных конфликтов продолжается. Остаются еще и т.н. «спящие» конфликты (в Нагорном Карабахе, в том же Приднестровье, в Центральной Азии, на Южном Кавказе и в других регионах).

Характер, содержание и интенсивность вооруженных конфликтов последней четверти века постепенно приобретают некоторые новые черты. Можно отметить **постепенный уход в тень комплексных военных операций классического содержания и определенное снижение масштабов конфликтов с точки зрения численного и боевого состава участвующих в них сил западных стран**. В первую очередь это относится к вооруженным конфликтам с непосредственным участием в них вооруженных сил США и НАТО. Все это объяснимо, так как полномасштабные военные операции с применением в них всех видов вооруженных сил и вооружений могут проводиться против государств или режимов, обладающих крупными регулярными армиями и соответствующим вооружением.

Последним событием такого рода для США стала вторая война в Ираке (2003–2011 годов), в которой Пентагоном задействована 250-тысячная группировка американских войск и воинские контингенты 49 стран-сателлитов. Но и потери американцев в этой войне оказались наибольшими после Вьетнама – это почти 5 тыс. убитыми и более 32 тыс. ранеными. К этому же следует добавить и порядка 7 тыс. дезертиров.

Примечательно то, что основную часть этих потерь американцы понесли не в боях с иракской армией, а от иррегулярных сил исламского сопротивления. Именно неготовность американской армии к

длительной борьбе с иррегулярными силами противника и большие потери в личном составе подтолкнула Пентагон к принятию решения о выводе основных своих сил из Ирака и возложению основной тяжести борьбы с силами сопротивления на наспех сформированные вооруженные силы марионеточного режима Багдада.

В похожем ключе развивается для США военно-политическая обстановка в Афганистане, хотя характер 13-летней американской военной кампании на территории этой страны несколько иной, чем в Ираке. Главная ставка в этой кампании американцами и натовцами была сделана на широкое применение авиации (в том числе стратегической на начальном этапе вторжения в Афганистан), на проведение ограниченных наземных операций с использованием сил специального назначения в зонах наибольшей активности талибов, удержание под контролем важнейших городов страны и районов, охоту за лидерами и полевыми командирами сопротивления и т.д.

Тем не менее, результаты этой стратегии оказались более чем сомнительными. Разветвленная сетевая структура сил и разведки талибов позволяла им успешно уклоняться от боестолкновений с крупными силами США и НАТО и наносить им удары партизанскими и террористическими методами там и тогда, где и когда они этого не ожидали. Общие потери только убитыми военных США и НАТО за время войны в Афганистане составили около 3,5 тыс. человек. И это при том, что группировка ВС США и НАТО на территории Афганистана временами достигала более 130 тыс. человек, имела в своем составе штурмовую и армейскую авиацию, разведывательные и ударные беспилотные средства, высокоточные боеприпасы, современные технические средства разведки и управления. В интересах Пентагона действовал ряд частных военных компаний. Кроме того, Вашингтон сумел вовлечь в свою операцию в Афганистане воинские контингенты почти 50 других стран. Однако, все эти старания оказались напрасными: за годы войны талибы не только восстановили, но и нарастили свои силы, контроли-

руют большую часть территории страны и не оставляют для интервентов никаких надежд на успех их дела.

Сейчас США и остающиеся их союзники (большинство из них уже сбежали домой) активно готовятся к выводу из Афганистана своих основных сил. Но при этом они пытаются найти какие-то возможности и формы сохранения своего присутствия в этой стране. Как все это будет происходить, пока непонятно. Но ясно одно: военное вторжение США в Афганистан после их ухода из этой страны в итоге обернется полной дестабилизацией обстановки в стране, и ее протуберанцы могут затронуть территории стран Центральной Азии.

Характер и содержание вооруженных конфликтов современности зависят от ряда новых факторов.

Главным из них следует считать сохраняющееся и нарастающее глобальное противостояние между западным блоком государств (США, Евросоюз, Япония и находящиеся в сфере их влияния другие страны) и группой государств Евразии, АТР, Ближнего и Среднего Востока (Россия, Китай, КНДР, Иран, Сирия и другие). Это противостояние, определяющее общую геополитическую и стратегическую картину мира, охватывает экономическую, политическую, военную, информационно-пропагандистскую и иные сферы жизни государств и простого человеческого существования.

Именно в ходе этого противостояния, уже получившего название «гибридной войны», возникают ситуационные политические и военные союзы государств, закладываются основы их стратегического взаимодействия на случай глобальных или крупных региональных военных конфликтов, идет процесс развития вооруженных сил и средств вооруженной борьбы, разрабатываются новые стратегические концепции и принципы применения вооруженных сил в глобальной и региональных войнах, инициируются различного рода локальные вооруженные конфликты, «цветные революции» и государственные перевороты.

Глобальное противостояние стало перманентным состоянием существования человечества и обладает свойствами периодического

его обострения до крайне опасных уровней. Ничего нового в этом нет, но есть одна важная особенность: сегодня это противостояние происходит в условиях отсутствия прежнего двухполюсного стратегического баланса сил, что существенно повышает опасность сваливания мира в планетарный хаос военно-политической нестабильности и даже глобального вооруженного столкновения. Это оказывает существенное влияние на содержание вооруженных конфликтов. Ощущение безнаказанности и вседозволенности, возникающее у агрессора, подталкивает его к действиям, направленным, прежде всего, против мирного населения, создававшейся десятилетиями промышленной, территориальной и социальной инфраструктуры, памятников культурного наследия и другого.

В какой-то степени успокаивать может лишь то, что глобальные конфликты возникают не так часто – один – два – три раза за столетие. Но уповать на это не стоит. Готовиться к ним нужно всегда. Во всяком случае, так поступают ведущие страны мира и их ответственные руководители. «Хочешь мира – готовься к войне!». Актуальность этой аксиомы, похоже, имеет непреходящий характер. А изучение и анализ современного глобального противостояния во всех его тенденциях, аспектах и проявлениях и формулирование объективных выводов и предложений являются сегодня важнейшими и актуальными задачами для нашей военной науки и практической работы органов политического и военного управления государством.

Человечеству сегодня приходится гораздо чаще сталкиваться с локальными вооруженными конфликтами, вызываемыми обострившимися межгосударственными и внутренними противоречиями, борьбой за перераспределение сфер влияния и ресурсов, межнациональными и межрелигиозными противоречиями, попытками смены политических режимов и захвата власти, деятельностью сил экстремистской и террористической направленности.

Опасность вооруженных конфликтов этого рода состоит, прежде всего, в их ожесточенности и циничности, в непримиримости воюющих сторон, в их направленности главным образом про-

тив мирного населения и систем жизнеобеспечения людей, в их непредсказуемости, в игнорировании инициаторами конфликтов любых законов и правил, имеющих отношение к понятиям прав человека, сохранения жизни людей и т.д. Мы это видим сегодня везде: в Афганистане, в Сирии, на Ближнем Востоке, в Африке, в Европе на Украине, в зонах террористической активности.

Если же смотреть на эти вооруженные конфликты в более широком плане, в первую очередь с позиций национальных интересов и обеспечения безопасности России, то в них практически всегда присутствуют угроза расширения масштабов дестабилизации обстановки до пределов, создающих прямые угрозы нашей национальной безопасности. По-другому и быть не может, так как большинство локальных и региональных вооруженных конфликтов являются частными проявлениями того самого глобального противостояния, в той или иной форме обслуживают его. За ними практически всегда маячат тени стремящихся к мировому господству главных военно-политических игроков.

Все сегодняшние вооруженные конфликты в мире представляют неопровержимые доказательства этого. И именно поэтому любые вооруженные конфликты, как на постсоветском пространстве, так и в других странах и регионах мира, должны рассматриваться в их прямой связи со стратегией Запада, направленной своим острием против России и стран, не подчиняющихся западной воле.

Серьезных перспектив на сокращение масштабов вооруженного противостояния и насилия в различных странах и регионах мира сегодня не просматривается. И понятно, почему.

Во-первых, совершенно очевидно, что в мире еще сильны позиции стран и сил, делающих ставку на силовое решение своих проблем.

В статье, размещенной в издании "**Global Research**" в конце января 2015, ее автор американский обозреватель Стивен Лендман пишет: *«Америка развязала настоящую войну против человечества. Власти страны обращаются к таким методам, к которым дикта-*

торы стесняются прибегать... Вашингтон планирует увеличивать границы американской империи до тех пор, пока не достигнет абсолютного мирового господства. Ради этого он готов пойти даже на ядерную войну против России или Ирана». Автор также утверждает: «За всю мировую историю еще ни одно государство не представляло такой угрозы существованию человечества, как Америка. Бушуют бесконечные войны. Против вымышленных противников. Новые войны начинаются с опасным постоянством. Мир стал чистой фантазией. Обама хочет добиться разрешения конгресса на неограниченную войну. Игнорируя международное право».

С. Лендман ничего не придумывает и не преувеличивает. Все так и есть.

Во-вторых, разрушена существовавшая в годы реального межблокового баланса сил международная система сдержек и противовесов при реагировании мирового сообщества на острые ситуации, ведущие к дестабилизации военно-политической обстановки в странах и целых регионах. Ее сегодня нет, хотя в стенах многих международных организаций идет бесконечный диалог о судьбах мира. Многие, слишком многие страны из соображений лизоблюдства и собственной выгоды скорее готовы поддержать агрессивные действия США, нежели возвысить свой голос протеста против агрессии Вашингтона.

В-третьих, существенно снизилась или ослабла роль международных организаций, созданных после окончания второй мировой войны как раз для решения задач сохранения и укрепления мира, международной безопасности и предотвращения вооруженных конфликтов (ООН, Совет безопасности ООН, ОБСЕ, МАГАТЭ и др.). Площадки этих международных организаций сегодня нередко используются ведущими странами Запада для продвижения собственных стратегических интересов, а не для справедливого решения задач поддержания мира и безопасности.

В-четвертых, сегодня имеются все основания утверждать, что провоцирование и поддержка Западом внутренних и региональных

политических кризисов и вооруженных конфликтов стали неотъемлемой частью общей западной стратегии и практики по расширению контроля над миром, его ресурсами и политическими процессами в неугодных Вашингтону, Лондону и Брюсселю странах.

В то же время, США и их союзникам, пребывавшим после распада СССР в состоянии эйфории от возникшего у них ощущения силового превосходства над всем остальным миром, очень скоро пришлось убедиться в том, что они далеко не всемогущи. Неожиданно для Вашингтона и его ближайших союзников в мире возросло сопротивление диктату и насилию со стороны США и НАТО. Весьма характерно, что сегодня это сопротивление возникает и нарастает в основном со стороны стран и народов, являющихся жертвами западной агрессии и экспансии. Итоги этого противодействия известны: это провальная для США вторая военная кампания в Ираке, фактически начисто проигранная американцами т.н. «антитеррористическая» операция в Афганистане, безрезультативность всех попыток давления на Иран с целью заставить Тегеран отказаться от реализации его ядерной программы и другое.

Убедившись в своей неспособности или практической невозможности добиться быстрых и эффективных военных результатов прямым применением своих вооруженных сил в указанных выше ситуациях (*не использовать же для этого в каждом случае ядерное оружие!* – А. Гушер), Вашингтон в последнее время пошел на определенные корректировки стратегии национальной безопасности и своей военной доктрины. Решено пока избегать масштабного прямого (контактного) применения своих вооруженных сил (сухопутные войска, морская пехота) в локальных вооруженных конфликтах и использовать в основном бесконтактные приемы и способы вооруженной борьбы, как-то: нанесение авиационных и ракетных ударов высокоточным оружием, негласное применение сил специальных операций, расширение масштабов подрывных киберопераций, максимально возможное вовлечение союзников США в самостоятельное решение военных задач, отвечающих ин-

интересам Вашингтона, использование наемных армий и частных военных компаний, насаждение, где только можно, проамериканских марионеточных режимов и другое.

Взяв паузу в прямом и неограниченном применении своих наземных сил в различных регионах мира, Вашингтон стремится минимальными силами и желательно чужими руками, управляемыми американскими спецслужбами, посольствами и консульствами, а также многочисленными неправительственными организациями и своей агентурой дестабилизировать и взорвать военно-политическую ситуацию везде, где это будет признано необходимым. По сообщениям американских источников, силы специального назначения США действуют почти в 150 странах мира.

В то же время в США явно понимают, что всего этого крайне недостаточно для достижения своих глобальных, стратегических целей в мире. Поэтому американцы продолжают поиск иных решений, которые позволили бы им сохранить военное превосходство в мире. Одним из главных направлений в решении этой задачи является модернизация и развитие существующих стратегических сил и создание новых средств вооруженной борьбы, развертывание их на минимально возможном расстоянии от территорий вероятных противников и создание некой глобальной системы управления ими. Именно в рамках этого курса осуществляется программа развертывания средств стратегической ПРО в Европе и в АТР, разрабатывается концепция мгновенного глобального удара, ведется разработка гиперзвукового оружия, создаются кибервойска. По-видимому, таким образом США и НАТО рассчитывают минимизировать свои слабости и нарастить военно-технические возможности для глобального противоборства со всеми и контроля над миром.

Необходимо подчеркнуть, что все упомянутые по тексту региональные войны и вооруженные конфликты не стали теми событиями, которые бы самым минимальным образом скомпрометировали положения российской военной науки, практику военного строительства и общие стратегические принципы применения воо-

руженных сил для обеспечения национальных интересов и безопасности России. В то же время не вызывает никаких сомнений необходимость внимательного изучения характера и содержания региональных войн и локальных вооруженных конфликтов, чтобы учитывать их особенности при организации оперативной и боевой подготовки своих войск. Мы должны быть готовыми и к ведению нашими войсками боевых действий в специфических условиях против нестандартного противника. Но готовность к отражению военной угрозы со стороны США и НАТО – это главное.

Наконец, некоторые соображения относительно развития военно-политического кризиса на Украине, особенно ожесточенного вооруженного противостояния на юго-востоке, где Донецкая и Луганская народные республики не на жизнь, а на смерть бьются за свои права и жизни своего населения с обандерившимся и обамериканившимся Киевом.

Это не обычный вооруженный конфликт, возникший из-за непринципиальных и мелких разногласий и несговорчивости сторон. Это проявление того самого глобального противостояния и противоборства, о котором говорилось выше. А если это так, то это уже серьезно. Украина уже более двадцати лет крепко прихвачена острыми когтями американского грифа, который не собирается отпускать ее в самостоятельное и свободное плавание. **Слишком уж лакомый стратегический кусок мира представляет Украина для США. Упустив его, Вашингтон, на мой взгляд, может лишиться самого серьезного на сегодня козыря, который подтверждал бы его мировое лидерство.** Мы знаем, что американские военные советники, ЦРУ, Госдепартамент США, администрация президента США, конгрессмены в непрерывном режиме следят за тем, чтобы киевская правящая хунта не сбилась с начертанного для нее маршрута. Кстати, многие военные неудачи Киева связаны именно с теми советами, которые дают им американцы.

Сверхзадача США и НАТО – превратить Украину в надежный плацдарм своей антироссийской стратегии непосредственно на

наших западных границах. С учетом уже состоявшегося в 90-е годы расширения зоны ответственности НАТО на восток это было бы уже слишком. Сама Украина для Запада является лишь расходным материалом.

Может ли Россия и дальше просто наблюдать за этим, ничего не предпринимая в ответ? Думаю, что нет. Предпринимая значительные усилия по политическому урегулированию украинского кризиса, мы должны исходить из того, что успеха на этом пути можно добиться только в сочетании с постоянным военным и иным давлением на Киев. Но и при этом он, Киев, будет юлить, изворачиваться, брать на себя обязательства и не выполнять их, выдвигать обвинения против России, создавать искаженную картину ситуации на юго-востоке и в целом в стране, искать все новые и новые возможности для продолжения военных действий, уничтожения своих идеологических и военных противников. Сегодняшнему украинскому правящему режиму нельзя верить ни на йоту.

За год борьбы жителей юго-востока Украины за свои права и саму жизнь там произошли удивительные по своей военной значимости и истории события. Вынужденно поднявшись на защиту своих семей и жилищ от киевских карателей, жители Донбасса и Луганщины под руководством своих лидеров быстро освоили азы военного дела, организовались в ополченческие формирования и уже в ходе тяжелых боев против регулярной армии, сил безопасности и других силовых структур Киева и наемников сумели создать свои армии, отличающиеся сегодня высокими морально-боевыми качествами, профессионализмом и умением воевать. В то же время украинская армия и другие киевские силовые структуры не проявили даже минимума тех качеств, которыми они должны были обладать по определению.

В военном конфликте на юго-востоке Украины продолжается перемирие, регулярно нарушаемое киевской стороной. Вторые минские соглашения под угрозой срыва. Киевский режим принимает отчаянные меры по восстановлению и наращиванию своего военно-

го потенциала. Продолжение гражданской войны на Украине представляется неизбежным.

Тема данной статьи и ее содержание требуют того, чтобы были сделаны некоторые итоговые выводы.

Первое. Вооруженные конфликты, продолжающиеся в различных регионах мира, отражают сущность движения современного мира к нарастанию общей геополитической и стратегической нестабильности. Их, за редким исключением, следует рассматривать в качестве инструментов стратегии США по сохранению и расширению своих стратегических позиций в мире в условиях невоенного глобального противостояния.

Второе. Неудачный опыт прямого участия вооруженных сил США и НАТО в некоторых локальных вооруженных конфликтах не означает отказа Вашингтона от прямого применения военной силы в других ситуациях.

Третье. Главным противником США Вашингтон считает Россию, и главные усилия в военном строительстве будет уделять наращиванию своих военных возможностей и подготовке вооруженных сил к глобальному конфликту с Москвой. В этом нет ничего нового, только сегодня этот стратегический курс сбросил с себя весь прежний камуфляж.

ПРОКСИ ВОЙНА

Микрюков Василий Юрьевич,

доктор педагогических наук, кандидат технических наук,
действительный член Академии военных наук Российской Федерации,
старший научный сотрудник по специальности «Оперативное искусство
в целом и по видам Вооруженных Сил, родам войск и специальным войскам»
заслуженный деятель науки и образования

Прокси войны (также опосредованные войны) имеют многовековую историю. Исторический опыт позволяет определить прокси войны как конфликты, в которых в собственных интересах косвенно участвует третья сторона, обеспечивая одного из двух акторов конфликта военной, организационной, ресурсной, политической или иной поддержкой.

В своё время президент США Дуайт Эйзенхауэр определил прокси войны, как «войны, которые ведутся чужими руками». Классическое определение прокси войны дал американский политолог Карл Дойч в 1964 году: «Прокси война – международный конфликт между двумя странами, которые пытаются достичь своих собственных целей с помощью военных действий, происходящих на территории и с использованием ресурсов третьей страны, под прикрытием разрешения внутреннего конфликта в этой третьей стране»¹⁷.

По своей сути прокси война – это гражданская война, которая либо спровоцирована иностранным государством – третьей стороной конфликта, либо ведётся при её активной ресурсной, политической и военной поддержке.

В современном мире широкое распространение прокси войн прямо связано с появлением и распространением ядерного оружия. Применение этого оружия чревато катастрофическими последствиями для участников ядерного конфликта. Поэтому ядерные державы прикладывали и прикладывают все усилия, чтобы не допустить прямых регулярных военных действий между собой.

¹⁷ Mumford A. Proxy Warfare. Cambridge: Polity Press, 2013.

В этом плане характерной является история индо-пакистанских конфликтов. После последней прямой индо-пакистанской войны в 1971 году обе страны разработали или получили ядерное оружие. Теперь военные действия между Индией и Пакистаном ведутся в виде прокси войн. При этом великие державы делают все, чтобы не допустить прямого ядерного столкновения между Индией и Пакистаном¹⁸.

В годы холодной войны прокси войны были стандартным видом конфликта, поскольку две ядерные сверхдержавы – СССР и США – избегали непосредственного столкновения, так как это было чревато эскалацией ядерной войны, катастрофической по своим последствиям для её участников.

Примерами прокси войн времён холодной войны являются:

- Корейская война – конфликт между Северной и Южной Кореей (1950–1953 годы). Часто этот конфликт рассматривается как опосредованная война между США с их союзниками и силами КНР и СССР. В состав северной коалиции входили: Северная Корея и её вооружённые силы; китайская армия (поскольку официально считалось, что КНР в конфликте не участвовала, регулярные китайские войска формально считались соединениями так называемых «китайских народных добровольцев»); СССР, который также официально не участвовал в войне, но во многом взял на себя её финансирование, а также снабжение китайских войск. Многочисленные военные советники и специалисты были отозваны из Северной Кореи ещё до начала войны, а во время войны отправлены назад под видом корреспондентов ТАСС. Со стороны Юга в войне принимали участие Южная Корея, США, Великобритания и ряд других стран в составе «миротворческих сил» ООН.

- Война во Вьетнаме (1957–1975 годы). Война началась как гражданская в Южном Вьетнаме. В дальнейшем в войну был втянут Северный Вьетнам, позднее получивший поддержку КНР и

¹⁸ Mumford A. Proxy Warfare. Cambridge: Polity Press, 2013.

СССР, а также США и их союзники (военный блок СЕАТО), выступавшие на стороне дружественного им южновьетнамского режима.

- Гражданская война в Анголе (1975–2002 годы) – крупный вооружённый конфликт на территории Анголы между тремя соперничающими группировками: МПЛА (Народное движение за освобождение Анголы – Партия труда), ФНЛА (Национальный фронт освобождения Анголы) и УНИТА (Национальный союз за полную независимость Анголы). В этой войне США воевали руками ФНЛА, а СССР – МПЛА; Куба при этом участвовала в войне напрямую через тысячи военных советников. При этом мотивы стран-кукловодов были далеки от интересов ангольцев; когда директора ЦРУ У. Колби спросили, зачем США поддерживают ФНЛА, он сказал, что «простейший ответ состоит в том, что Советы поддерживают МПЛА»¹⁹.

- Афганская война (1979–1989 годы) – военный конфликт на территории Демократической республики Афганистан (Республика Афганистан с 1987 года) правительственных сил Афганистана и Ограниченного контингента советских войск, с одной стороны, и многочисленных вооружённых формирований афганских моджахедов («душманов»), пользующихся политической, финансовой, материальной и военной поддержкой ведущих государств НАТО и исламского мира, с другой стороны.

К прокси войнам в XXI веке американский писатель и политический аналитик Г. Фуллер относит израильское вторжение в Ливан (2006 год), когда, по его мнению США и Иран воевали руками Израиля и Хезболлы²⁰.

Эндрю Мамфорд, американский специалист по контрповстанческим действиям, считает, что опосредованной была гражданская война в Ливии, которая характеризовалась не только прямым уча-

¹⁹ Mumford A. Proxy Warfare. Cambridge: Polity Press, 2013.

²⁰ Graham E. Fuller. The Hizballah-Iran Connection: Model for Sunni Resistance//The Washington Quarterly, Volume 30, Number 1, Winter 2006. С. 139 –150.

ствием НАТО с конца августа 2011 года, но уже с марта того же года США потребовало от Саудовской Аравии поставок оружия антиправительственным силам, а в июне Контактная группа по Ливии выделила повстанцам миллиард долларов, чтобы они могли купить себе оружие²¹.

В настоящее время прокси война идёт на востоке Украины, где США руками фашиствующих элементов из политических организаций «Правый сектор» и «Свобода», а также ультранационалистов, входящих в состав карательных батальонов ВСУ и МВД, совместно с боевиками частных военных компаний, финансируемых местными и зарубежными олигархами, уничтожают жителей Луганской и Донецкой народных республик, втягивая при этом в конфликт Россию.

По мнению военных специалистов в XXI веке роль войн чужими руками будет всё более возрастать. Это обусловлено целым рядом причин.

1. *Сочетание дешевизны и эффективности.* В одном из своих выступлений 34-й президент США Дуайт Эйзенхауэр оценил прокси войны как «самый дешевый способ достижения национальных целей». Д. Эйзенхауэр рассматривал прокси войны (тогда называвшиеся «программами иностранной помощи») как «самую дешёвую страховку», имея в виду то, как такие войны уменьшают как финансовые расходы, так и политические риски по сравнению с прямым военным вмешательством²². Бывший президент Пакистана Зия-уль-Хак полагал, что прокси войны позволяют «поддерживать долгие годы кипящий котёл конфликтов в опасных зонах за приемлемые деньги и с высокой эффективностью».

2. *Ограничение военных расходов.* В результате системного финансово-экономического кризиса, поразившего глобализованную экономику современного мира, подавляющее большинство глобальных акторов стараются ограничить военные расходы. Соответ-

²¹ Mumford A. Proxy Warfare. Cambridge: Polity Press, 2013.

²² Там же.

ственно они всё менее склонны напрямую участвовать в крупных войнах, особенно в форме прямых регулярных военных действий. По этому поводу известный американский политолог и юрист Ф. Боббит отмечал: «В будущем местные вооружённые силы будут всё активнее использоваться глобальными и региональными сверхдержавами в прокси вооружённых конфликтах. Такое использование станет экономичной и эффективной альтернативой дорогим, большим, регулярным армиям глобальных и региональных сверхдержав. Америке это не только позволит сэкономить средства, но и избежать ненужных рисков для жизни американцев, в том числе служащих в сухопутных войсках»²³.

3. *Общественное мнение.* В настоящее время с каждым годом повышается чувствительность общественного мнения к людским потерям и значительным расходам, связанными с вовлечённостью вооружённых сил в крупномасштабные конфликты. Всё в большей мере проявляется нежелание, прежде всего западного общества, нести какие-либо лишения и потери, сопряжённые с войнами. Согласно исследованиям Джорджтаунского университета, в США для общественного мнения «болевого порог» приемлемого числа потерь в военных действиях со времён Вьетнамской войны снизился более чем в 6 раз²⁴. В этом контексте «война чужими руками» становится всё более и более приемлемой.

Важным и интенсивно развивающим направлением прокси войн является массовое создание и функционирование частных военных компаний (ЧВК). По мнению американского военного аналитика К. Кокера, ЧВК, чем дальше, тем в большей степени будут определять не только политику национальной безопасности в странах Запада, но и всё более широко участвовать в реализации государственной политики на самых различных стадиях конфликтов²⁵.

²³ Mumford A. Proxy Warfare. Cambridge: Polity Press, 2013.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

ЧВК в западных странах стали создаваться на рубеже 90-х годов прошлого века. В решающей степени это было связано с окончанием холодной войны и сокращением кадрового состава армий в большинстве развитых стран мира.

Как отмечают И. Коновалов и О. Валецкий в своей работе «Эволюция частных военных компаний», всё изменилось «...когда закончилась холодная война. Во время войны в Персидском заливе в 1991 году соотношение гражданских контрактников и военнослужащих США было уже 1:50, но большинство из них представляли не военные, а обычные частные фирмы. На коммерческие авиакомпании, такие как Evergreen и Southern Air Transport, приходилось 65% всех перевозок войск и грузов. Вся тыловая поддержка Саудовской армии осуществлялась частными подрядчиками из США. На линии фронта инструкторы из частной военной компании Vinnell сопровождали части Саудовской Национальной гвардии в боях с иракскими войсками в районе города Раас-Уль-Хафджи. Специалисты компании DynCorp обслуживали в прифронтовой полосе большинство вертолётных частей.

После войны американские частные фирмы начали работать почти во всех силовых структурах Саудовской Аравии: BDM International – ВВС и Сухопутные войска, Booz Allen Hamilton – морская пехота и военные колледжи, Science Applications Corporation – флот и ПВО, O’Gara Protections Services – силы безопасности»²⁶.

По мнению Э. Мамфорда частные военные компании имеют два важных преимущества перед регулярной армией²⁷:

- их использование обходится дешевле, так как требуется меньшее количество инфраструктуры, и, в отличие от армий, не нужны деньги на пенсии отставникам и семьям погибших;

²⁶ Коновалов И.П., Валецкий О.В. Эволюция частных военных компаний. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С. 11-14.

²⁷ Mumford. Proxy Warfare A. Cambridge: Polity Press, 2013.

- гибель частных контрактников не порождает «Вьетнамского синдрома»: их похороны не привлекают внимания населения и прессы, в их смерти оппозиция не может обвинить правительство.

Всё это позволило к началу 2000-х годов, по мнению американского аналитика безопасности, Д. Ширера: «Активно использовать частные военные компании в таких вооружённых конфликтах, где иностранные правительства не хотят или не могут прямо участвовать»²⁸.

Важно отметить, что ЧВК не только минимизируют политические и иные риски для стран, реализующих через них свои интересы, но и позволяют этим странам поддерживать такие регулярные и иррегулярные структуры, которые по внешним или внутривнутриполитическим причинам страны никогда не смогут поддерживать напрямую.

О роли ЧВК в XXI веке убедительно свидетельствует статистика ООН и данные аналитических центров. Согласно материалам ООН, в период с 2001 по 2007 годы общая сумма контрактов, заключённых ЧВК всех стран составила почти 100 млрд. долларов. По данным аналитических центров, сегодняшний объем рынка услуг частных военных компаний превышает 250–270 млрд. долларов. ЧВК чем дальше, тем больше становятся обязательным участником прокси конфликтов²⁹.

Следует отметить, что в настоящее время всё большее значение приобретает феномен двойных прокси войн, когда в качестве третьей стороны, за которой государство старается скрыть своё непосредственное участие и вовлечённость в военные действия других сторон, выступают транснациональные корпорации (ТНК), имеющие в стране конфликта те или иные интересы или частные военные компании.

При этом война может вестись не между государствами, а между ТНК и национальным государством. В этом случае самым опас-

²⁸ Mumford. Proxy Warfare A. Cambridge: Polity Press, 2013.

²⁹ Там же.

ным для государств и для мирового права является полная непонятность того, кто является «военным агрессором».

Наряду с этим, по утверждению генерал-майора А.И. Владимирова, государства всё более утрачивают национальный контроль над развитием ТНК, которые пока что «соглашаются» подчиняться существующему порядку (праву), в то время, как эффективного международного контроля за их деятельностью еще не создано. Не секрет, что ТНК уже определяют «в основном» политику своих государств-основателей (вплоть до кадрового состава действующего политического истеблишмента), так как их экономические (и собственно финансовые) возможности уже соизмеримы с возможностями государств. При этом колоссальные внутренние экономические (финансовые) возможности ТНК позволяют им «закупать на корню» лучших военных специалистов и профессионалов, создавая частные военные компании, а также формировать «пятую колонну» своих адептов в государственных и международных структурах. Достаточно скоро может наступить момент, когда сама необходимость «подчиняться» национальному и мировому праву, будет сковывать деловую активность ТНК, что, в свою очередь, может побудить их образовать некий «мировой альянс ТНК», способный успешно конкурировать с национальными государствами и существующими международными организациями³⁰.

«Главной видимой силой (и средством) «мирового альянса ТНК» станут наёмники, а главным методом их действий будет — демонстрация подавляющего реального силового превосходства над отдельными структурами государственной и местной власти, и частями национальных вооружённых сил, подтверждаемое периодическими эпизодами боевых столкновений, в которых эти части

³⁰ Владимиров А.И. Основы общей теории войны. Часть II. Теория национальной стратегии: основы теории, практики и искусства управления государством. М.: Синергия, 2013. С. 789.

(всегда и однозначно) будут терпеть сокрушительное поражение»³¹, – считает генерал-майор А.И. Владимиров.

В заключении следует отметить, что, несмотря на всю привлекательность прокси войн для глобальных и региональных сверхдержав, они имеют ряд важных недостатков, на которые обращает внимание Э. Мамфорд³²:

1. *Зависимость*. Во время «холодной войны» прокси войны, особенно в Африке, привели к нежелательной зависимости молодых государств от СССР и США, приведшей к нынешней ситуации, в которой многие формально независимые страны полагаются на внешние страны-спонсоры в повседневной жизни, включая военную, политическую и экономическую сферы.

2. *Затягивание конфликта*. Вооружённая борьба чужими руками продлевает конфликт, так как проигрывающую более слабую сторону сравнительно несложно усилить до уровня, достаточного для создания патовой ситуации.

3. *«Обратный удар»*. Как показывает вся история войн, участники военных действий, даже находясь в полностью зависимом от третьей стороны положении, остаются субъектами. Любой субъект имеет собственную волю и интересы. Соответственно всегда остаётся риск, что актер, участвующий в прокси войне в решающей степени в интересах третьей стороны, начнёт преследовать свои собственные, отличные от прокси актора интересы. При этом если конфликт происходит длительное время, стратегические ставки для прокси актора высоки, и у него нет возможности быстро найти новую структуру – участника конфликта, то он сам оказывается в зависимости от стороны, которую поддерживает. Соответственно у этой стороны появляются всё новые возможности для повышения степеней свободы в действиях и принуждения прокси актора к под-

³¹ Владимиров А.И. Основы общей теории войны. Часть II. Теория национальной стратегии: основы теории, практики и искусства управления государством. М.: Синергия, 2013. С. 791-792.

³² Mumford A. Proxy Warfare. Cambridge: Polity Press, 2013.

держке действий, не полностью отвечающих его интересам. Классическим примером такого рода эволюции показала Аль-Каида, которая первоначально в значительной мере являлась прокси структурой Соединенных Штатов для ведения войны с Советским Союзом в Афганистане.

Подобные мнения служат обоснованием необходимости выработки рациональных поведенческих стратегий России при подготовке к войне. Ведь следование пусть плохой стратегии лучше отсутствия всякой стратегии. По мнению Сунь Бина (трактат «Искусство войны»): «Стратегия без тактики – это самый медленный путь к победе. Тактика без стратегии – это просто суэта перед поражением».

Поэтому задача российской военной науки в настоящее время состоит в изучении особенностей современных прокси войн и разработке на этой основе теоретических основ прокси войн. Если стратегия по К. Клаузевицу есть «банкирский дом», то, чтобы быть хорошим банкиром, прежде всего, нужно хорошо познать экономику. Постижение стратегической мудрости новой войны обеспечивает конечное превосходство национальной стратегии.

ЧТО ЖЕ ЭТО ТАКОЕ – «ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА»?³³

Зиновьева Ольга Мироновна,
сопредседатель Зиновьевского клуба МИА «Россия сегодня»,
руководитель Международного научно-образовательного центра
имени А.А. Зиновьева в МГУ имени М.В. Ломоносова

Солодухин Юрий Николаевич,
член Зиновьевского клуба МИА «Россия сегодня»,
научный руководитель Международного научно-образовательного
центра имени А.А. Зиновьева в МГУ имени М.В. Ломоносова

Члены Зиновьевского клуба Ольга Зиновьева и Юрий Солодухин считают, что те страны, общества, нации, которые не в состоянии организовать эффективное противодействие информационной агрессии, терпят поражение, по своим политическим последствиям сопоставимое с поражениями в «горячей» войне.

Ни в одном российском официальном документе вы не найдёте чёткого определения понятия «национальная безопасность». Ни в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (утверждена Указом Президента РФ от 13 мая 2009 года). Ни в «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» (утверждена Указом Президента РФ от 9 сентября 2000 года). Доктрина явно нуждается в обновлении, однако призванная прийти ей на смену «Концепция информационной безопасности Российской Федерации» пока существует лишь в виде проекта.

Вопреки мнению тех, кто желаемое выдаёт за действительность, наша страна не оказалась застигнутой врасплох информационной войной, вспыхнувшей в связи с ситуацией на Украине и вокруг Украины. В нашей-то стране мы битву за умы выиграли, о чём свидетельствуют как многочисленные социологические опросы,

³³ Ранее статья была опубликована на сайте МИА «Россия сегодня». http://ria.ru/zinoviev_club/20141120/1034273877.html

так и видимая невооружённым глазом консолидация российского общества. Правда, за пределами России ситуация обстоит хуже. И дело не только в отсутствии в нашей стране материальной базы, необходимой для заметного информационно-пропагандистского присутствия на международной арене. К сожалению, даёт себя знать также недооценка немалой частью высокопоставленных политиков и чиновников роли этого направления деятельности государства, которое сегодня, если вдуматься, играет ключевую роль в обеспечении национальной безопасности страны.

Это не преувеличение. После распада Советского Союза наступил довольно длительный период в сфере духовной жизни страны, который нельзя охарактеризовать иначе, как снижение уровня интеллектуальных интересов и духовных запросов значительной части населения. Однако то, что во времена СССР называлось идеологической борьбой, никуда не делось. И в этой борьбе выигрывает не та страна, в которой выше степень зомбирования людей, а та, в которой выше степень идейной убеждённости.

В самом деле, мир сейчас иной. Наличие ядерного арсенала и высокоточного оружия выступает мощным сдерживающим фактором для использования военной силы в выяснении отношений между его обладателями. Это, как говорится, на крайний случай. Основные цели сейчас стремятся достигнуть с помощью «мягкой» силы. Она включает в себя многое. В том числе применение такого во многом нового оружия, как современная пропаганда, она же – **информационная война**. О том, что это так, красноречиво свидетельствуют многочисленные «цветные» революции, майданы. Те страны, общества, нации, которые не в состоянии организовать эффективное противодействие информационной агрессии, терпят поражение, по своим политическим последствиям сопоставимое с поражениями в «горячей» войне.

Это, безусловно, качественно новое явление. В его основе – вызванное развитием информационных коммуникаций сужение сферы самостоятельной познавательной деятельности индивида, замена её

поглощением готовой продукции, поставляемой по каналам средств массовой информации, а также в процессе школьного и вузовского обучения. Людей отучили думать, что, по откровениям многих, – больно. Их отучили понимать, зато преуспели в области кодирования. **Смыслы заменили кодами.**

Мы, к сожалению, тоже вынуждены прибегнуть к арсеналу средств, применяемых в ходе информационных войн. Конечно, было бы лучше обойтись без этого, остаться в рамках открытого и равноправного диалога, обмена мнениями, сопоставления идей, взаимообогащения ценностей. Словом, оставаться на почве объективных фактов, логики, рационального убеждения.

Но реальная история человечества состоит не только из светлых страниц. Тот, кто утверждает, что она может строиться в полном соответствии с заповедями Декалога или моральным кодексом строителя коммунизма, – либо лицемер, либо очень наивен. Зачастую история не оставляет места для «хороших» ходов. Как гласит известное высказывание, на войне как на войне. А информационная война – это тоже война. Она вынуждает делать то, о чём потом приходится сожалеть, но что помогает в достижении таких целей, как сохранение суверенитета государства, целостность страны, её самостоятельность в выработке и осуществлении политики.

Сказанное не означает апологию известного принципа «цель оправдывает средства». Мы лишь констатируем, что реальная политика не обходится без издержек. Великий политик, выдающийся государственный деятель не тот, кто их сумел полностью избежать, такого в жизни не бывает. Это тот, кто свёл неизбежные издержки к минимуму, соразмерному достигнутым целям, которые общество приняты, одобрены, поддержаны, одобрены.

В ряду таких целей всегда были и ещё долго будут такие ценности, как национальные интересы страны. Государство, общество обязано добиваться их реализации, умело используя все те средства, которые не запрещены законом и не подвергаются осуждению со стороны большинства общества. Ссылки на так называемые об-

щечеловеческие ценности, общепринятые принципы и прочее могли бы приниматься во внимание, однако, противники России в информационной войне фактически сами обесценили их своей политикой двойных стандартов.

Жителям так называемых демократических стран в период «холодной войны» десятилетиями настойчиво внушали, что «промывка мозгов» населения в массовом масштабе имеет место только по ту сторону «железного занавеса». В это верило немало людей и на постсоветском пространстве. Считалось, что разрушение стен и занавесов, обеспечение информационной открытости гарантирует свободу конкуренции между источниками информации, давая людям возможность свободно выбирать то, что им нравится, что наиболее обоснованно и адекватно отображает происходящее в окружающем мире. А на деле оказалось, как убедительно показал русский мыслитель Александр Зиновьев, что эффективная идеологическая «промывка мозгов» миллионов и десятков миллионов людей возможна везде, в любых условиях, в любых обществах, как в изолированных, так и в неизолированных, независимо от наличия или же отсутствия вокруг них стен, границ или занавесов.

Понадобилась двадцать постсоветских лет, понадобилась нынешняя информационная война, чтобы люди смогли убедиться: точка зрения, отличная от той, которая предписана правящим классом Запада, блокируется так же жёстко, как это делается в авторитарных режимах. Свобода слова в западных государствах – свобода избирательная и дозированная.

Исходя из этого, считаем, что принцип свободы распространения информации должен подвергнуться корректировке. А именно: **страна, против которой развязана информационная война, имеет право на гибкое применение этого принципа, включая правовые ограничения на его применение, если это диктуется обстановкой.** Поэтому не надо реагировать на обвинения в агрессивности, зомбировании, фальсификациях, ну и в любом случае – не оправдываться, так как Запад действует против нас теми же ме-

60

тодами. Следует продолжать вести информационную войну так же активно, как и сейчас, **пока не возникнет реальная перспектива снижения уровня конфронтации.**

Не будет преувеличением сказать, что степень свободы и объективности в освещении, по крайней мере, всего, что связано с Украиной, в нашей стране неизмеримо выше, чем на Западе. Так, в России в настоящее время не существует тотального административного контроля над информационным пространством. Разумеется, ведущие телеканалы, часть печатной прессы контролируются государственным «оком». Однако в социальных сетях никаких ограничений нет, как, впрочем, нет серьезных ограничений и для информационного обмена с внешним миром.

Отсюда второй вывод: эффективность использования средств массовой информации в информационной войне сейчас определяется не столько мерами правовой поддержки запретительного типа, сколько умением, профессионализмом в применении возможностей воздействия на умы людей, создаваемых современными информационными и коммуникационными технологиями. **Именно их разработка и применение должно стать главным направлением усилий государства в информационной войне.**

В СССР, как известно, существовали особые структуры, занимавшиеся «спецпропагандой». В начале 1990-х годов многие из этих центров были закрыты. Можно услышать, будто они возобновили свою деятельность. Называется даже цифра: подготовкой специалистов в области информационной войны в России занимаются 74 центра. **Однако судя по нашим скромным успехам в этой сфере на международной арене, то ли таких центров на самом деле на порядок меньше, то ли качество обучения в них оставляет желать много лучшего. А очевидная потребность в таких центрах, использующих советский и мировой опыт, велика.**

За рубежом запущен в ход тезис, согласно которому действия России на Украине и вокруг Украины есть не что иное, как прелюдия к новой «холодной войне», цель которой на этот раз – сокрушение

западной, «атлантической» цивилизации. При всей вздорности этого тезиса он оказывает ощутимое воздействие на интеллектуальную часть западного общества. Нам стоит подумать над разворачиванием пропагандистской кампании, нацеленной на разрушение этого мифа. Россия была, есть и будет неотъемлемой составной частью Европы. Россия не раз спасала своих западных соседей от угроз, связанных с нашествием Орды, экспансией Османской империи, агрессией Наполеона. В победе над гитлеровским фашизмом и нацизмом вклад нашей страны был бесспорно решающим.

Сегодня человечество стоит на развилке. Либо движение в сторону «свободы без границ», снятие всех запретов, выработанных мировой цивилизацией, стирание границ между добром и злом. Благополучный исход подобного эксперимента более чем сомнителен. Либо сохранение и обогащение традиционных институтов, духовных и нравственных ценностей, лежащих в основе европейской, всей мировой цивилизации. Эти институты и ценности никак не сковывают развитие человечества, более того, выступают его основой, поддерживающей преемственность исторического процесса. **Россия выступает лидером в борьбе за выбор второго пути, о непреходящем значении которого для будущего неоднократно говорил Президент России Владимир Путин. Это – миссия России, без преувеличения, исторического значения.**

Жизнь показывает, что очень важным фактором в информационной войне выступают те «архетипы», наборы ценностей, которые дают человеку семья, школа, вуз. В советский период была выстроена система их формирования. Её нельзя считать идеальной. Однако вакуум, который сложился в этой сфере, ещё опаснее. Только в последние несколько лет заговорили о восстановлении воспитательной миссии общеобразовательной школы, о поиске национальной идеи, национальной идентичности. Разумеется, национальная идея не рождается по заказу. **Вместе с тем создание единой линейки учебников по истории, увеличение внимания к преподаванию отечественной литературы говорит о том, что можно ре-**

ально идти вперёд, осуществляя то, к чему общество уже готово. Именно идти, а не ждать, что в один прекрасный день получим всё и сразу. В области идей, культуры, духовной жизни так не бывает.

Нынешняя информационная война достигла невиданного ранее уровня интенсивности. Можно смело утверждать, что **мы переживаем исторически одну из наиболее масштабных и наиболее интенсивных кампаний в истории информационных войн.**

Степень и накал нынешней конфронтации России и Запада наверняка снизится, но обольщаться этим не стоит. Украина стала своего рода лакмусовой бумажкой, позволившей понять природу этого противостояния. Оно носит геополитический характер. Говоря так, мы имеем в виду не столько стремление Запада заполучить природные ресурсы, принадлежащие России (драматического дефицита на них сейчас нет), сколько принципиальную неприемлемость для Запада самого существования России как мировой державы.

Как проницательно, ещё в начале 1990-х годов, отметил выдающийся мыслитель А.А. Зиновьев, сокрушением Советского Союза Запад не удовлетворится. Его цель – вытеснение России, её ядра – русского народа на мировую периферию, как минимум, – подчинение России своему влиянию, поскольку она – главное препятствие в реализации глобального проекта по имени однополярный мир.

Мы должны исходить из этого в своей концепции и стратегии обеспечения национальной безопасности.

УПРАВЛЯЕМЫЙ ХАОС В ГЛОБАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ

Белозёров Василий Клавдиевич,

*доктор политических наук, сопредседатель
Ассоциации военных политологов, заведующий кафедрой политологии
Московского государственного лингвистического университета*

Харичкин Игорь Константинович,

*доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии
Московского государственного лингвистического университета*

Процессы, происходящие в современном мире, при всей их драматичности, предоставляют пищу для размышления специалистам в области политических отношений. Развернутые оценки и выкладки, анализ ситуации потребуют определенного времени, вместе с тем есть основания для анализа. Тем более, что в некоторых случаях требуется оперативное реагирование.

При этом развитие ситуации на Украине позволяет констатировать тот факт, что последовавшая реакция крупнейших мировых игроков возникла на основе полярных оценок происходящего, высветив непримиримые позиции сторон и обнажив их сущность. Дальнейшее доведение рассуждений и анализа до логического завершения показывает, что глобальный «водораздел» в современной международной политике пролегает на основе экзистенциальных противоречий и различий в ценностях и интересах. С одной стороны это транснациональные структуры, которые для достижения своих целей стремятся ослабить государство как институт политической организации и самоуправления нации и устранить и заместить его как центр принятия решений. По другую сторону барьера находятся традиционные акторы, стремящиеся в условиях глобализации сохранить свою идентичность и традиционную систему ценностей, неотъемлемым и ключевым компонентом которой является право самостоятельно определять свою судьбу и принимать решение о сохранении исторически сложившейся политической организации общества.

Специфика же сложившейся на сегодня ситуации состоит именно в обозначившейся направленности к предельному ее обострению, когда становится все меньше возможностей, чтобы скрывать и гасить существующие противоречия и сохранять сложившийся в мировой политике статус-кво. Сторона, настроенная более агрессивно и решительно, уже в который раз развертывает «боевые действия», преследуя неограниченные цели в виде свержения неугодного режима (или, как минимум, кардинального изменения его политического курса). Будучи, судя по всему, настроенной на «ведение войны до победного конца», она активно обращается в своей борьбе к различным инструментам силового воздействия. Диапазон используемых ресурсов, средств, форм, методов и технологий чрезвычайно широк: шантаж, манипуляция, пропаганда, диверсии, экономические и иные санкции, применение военной силы (и демонстрация готовности ее применить), дискредитация и физическое устранение неподконтрольных лидеров и др. Причем их использование строится на основе принципов а) комплексности, б) избирательности, в) разной степени вовлеченности, г) ситуативности, д) составления различных комбинаций. В конечном же итоге все происходит, как принято говорить среди военных профессионалов, согласованно и по единому плану.

Неудивительно, что в сложившихся условиях внимание отечественной политической элиты, государственных руководителей, представителей экспертного сообщества и военных специалистов все чаще фокусируется на таких феноменах как «цветные революции», «управляемый хаос», «гибридная война» и др. Отметим, что одним из основных сюжетов программного по сути выступления В.В. Путина в октябре 2014 года в Сочи на итоговой пленарной сессии XI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» стала именно проблема «цветных революций». Однако обращает на себя внимание именно заявленная организаторами как тема заседания постановка вопроса: «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?».

В чем опасность хаоса для России?

Жесткая реакция руководства России представляется вполне естественной, поскольку отражает обоснованные опасения, возникающие в результате оценки возможности применения подобных сценариев в отношении нашей страны.

Во-первых, подобные технологии доказали свою эффективность, поскольку имели своим результатом свержение неугодных Западу режимов со всеми вытекающими (побочными?) последствиями в виде наступления хаоса и анархии в этих странах. Последнее, впрочем, мало интересует организаторов.

Во-вторых, последствия для России, как показывает исторический опыт, могут оказаться более разрушительными, на чем следует остановиться более подробно. Когда-то в древности еще автор «Слова о полку Игореве», воспринимая Русь как целостное и единое образование и переживая междоусобицы, прямо указывал на последствия для страны распрей среди князей: «Затихла борьба князей с погаными, ибо сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». ...А поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую». Население Руси ожидало от своих политических руководителей создания условий для безопасности и благополучия. В «Слове...» содержится прямой упрек князьям, указание на их ответственность и последствия раздоров: «Вы же своими распрями побуждали поганых нападать на землю Русскую...».

Небезынтересно, что в сознании народа в понятие Родины, Отечества в нашей стране испокон веков входили семья, армия, государство, представляющие собой органичные и взаимодополняющие элементы единого целого. Традиция понимания Родины не только как простого территориального образования идет из глубины веков. Как отмечал академик Дмитрий Лихачев, издревле под Русской землей принято было понимать не только Русскую страну, но и русский народ и русское войско³⁴.

³⁴ См.: Лихачев Д.С. Золотое слово русской литературы. В кн.: Слово о полку Игореве / Вступ. ст. и подготовка древнерусского текста Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1987. С. 3.

Массовое сознание в России сориентировалось на сильную государственную власть, в обществе сформировались патерналистские установки, защиту же от военных и иных угроз население связывало, прежде всего, с государством. Характерно, что отечественный историк Н.И. Костомаров в качестве главной черты русской души выделял ее стремление «к воплощению государственного тела»³⁵. Одним из высших смыслов русской ментальности стала и ответственность за обладание огромным пространством, за его обустройство, сохранение единства и стабильности, обеспечение безопасности. Отметим, что создавать в трудный час для защиты Родины по инициативе граждан, без указки сверху, ополчения и партизанские формирования способны далеко не все народы. Более того, следует согласиться с наблюдением немецкого политического мыслителя Карла Шмитта о том, что «лишь поражение регулярной армии является пробой способности народа к вооруженному сопротивлению против иностранных завоевателей»³⁶. Россия – наглядное тому подтверждение.

В нашей стране поведенческие установки, связанные с ориентацией на сильную центральную власть и закрепленные в исторической памяти народа, не раз оказывались востребованными. И для этого имелись весомые основания: по заключению Александра Панарина, «опыт всех смутных эпох в России доказал, с какой готовностью извечные ее оппоненты пользуются ослаблением Российского государства и питающей его духовной традиции»³⁷. Подтверждением возможности ослабить или разложить российскую государственность изнутри может служить и вывод немецкого философа войны К. Клаузевица, который после Отечественной войны 1812 года пришел к убеждению о том, что «Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т.е. оккупировать... Такая

³⁵ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Мысль, 1993. С. 273.

³⁶ Schmitt C. Clausewitz als politischer Denker // Der Staat. 1967. № 4. S. 487.

³⁷ Панарин А.С. Завещание трагического романтикаю // Москва. 2001. № 7. С. 27.

страна может быть побеждена лишь собственной слабостью и действием внутренних раздоров»³⁸. Ставку на раскол народов нашей страны, как известно, делало и руководство нацистской Германии, принимая решение о нападении на Советский Союз. Настораживает то, что, как показывают проводимые исследования, специфика разлагающего воздействия на Россию в настоящее время принципиально не изменилась: основная ставка по-прежнему делается на разложение духовных скреп нации³⁹.

Здесь следует обратить внимание на одну особенность политических трансформаций в России. Если на Западе происходило обрушение правительственных структур, то государственность сохранялась благодаря развитым институтам гражданского общества. В России таких условий не было и нет. Если в нашей стране происходит свержение центральной власти, то наступает хаос, льется кровь, встает угроза самому существованию нации. Смута на рубеже XVI–XVII веков, эпоха революций и гражданской войны в начале XX века – впечатляющее и наглядное тому подтверждение. С учетом изложенного можно предположить, что для захвата власти в России достаточным может оказаться свержение центрального правительства.

Управляемый хаос как инструмент глобального доминирования

В связи с рассматриваемой проблемой особого внимания заслуживает анализ доктринальных положений, изложенных в официальных документах США. Речь идет о Стратегии национальной безопасности, утвержденной Бараком Обамой 6 февраля 2015 года, и о Национальной военной стратегии, выпущенной в июне 2015 года в развитие стратегии.

³⁸ Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1936. Т. 2. С. 414.

³⁹ Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. Монография. М.: Научный эксперт, 2009.

Следует обратить внимание на ключевые смыслы и сигналы, содержащиеся в стратегии. Некоторые ее положения заслуживают того, чтобы привести их, как говорится, без купюр и изъятий.

...Нас объединяет общенациональная уверенность в том, что глобальное лидерство Америки остается непреложным. Мы признаем свою исключительную роль и ответственность...

Мы будем лидировать с позиции силы. ... Однако американская исключительность зиждется не только на силе нашего оружия и экономики. Прежде всего, это продукт наших основополагающих ценностей...

Наша армия сохранит свою готовность защищать наши непреходящие национальные интересы, обеспечивая важные рычаги влияния нашей дипломатии.

Для сохранения нашего устойчивого лидерства нам необходимо сформировать контуры нового мирового экономического порядка, который будет и впредь отражать наши интересы и ценности.

Америка находится в уникальном положении, чтобы поддерживать мирные демократические перемены – и именно этого от нее обычно ожидают.

Американские ценности являются отражением всеобщих ценностей, которые мы отстаиваем во всем мире. ... Мы будем защищать сообщества людей, которые слишком часто становятся объектом насилия, злоупотреблений и нерадивого отношения. Это этнические и религиозные меньшинства, люди с ограниченными возможностями, лесбиянки, гомосексуалисты, бисексуалы и трансгендеры, перемещенные лица, а также рабочие-мигранты.

Основное внимание мы уделяем поддержке тех стран, которые идут в правильном направлении – это мирная передача власти...

Ограничения зачастую вводятся посредством новых законов и правил, лишаящих организации иностранного финансирования, благодаря которому они могут работать; криминализирующих та-

кие группы людей, как ЛГБТ-сообщество, и отнимающих у политических оппозиционных организаций право на собрание и мирный протест.

Мы будем также наращивать издержки для России посредством санкций и прочих мер, противопоставляя лживой московской пропаганде ничем не прикрашенную правду. Мы будем сдерживать российскую агрессию, бдительно наблюдая за ее стратегическим потенциалом, а при необходимости поможем в перспективе нашим союзникам и партнерам противостоять российскому принуждению.

Ключевая мысль, наиболее ясно характеризующая предназначение новой стратегии национальной безопасности США, изложена в заключение документа: *«Она направлена на инициативное продвижение наших интересов и ценностей с позиции силы».* В стратегии наша страна неоднократно «удостоилась чести» оказаться вместе с вирусом Эболы и террористическим исламским государством в перечне главных проблем для США. Ранее Барак Обама провозгласил об этом же с трибуны ООН.

Стратегию нельзя в полной мере и объективно оценить без соотнесения с общим контекстом мировой политики, без обращения к другим источникам, поскольку содержание документа детерминировано обстоятельствами *ситуативной* и *константной* природы. Говоря о ситуативной составляющей, необходимо иметь в виду, что документ появился фактически на пике обострившегося глобального противостояния, суть которого – в непримиримом противоречии государств и цивилизаций (традиции) с одной стороны и транснациональных структур (модерна) с другой. Существующие противоречия сфокусировались в «украинском вопросе». Этим следует объяснить и время выхода документа. Отсюда и эмоциональный накал обвинений Вашингтона, вызванный наличием в мире силы в лице России, желающей и способной следовать самостоятельным политическим курсом, а не плестись покорно в кильватере США. Уже поэтому руководство США исходит

из презумпции виновности России, которая не права априори и изначально.

Обращение к константным, постоянно действующим факторам способно объяснить глубинные причины стратегии США, направленной на обеспечение глобального доминирования. Собственно говоря, здесь нет никакого секрета полишинеля, достаточно лишь освежить в памяти то, что в США никогда не скрывали.

Для начала следует вспомнить «канонические» труды С. Хантингтона. Он прямо указывает на изначально конфликтную политику Запада (во главе с США) по отношению ко всем «остальным» и обосновывает, что интересы Запада состоят в том, чтобы: «распространить западные ценности и институты, вынуждая другие общества уважать права человека, как их понимают на Западе, и принять демократию по западной модели». Применение двойных стандартов в международных отношениях выступает как «неизбежная цена универсальных стандартных принципов», которые западные державы должны навязать другим⁴⁰. Отсюда ясно, что столкновение интересов России с интересами США, создающих т.н. новый мировой порядок, неизбежно и имеет место всегда. Неизбежно и их периодическое обострение.

Заслуживают внимания и другие наработки, знакомство с которыми поможет избежать иллюзий относительно постоянства притязаний США. Здесь может быть рекомендована вышедшая в России при поддержке посольства США книга американского публициста У.Р. Мида о большой американской стратегии⁴¹. В основе этой стратегии – мессианство, заключающееся в априори присутствии американцам стремлении «помогать иностранцам осознавать их собственное благо» (С. 17). Всем непонятливым приходится объяснять, что сегодня этот проект «становится вопросом выживания всего человечества». Поэтому США «не вправе позволить миру

⁴⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 285–286, 283.

⁴¹ См.: Мид У.Р. Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска / Пер. с англ. А. Георгиева, М. Назаровой. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 208 с.

идти своим путем, как это было до сих пор, когда нации и цивилизации боролись за первенство, невзирая на цену, которую приходится за это платить человечеству» (С. 17-18).

Анализ генезиса менталитета американской нации показывает, что начиная с первых лет свое истории, «американцы всегда верили, что их ценности, как религиозные, так и политические, должны доминировать на планете» (С. 21). В институциональном плане такие установки официально оформились уже в 20-е годы XIX века в виде небезызвестной доктрины Монро, в которой декларировалась недопустимость военного присутствия государств Европы или Азии на обоих американских континентах. Мнения же самих жителей континентов никто не спросил. Наоборот, такой статус-кво считался и считается в США благодеянием для них. Как отмечает У. Мид, «время от времени наши неблагодарные соседи отвергали монополию США на власть, но это не поколебало решимости нашей страны по-своему решать военные вопросы. Во всяком случае, мы были намерены сами решать, что нам считать своим домом» (С. 26-27).

В дальнейшем необходимость реализации экономических интересов обусловила глобальную экспансию США с целью обеспечить безопасность ведения национального бизнеса с опорой, когда это необходимо, на военную силу. Сферой особого внимания США стала Евразия, они не могли допустить появления доминирующей державы, способной объединить ресурсы суперконтинента и бросить вызов Америке. Поэтому У. Мид и убежден в правильности того, что в дальнейшем «доктрина Монро распространилась и на Европу» (С. 114). Поэтому США не могут допустить формирования такого миропорядка, когда другие державы смогли бы стать конкурентами: только такой порядок позволит «выстроить систему, которая могла бы, по меньшей мере потенциально, положить конец тысячелетиям конфликтов между великими державами» (С. 24). Разумеется, в такую систему любая другая держава не вписывается в принципе.

Усиление России, демонстрация ею своей приверженности традиционным ценностям и интересам, готовности отстаивать суверенитет, формирование других центров мира и институтов безопасности оказались неожиданными и неприемлемыми для США. Характерно, что имевшие место факты отказа той или иной страны подчиниться давлению Вашингтона характеризуются Мидом как «публичное унижение» США (С. 150). Механизм, посредством которого США достигают поставленных целей, – силовой по своей сути, для этого ими и создаются по всему миру военные базы. Мид объясняет осознание «необходимости подавляющего военного превосходства как надежнейшей основы национальной безопасности» (С. 29). Такое превосходство призвано показать всем странам бесполезность попыток тягаться с США в военном потенциале. Фактически то же самое излагается уже в 2015 году и в Стратегии национальной безопасности, и в Национальной военной стратегии США.

Созданные США экономические институты призваны вовлечь в систему хозяйствования другие страны таким образом, чтобы ее нельзя было покинуть. В этой системе всё основывается на международной валютной системе и свободной торговле. Неудивительно, почему сегодня так болезненно реагируют Вашингтон и мировые финансовые элиты на ограничение сферы использования доллара и готовы пойти на всё, чтобы препятствовать этому.

К числу фундаментальных американских ценностей, призванных привлекать других, относятся личный успех, расчет на собственные силы, свободное предпринимательство. Неслучайно при обосновании экономического могущества Америки У. Мид цитирует Святое Писание. Как известно, периодически и президенты США публично заявляют о своей особой связи с Богом и даже об общении с ним. В конечном итоге мощь и сила Америки – во всех ипостасях – обеспечивают поддержание ее статуса посредством установления т.н. «нового мирового порядка», Pax Americana. Глобальной политической стратегии США свойственны – в нашем понимании – праг-

матизм и цинизм. «Не извиняйся и не оправдывайся», – манифестирует У. Мид.

Заслуживает учета и то, что через несколько дней после подписания Стратегии национальной безопасности, 17 февраля 2015 года, министром обороны США был назначен Эштон Картер. В России он известен и как автор книги «Превентивная оборона», под которой понимается широкая стратегия, включающая политические, экономические и военные инструменты. В книге особо отмечено: «постепенное смещение акцента – от цели обороны территории к защите общих интересов за пределами НАТО – является стратегическим императивом НАТО»⁴². В эту схему хорошо укладывается распространение универсальных ценностей посредством применения силы или демонстрации готовности ее применения.

По сути, в приведенных выше случаях мы имеем дело с честным и открытым манифестом глобальной гегемонии, обоснованным изложением американского проекта. Поэтому и авторов военно-доктринальных США следует поблагодарить за искренность и откровенность.

Зачем и как изучать происходящее

Дискуссии о цветных революциях, об управляемом хаосе, гибридных войнах активно ведутся и в научном и экспертном сообществе. В одной из них, состоявшейся в начале октября 2014 года в редакции «Независимого военного обозрения» довелось принять участие и автору настоящей статьи. Проблемой обсуждения организаторами была определена «война управляемого хаоса»⁴³. В 2015 году состоялось обсуждение проблемы т.н. гибридных войн в ведущих столичных вузах (достаточно назвать Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Военный универ-

⁴² Картер Э.Б. Превентивная оборона: Новая стратегия безопасности США. Пер. с англ. М.: Наука, 2003. С. 69.

⁴³ См.: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-10-24/1_nvo.html

ситет Министерства обороны РФ, Финансовый университет при Правительстве РФ).

Обращают на себя внимание некоторые неоднозначные и нуждающиеся в серьезной теоретической проработке сюжеты состоявшихся дискуссий.

Так, феномен гибридных войн, управляемого хаоса неправомерно рассматривать как цель современного геополитического противоборства. Ведь конечной целью субъектов, которые прибегают к указанному и иным подобным средствам, было и остается мировое господство, посредством которого обеспечивается беспрепятственный доступ к ресурсам, используемым в интересах «золотого миллиарда» и мирового финансового олигархата. Отсюда следует, что названные феномены следует расценивать не как стратегию, а как технологию.

Как показывает анализ практики свержения режимов в ряде государств мира, происшедших за последние годы, и их последствий, посредством применения такой технологии довольно успешно решается задача ослабления и разрушения государства как политической организации общества. Подобный способ действий позволяет осуществлять внешнее управление тем или иным ослабленным государством со стороны глобальных субъектов. Наглядной иллюстрацией последствий применения такой технологии выступает современная Украина, где после силового захвата власти многие государственные институты и должностные лица фактически утратили дееспособность и функциональность: принимаемые решения могут не выполняться или игнорироваться, действуют неподконтрольные государственной власти воинские формирования. Постоянная оглядка власти, де-факто утратившей монополию на применение насилия, при принятии решений на одобрение Майдана и радикальных группировок, способных применить насилие и оружие, если им что-то не понравилось, говорит о том, что налицо признаки запрограммированного результата в виде охлократии и анархии. Неудивительно, что далеко не все на Украине готовы ми-

ряться со сложившимся статус-кво. О силе и дееспособности государства в этих условиях говорить не приходится. Характерно, что глава МВД Украины А. Аваков сравнивал сложившееся после смены власти положение дел в стране с Сомали, которая, как известно, является типичным примером несостоявшегося государства.

Существуют и серьезные сомнения относительно правомерности самого использования понятий «война управляемого хаоса» или «гибридная война». Анализ профильной литературы позволяет установить, что за последние несколько десятилетий появилось немало разработок и объемных публикаций о воздушно-десантной, газовой, геофизической, воздушной, танковой, террористической, экономической и многих иных войнах, в том числе самых экзотических. Вместе с тем появление указанных разработок имеет место в условиях, когда нет и не преподается в учебных заведениях – и, что особенно опасно – в военных образовательных организациях – общей теории войны, когда война как политический феномен отечественной наукой по-настоящему не осмыслена. Думается, что в таких условиях введение новых понятий, прилагательных к войне, только усилит дезориентацию: во множестве «войн» можно утонуть.

Откровенно говоря, феномен управляемого хаоса сам по себе не является чем-то принципиально новым для специалиста, и особенно – для специалиста в области политических технологий. Пониманию происходящего будет способствовать, в частности, ознакомление с продуктивными и развернутыми взглядами и концепциями отечественных и зарубежных теоретиков и практиков настоящего и прошлого. Достаточно воспроизвести некоторые идеи и максимы, как ставшие каноническими, так и, к сожалению, еще недостаточно известными. Здесь можно выделить несколько групп авторов.

В первую очередь, невозможно анализировать происходящее без знания основных идей представителей философской и политической классики. Так, Т. Гоббс, показал, что государства, после внутреннего умиротворения, всегда находятся в отношениях между

собой в естественном состоянии «войны всех против всех». В дальнейшем Г. Гегель обосновывал то, что «содействие анархии является высшим, вернее, единственным преступлением против государства»⁴⁴. В подобном ключе оценивал опасность анархии и М. Вебер, полагавший, что «если бы существовали социальные образования, которым было бы неизвестно насилие как средство, *тогда* отпало бы понятие «государства», *тогда* наступило бы то, что в особом смысле слова можно было бы назвать «анархией»⁴⁵. Из современных отечественных авторов особого внимания заслуживают работы А.И. Селиванова⁴⁶.

Другую группу образуют подходы представителей классической военной мысли. Широкую известность сегодня получили идеи Сунь-Цзы («Самая лучшая война – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войска»). Вместе с тем необоснованно упускаются из виду многие заключения К. Клаузевица («...Мы наталкиваемся ещё на одно своеобразное средство: воздействие на вероятность успеха, не сокрушая вооруженных сил противника. Это – предприятия, *непосредственно предназначенные для оказания давления на политические отношения*. ... Этот путь к намеченной нами цели по сравнению с сокрушением вооружённых сил может оказаться гораздо более кратким»⁴⁷). Чрезвычайно полезные выводы сформулированы солидарными с К. Клаузевицем отечественными мыслителями А. Снесаревым («воевать, не сражаясь») и А. Свечиным («вообще, можно получить господство над большим государством только посредством политического расслоения»).

Немаловажные аспекты проблемы рассматриваются и другими отечественными и зарубежными авторами, придерживающимися

⁴⁴ Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 153

⁴⁵ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 645.

⁴⁶ См., например: Андреев А.П., Селиванов А.И. Русская традиция. М.: Алгоритм, 2004.

⁴⁷ Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1936. Т. 1. С. 63. К идеям Клаузевица обращается и сам автор теории управляемого хаоса Стивен Манн в своей известной работе «Chaos Theory and Strategic Thought».

самых различных идеологических установок. Среди них – Е. Месснер («Мятеж – имя Третьей Всемирной»), Л. Гарт («Стратегия не-прямых действий»), М. Хрусталева (диверсионно-террористическая война), Дж. Уорден (теория стратегического паралича), Б. Хойзер («Культурная революция в подавлении повстанчества»), Р. Уэсселер («Война как услуга»), Р. Гарт («Почему люди бунтуют»), Э. Людендорф («Тотальная война»), К. Малапарте («Техника государственного переворота») и др.

Наконец, нельзя не знать работы идеологов «цветных революций» и, прежде всего, Дж. Шарпа («От диктатуры к демократии»).

Фактически остается только осмыслить и синтезировать результаты существующих наработок применительно к современности. Однако этим надо заниматься системно и постоянно, а не кампанейским способом, от случая к случаю.

Как противостоять деструктивному воздействию

Можно с уверенностью утверждать, что установки глобальной стратегии Америки остаются постоянными и изменений не претерпевают. Отечественные специалисты обнаруживают преемственность в стратегиях национальной безопасности США⁴⁸. Как обоснованно утверждает профессор Ю.В. Синчук, «модель стабильности мира по-американски основана на гегемонии США»⁴⁹.

Не смирится Вашингтон и с «варварским» отношением россиян к своему традиционному государству как к ценности. Освободить нас от его засилья посредством принуждения к демократии там мечтают давно и всегда. При желании здесь можно обрести поддержку в лице Аристотеля, полагавшего, что «азиатские варва-

⁴⁸ См., например: Богданов А.Н. Американская гегемония и факторы системной нестабильности в XXI веке // Международные процессы. 2014. № 3. С. 8-22; Конышев В.Н., Сергунин А.А. Стратегия национальной безопасности Барака Обамы: старое вино в новых мехах? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 1. С. 23-36.

⁴⁹ Синчук Ю.В. Современные вызовы и угрозы Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Выпуск 25 (631). С. 207.

ры» «подчиняются деспотической власти, не обнаруживая при этом никаких признаков неудовольствия»⁵⁰.

Ознакомление с доктринальными документами США должно способствовать избавлению России – и, прежде всего, политической элиты страны – от беспочвенных иллюзий: нет разницы в том, кто находится у власти, будь то представитель демократов (Обама) или республиканцев (Буш). Обама успешно продолжил «дело Буша» по давлению на Россию и точно так же заявляет об избранности Америки. Нобелевский лауреат и миротворец нисколько не сомневается в праве его страны определять, что является, исходя из текущего момента, мировым злом, кто достоин права на существование, а кто – нет. Интересы безраздельного господства США в мире всегда будут довлеть над любым хозяином Овального кабинета в Белом доме независимо от его партийной принадлежности и декларируемых намерений.

Вместе с тем вступать в прямую конфронтацию с Америкой – бессмысленно. Постоянству стратегии США и других политических оппонентов России следует противопоставить постоянство и гибкость своей стратегии, профессионализм внешней политики. Одновременно нужно порох держать сухим, укреплять обороноспособность страны, принимать меры для консолидации нации и экономического роста, для внедрения в политическое сознание граждан национальных ценностей.

Разумеется, и система государственного управления, и экономика, и военная организация государства, в том числе вооруженные силы, и институты гражданского общества должны быть способны действовать скоординированно, чтобы не допустить управляемого хаоса, равно как и функционировать в условиях такой угрозы.

Если же вскрылось, что против России проводится целенаправленная геополитическая операция с применением технологии управляемого хаоса и гибридной войны, то и мыслить следует ка-

⁵⁰ Аристотель. Политика. Афинская политика / Предисл. Е. И. Темнова. М.: Мысль, 1997. С. 120-121.

тегориями оперативного искусства и стратегии. Значит, необходимо давать оценку обстановки и противостоящие силы расценивать как элементы боевого порядка (оперативного построения).

Судя по ряду предпринимаемых в России мер (например, по приданию патриотическому воспитанию граждан статуса государственной политики), руководство страны проблему и опасность хаотизации осознает. В целом же государственная стратегия России по предупреждению и противодействию управляемому хаосу должна строиться по двум направлениям. Их можно назвать внутренним и внешним, при том, что они неразрывно связаны между собой.

Во внутривнутриполитическом плане должна быть усилена работа по консолидации страны и нации на основе объединяющих ценностей, по формированию у граждан чувства политической ответственности. Причем необходимо последовательно внедрять в общественное сознание мысль о том, что важнейшей ценностью нации является наше исторически сложившееся государство. К этой же деятельности следует отнести и развитие экономики и повышение уровня благосостояния граждан. Разумеется, надо придать определенное направление военному строительству с учетом перспектив применения военной силы, исходя из ситуации, которая может возникнуть не только завтра, но и через несколько десятилетий.

Кроме того, не следует забывать: к критически важным объектам инфраструктуры, от надежного функционирования которых зависит безопасность и развитие страны, в ряде развитых зарубежных государств совершенно обоснованно отнесено общественное сознание. Ведь действительно, мы живем в условиях постоянного и мощного информационного воздействия, которое легко становится ангажированным и разрушительным, особенно, если специально организуется. При этом, как известно, реализация власти в современных условиях характеризуется высокой зависимостью от общественного мнения.

Внешнеполитическое направление связано с целенаправленной деятельностью по формированию вокруг России такого безо-

пасного внешнего окружения, которое позволяет ей успешно развиваться. Для начала нашей стране нужно выработать видение мира, который соответствует ее интересам, какой бы амбициозной эта задача не представлялась. Нужно и осознать, сформулировать и артикулировать национальные интересы применительно к тому или иному региону и стране, закрепив их, в случае необходимости, в доктринальных документах.

В завершение хотелось бы отметить следующее. Успешное противодействие разрушительным технологиям и в том числе переход к активным действиям возможны только на основе действительно научного анализа и синтеза. Спекулятивные, сиюминутные и поверхностные оценки могут только дезориентировать и принести вред. Это касается и необдуманного заимствования и введения в научный оборот новых понятий. В конечном итоге, «теоретик не может сделать больше, нежели сохранение понятий и называние вещей своими именами»⁵¹.

⁵¹ Шмитт К. Теория партизана / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. М.: Праксис, 2007. С. 144.

ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ

Манойло Андрей Викторович,
профессор кафедры российской политики факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова, член Научного совета
при Совете Безопасности РФ, доктор политических наук,
кандидат физико-математических наук.

Гибридная война и цветная революция: к вопросу о соотношении понятий

В современном мире тематика гибридных войн и цветных революций продолжает набирать все большую популярность. Это не случайно: мировая цивилизация на современном этапе своего развития столкнулась с принципиально новыми инструментами формирования новой политической реальности, чрезвычайно эффективными в условиях кризиса однополярного мира, но, вместе с тем, представляющими исключительную опасность для современных наций-государств. Эта опасность исходит из понимания того, что гибридные войны и цветные революции – явления сравнительно новые, с них только недавно сняли «кавычки», и для этих явлений, способных потрясать и разрушить сами основы современного общества, еще не выработано сбалансированных противовесов, противоядий, сдерживающих механизмов, ограничительных норм международного права. В военно-политическом плане «понятие «гибридная война» может объединять широкий диапазон действий, осуществляемых противником с использованием военных и иррегулярных формирований с одновременным привлечением гражданских компонентов»⁵², а понятие «цветная революция» включать в себя целый сценарий государственного переворота и демонтажа

⁵² Бартош А. Гибридные войны во внешней политике США и НАТО // Независимое военное обозрение. 2010, 10 окт. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-10-10/1_nato.html (дата обращения 12.04.2015)

политического режима, успешно маскирующийся под народный бунт. Кроме того, сегодня технологиями гибридных войн и технологиями цветных революций практически на праве монополии владеют Соединённые Штаты, которым даже сами термины «гибридная война» и «цветная революция» обязаны своим происхождением, и любое государство, отстаивающее свое суверенное право на проведение независимой внешней политики, тем самым, рискует стать мишенью для применения этих инструментов и технологий.

Сегодня, когда говорят о гибридных войнах и цветных революциях, довольно часто смешивают и путают эти понятия. Более того, после появления в широком научном дискурсе термина «гибридная война» появилась тенденция объединить все известные формы, методы и технологии вооруженной борьбы под одним «зонтичным» брендом – понятием гибридной войны, являющейся своеобразной надстройкой над появившимися ранее в научном дискурсе и потому значительно более изученными традиционными, информационными, психологическими, сетевыми, сетецентричными, прокси-войнами и цветными революциями (войнами не являющимися). Это тоже не случайно: между гибридными войнами и цветными революциями, помимо принципиальных различий, существует много общего: оба этих явления рассматриваются как на феноменологическом (как явление), так и на технологическом уровне (как технология и инструмент политического воздействия); оба явления еще недавно встречались исключительно в кавычках, что говорит о том, что не было еще выработано специальной терминологии, точно описывающей эти явления и принадлежащей только им; наконец, оба этих понятия даются синтетическими конструкциями, базирующимися на известных понятиях «война» и «революция» с уточняющими прилагательными, меняющими их смысл.

Действительно, гибридная война по своей сути находится ближе всего к понятию «война», а цветные революции, являющиеся технологиями организации государственных переворотов, успешно маскируются под революции истинные. Вместе с тем, сам

факт наличия прилагательных ставит под сомнение корректность отнесения гибридных войн к войнам и цветных революций – к революциям: понятия «война» и «революция» не нуждаются в уточнениях (также как настоящая демократия не может быть суверенной); строго говоря, гибридные войны – это не совсем войны, хотя и имеют с известными нам войнами много общего, а цветные революции – не совсем революции, больше того – совсем не революции. Тем не менее, также как и в случае с определением «информационная война». Мы вынуждены пользоваться этим приемом, описывая новые явления через сравнения и аналогии с теми явлениями, событиями и процессами, смысл которых для нас предельно ясен. Так новая терминология рождается на прочном фундаменте аксиоматики политической науки, которая принята всем экспертным сообществом и которую никто не ставит под сомнение. Этот подход, помимо всего прочего, имеет еще и объективный характер: современный мир меняется с такой скоростью, динамика этих изменений настолько высока, что ежегодно возникают новые явления, не имеющие прямых аналогов в мировой истории, которые требуют своего определения и описания. Мир развивается быстрее, чем понятийный аппарат, способный описать эти изменения.

Тем не менее, необходимо признать, что при всей эклектичности и публицистичности термины «гибридные войны» и «цветные революции» описывают объективные, реально существующие явления, и эти явления все больше распространяются в современном мире, оказывая заметное влияние на мировой политический процесс, политическую динамику и на трансформацию системы международных отношений. Наличие в их названии терминов «война» и «революция» указывают на их высокую социальную опасность, играя сигнальную функцию, и эта оценка их опасности правильна. При этом не могу разделить мнение тех ученых, которые при этом стремятся нивелировать значение этих новых явлений, утверждая, что гибридные войны существовали в истории человечества всегда, любая война является по своей сути гибридной: я убежден, что ка-

качественный эволюционный скачок и гибридные войны, и цветные революции совершили сравнительно недавно – в конце 20 века, или даже позже, а их схожесть с войнами и «бархатными революциями» прошлого говорит в первую очередь о том, что ни одно принципиально новое явление не возникает в вакууме, оно всегда является результатом эволюционного процесса и всегда базируется на более ранних и более примитивных формах. Эти формы передают часть своих отличительных черт и технологических решений новым явлениям, но именно появление новых явлений способно преодолеть технологический, военно-стратегический, цивилизационный барьер, которые прежние формы преодолеть не в состоянии. Так происходит фазовый переход от одной политической реальности к другой, с одного витка эволюции к другому, более высокому, от набора аминокислот в первичном «бульоне» к первым формам белковой жизни. Так и в случае с гибридными войнами: по своему содержанию гибридные войны – это качественно новое понятие, более широкое, чем просто совокупность современных форм и методов вооруженной борьбы в традиционной, информационной, экономической и других сферах. То же самое можно сказать и о цветных революциях после событий «арабской весны», кризиса 2013–2015 годов на Украине и «зонтичной революции» в Гонконге.

Точки сопряжения гибридных войн и цветных революций

Для того чтобы точно определить, как именно соотносятся между собой гибридные войны и цветные революции, необходимо сопоставить их между собой, выявить сходства и различия, связи, объединяющие их в тех событиях, где они находят свое проявление. Прежде всего, необходимо определиться с тем, что же такое гибридные войны, поскольку на этот счет существует масса различных мнений, зачастую противоречащих друг другу. Точного и однозначного определения гибридным войнам нет, известно лишь, что впервые этот термин был вброшен в оборот американскими

фабриками мысли, такими как RAND Corp., Стэнфордский университет и др. Гибридные войны предполагают комбинированное использование стратегий, характерных для различных видов современных войн – традиционной, информационной, идеологической, экономической, для нанесения ему военного поражения, для поражения сил и средств противника, достижения над ним военно-стратегического превосходства и силового принуждения к миру на условиях победителя. При этом гибридные войны могут вестись как в традиционной форме (предполагающей наличие линии фронта, тылов различной глубины и действия регулярной армии), так и в сетцентрической, где линия фронта отсутствует в принципе. В гибридной войне именно информационные операции (операции информационной войны) могут иметь решающее значение для принуждения противника к капитуляции, а боевые операции вооруженных сил могут играть сервисную роль, обеспечивая организаторов информационных войн пиар-материалом, необходимым для информационных атак на сознание и подсознание противника в целях как нанесения ему прямого урона (информационным оружием), так и с целью скрытого управления его сознанием и поведением. Именно такую картину мы наблюдали во время второй войны в Ираке, где боевые действия американских войск являлись конвейером для производства пиар-новостей и «мыльных опер» про войну, в операциях в Афганистане, Ливии, Сирии и теперь – в определенной мере – в гражданской войне в Украине. В гибридных войнах достигается не просто эффект сочетания различных видов и форм противоборства, напротив, различные формы и методы ведения войны гибридируют традиционные концепции вооруженной борьбы, прививают их от новых вызовов и угроз, обеспечивают эффект глубокой взаимной интеграции и симбиоза различных поражающих факторов и технологий. При этом целью гибридной войны по-прежнему остается классическая цель войны традиционной – военное поражение, уничтожение и капитуляция противника. Это важно понимать, потому что в противном случае понятие гиб-

ридных войн быстро размывается и приобретает спекулятивную окраску.

В этом и заключается основное отличие гибридной войны от цветной революции: в отличие от гибридной войны, главной и единственной целью цветной революции является организация государственного переворота, и ничто иное. Цветные революции – это технологии государственных переворотов в условиях искусственно созданной нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа, а инструментом шантажа выступает молодежное протестное движение, организованное по специальной сетевой схеме. Цель цветных революций – государственный переворот, после его успешного осуществления цветная революция заканчивается. На практике цветные революции довольно часто перерастают в вооруженные мятежи или сочетаются с военной интервенцией, но применение военной силы в цветных революциях – скорее исключение, чем правило, для технологов «цветников» это мера вынужденная. Но цветные революции, являясь технологиями демонтажа политических режимов, создают условия для вмешательства других государств во внутренние дела страны, ставшей жертвой цветной революции, для военной интервенции, военных мятежей, гражданских войн. В этом плане последствия цветных революций могут быть не менее катастрофичными, чем сама цветная революция. Это мы хорошо видим на примере гражданской войны на Украине.

Таким образом, все же наличие существенных отличий не позволяет полностью объединять современные гибридные войны, ставшие новой формой и содержанием современных вооруженных конфликтов, и цветные революции, ставшие инструментами организации государственных переворотов и принудительного демонтажа политических режимов. Гибридная война – это последовательность боевых операций, цветная революция – это технология. Это не позволяет рассматривать цветную революцию в качестве одной из фаз гибридной войны, хотя технологии цветных революций могут ис-

пользоваться в гибридных войнах, в строгом соответствии с их собственными целями и задачами (целями и задачами гибридных войн). Вместе с тем, все же есть кое-что, что их объединяет: цветные революции довольно часто становятся прелюдией для гибридной войны, формируя условия, необходимые для перевода конфликта в военную фазу; примером этого может служить нынешняя Украина. При этом часто реализуется следующая цепочка: цветная революция (инцидент-протест-майдан) – вооруженный мятеж – гражданская война – гибридная война. Цветная революция при этом играет роль спускового механизма гибридной войны, а ее технологии могут использоваться организаторами гибридных войн в целях провоцирования вооруженного конфликта, дальнейшее течение которого будет проходить в гибридной форме.

Цветные революции как инструменты демонтажа политических режимов

Проблемы демонтажа современных политических режимов и связанная с ними проблематика цветных революций в современных условиях приобретают чрезвычайную остроту и актуальность. Связано это не только с тем, что события в Украине при детальном рассмотрении в точности повторяют сценарий цветных революций в Северной Африке и на Ближнем Востоке, получивших название «арабской весны», в частности – революции в Египте, что указывает на неслучайность данных событий. Причина в том, что на смену традиционным, привычным для мирового сообщества инструментам демонтажа приходит новое поколение более тонких инструментов, сочетающих силовые методы воздействия с технологиями манипулятивного управления массовым сознанием и массовым поведением широких масс гражданского населения.

В мировой истории проблемы, связанные с демонтажем политических режимов, возникали всегда. Но прежде инструментами этого демонтажа выступали в основном силовые методы в их клас-

сическом понимании, применявшиеся в ходе вооруженных переворотов, локальных вооруженных конфликтов, гражданских войн и военных интервенций. И мировое сообщество сумело выработать действенные методы противодействия этой угрозе и создать эффективные механизмы политического регулирования этих процессов, в том числе на международном уровне: кто бы и как бы ни критиковал ООН, эта организация действует, и ее потенциал и возможности по управлению политической стабильностью и урегулированию международных конфликтов даже в условиях распада Вестфальской системы далеко не исчерпаны. Острота проблемы, связанная с угрозой вооруженных переворотов в различных странах мира, не перестает быть актуальной и не снимается с повестки дня, но в целом для мирового сообщества эта категория угроз является знакомой, и мировое сообщество знает, как на нее реагировать.

Вместе с тем, мир меняется, и на смену технологиям вооруженных переворотов приходят более тонкие технологии цветных революций, которые умело маскируются под истинные революционные движения и практически не встречают сопротивления со стороны как стран с вполне уже сложившейся демократией, так и государств восточного типа, сохранивших традиционный жизненный уклад. Повторение сценария цветных революций в Украине вызывает обоснованную тревогу, поскольку возникает и крепнет уверенность в том, что Украина – далеко не конечный пункт этого сценария, а разменная карта в той геополитической игре, в которой главный удар американских режиссеров цветных революций может быть направлен на Россию, Китай и Казахстан.

Причины возросшего внимания к цветным революциям кроются в том, что в течение последних трех лет в целом ряде государств, с вполне устойчивыми политическими режимами, произошли государственные перевороты, приведшие к полному или частичному демонтажу политических режимов, долгие годы успешно сопротивлявшихся с внешними и внутренними врагами: так, египетский, тунисский, сирийский и ливийский режимы успешно противостояли исламизму.

При этом в сценариях смены политических режимов в этих странах наблюдается поразительное сходство, в котором можно усмотреть многократное повторение одного и того же шаблона или организационной схемы, в которой угадываются общие черты так называемых бархатных революций, уничтоживших коммунистические режимы в странах восточной Европы после распада СССР.

Такое совпадение вряд ли можно назвать случайным, поскольку вероятность точного совпадения сценариев смены политических режимов в странах, заметно различающихся и по уровню политической организации власти, и по уровню социально-экономического развития, и по спектру нерешенных проблем, сравнительно (если не сказать ничтожно) мала. В этом плане Сирия и Ливия кардинально отличаются от Украины и Грузии, однако, несложно отметить, что революция 2014 года в Украине (получившая название евромайдана) в точности совпадает со сценарием революции Арабской Весны в Египте, вплоть до стиля поведения противоборствующих сторон.

Все это может свидетельствовать о том, что на примере различных стран и регионов мы имеем дело с одним и тем же явлением – результатом применения технологий цветных революций. Однако, несмотря на яркое брендовое название, ничего революционного в них нет. Даже западные СМИ сегодня отмечают, что цветные революции, которые они называют технологиями проведения операций по экспорту демократии через акции гражданского неповиновения, настолько отточены, что их методы превратились в руководство по смене политических режимов.

Цветные революции – это технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа с использованием в качестве инструмента шантажа молодежного протестного движения.

Несмотря на существенные различия государств, в которых они вспыхивают, между собой (в геополитическом, социальном,

экономическом плане и международном положении), все они укладываются в одну и ту же организационную схему, предполагающую организацию по шаблону молодежного протестного движения, преобразования его в политическую толпу и использование этой силы против действующей власти в качестве инструмента политического шантажа. Это прямо указывает на то, что цветные революции в принципе не могут быть реализацией объективных надежд и стремлений большинства населения.

Цель любой цветной революции – осуществление государственного переворота, то есть захват и удержание власти насильственным путем.

Объектом цветной революции выступают власть и властные отношения, предметом – политический режим.

У цветных революций есть необходимое и достаточное условия их успешной реализации.

Необходимое условие осуществления цветной революции – наличие политической нестабильности в стране, сопровождающейся кризисом действующей власти. Если политическая ситуация в стране стабильна, ее нужно искусственно дестабилизировать.

Достаточное условие – наличие специально организованного (по особой сетевой форме) молодежного протестного движения.

Отличительные черты цветных революций:

– в цветных революциях воздействие на власть осуществляется в особой форме – форме политического шантажа;

– основным инструментом воздействия на власть выступает молодежное протестное движение.

Цветные революции только внешне напоминают настоящие революционные движения – в отличие от революций настоящих, вызванных объективным развитием исторического процесса, цветные революции – это технологии, успешно маскирующиеся под стихийные процессы. Они отличаются почти театральным уровнем драматургии, который западные политологи старательно пытаются выдать за самопроизвольное и стихийное проявление воли народа,

внезапно решившего вернуть себе право управлять собственной страной.

В основе технологического сценария цветной революции лежит англо-саксонская (североамериканская) идеология демократизации, предполагающая экспорт демократии, демократических институтов и ценностей в сопредельные страны. Технологии цветных революций на практике умеют применять только их авторы и разработчики – англосаксы. В любой стране, где начала разворачиваться цветная революция, следует искать североамериканский след.

В основе объяснения причин цветных революций лежат две версии: версия о стихийности и версия об инсценированности цветных революций (о случайности и неслучайности). Обе версии имеют право на существование и не являются бесспорными. Вместе с тем, у каждой цветной революции есть свои признаки, которые выдают в ней технологию.

Во-первых, это особый внешнеполитический почерк англосаксов, их отличительный стиль работы.

Во-вторых, это строгое соответствие плана любой революции базовому шаблону – все цветные революции развиваются по одному и тому же сценарию, использующего одну шаблонную схему.

В-третьих, это то, каким образом организуется и как используется молодежное протестное движение, которым управляют с помощью технологий рефлексивного управления (которые также являются американским изобретением).

В-четвертых, есть определенные повторяющиеся особенности в подборе и выдвижении революционных лидеров.

В-пятых, в некоторых цветных революциях начисто отсутствует революционная идеология, что позволяет распознать в них подделку. Связано это с тем, что американцы – авторы цветных революций – не всегда понимают менталитет и психологию народа, которым они хотят принести «ценности истинной демократии», и не могут предложить им идеологию, которая будет органично принята всеми слоями общества.

Цветные революции используют фактор военной силы как сервисную функцию, к которой их сценаристы и технологи прибегают в случае крайней необходимости, ее использование носит скорее вынужденный и побочный характер. Вместе с тем, современные цветные революции действительно создают условия и поводы для последующей военной интервенции.

Модель цветной революции состоит из пяти основных этапов:

1. Любая цветная революция начинается с формирования в стране организованного протестного движения – основной движущей силы будущей цветной революции.

На первоначальном этапе, до открытого выступления, протестное движение формируется в виде сети, состоящей из конспиративных ячеек, каждая из которых состоит из лидера и трех-четырех состоящих у него на связи активистов. Такие сети объединяют тысячи активистов, составляющих ядро будущего протестного движения. Многие из них перед тем, как стать лидерами ячеек, проходят обучение в специальных центрах, специализирующихся на вопросах содействия демократизации.

Рекрутируют активистов из молодежной среды, чрезвычайно подвижной и легко увлекаемой различными яркими призывами и лозунгами. Сетевой принцип организации протестного движения напоминает принцип организации глобальных террористических сетей – по сути, это одна организационная технология.

2. Из подполья эта сеть выходит на улицы крупных городов одновременно и по условному сигналу, который носит название инцидента. Таким инцидентом может стать любое событие, шокирующее общество и получившее мощный общественный резонанс. Как правило, его инициируют специально. Очень важно, чтобы инцидент привлек внимание всего общества и стал предметом широкого обсуждения, интерпретации, нарастания всеобщего возбуждения и инициирования стихийных форм массового поведения.

3. После того, как инцидент произошел, протестная сеть выходит из подполья на улицы, где группы активистов из ячеек стано-

вятся катализатором стихийных массовых процессов, вовлекающих в этот процесс все большие слои населения. Включаются механизмы конфликтной мобилизации, одним из которых являются «твиттерные революции».

Ячейки начинают быстро обрастать гражданами, вовлекаемыми в стихийное протестное движение, принять участие в котором их толкает в основном страх за свое будущее. Общая тревожность настроений ведет к тому, что сознание людей переходит в так называемое пограничное состояние и становится подверженным массовым паническим реакциям, всеобщей истерии, часто проявляющихся на уровне рефлексов и инстинктов. С этого момента остается только один шаг от превращения протестных масс из сообщества протестующих в толпу.

4. Следующий шаг в схеме цветной революции – формирование политической толпы. Для этого выбирается достаточно большая площадь (майдан), где могли бы разместиться значительные массы народа.

Активисты ведут свой протестный электорат на такой майдан, где в ходе многочасового митинга происходит полное слияние участников в единую массу – толпу. Происходит эмоциональное слияние отдельных личностей с толпой, в которой для идентификации своей-чужой начинает использоваться яркая «революционная» опознавательная символика.

В этих условиях на толпу воздействуют с помощью технологий воздействия на подсознание, внедряя новые ценности и императивы, перепрограммируя человека. Именно такие технологии применяются в протестантских тоталитарных сектах.

Создаются условия для поддержания устойчивого существования и функционирования толпы – материальное обеспечение, палатки, горячее питание, одежда, деньги активистам, средства нападения (арматура, ...) и т.д. Действует хорошо организованная «служба тыла».

5. От имени толпы к власти выдвигаются ультимативные требования, под угрозой массовых беспорядков и – реже – физического уничтожения. В том случае, если власть не выдерживает этого напора, стихия ее сметает. Если власть принимает вызов и выражает готовность сопротивляться, толпа становится основным таранным фактором удара, который наносят по власти авторы цветной революции. В дальнейшем такая революция неизбежно перерастает в мятеж, а в некоторых случаях – в гражданскую войну, сопровождающуюся военной интервенцией.

Современные события в Украине также имеют отношение к цветным революциям – они в точности повторяют «египетский» сценарий. России, опираясь на украинский опыт, необходимо готовиться к тому, что она станет следующей в перечне мишеней англосаксонских цветных революций. Стране необходима государственная концепция по противодействию цветным революциям, как в России, так и в целом на пространстве СНГ, подкрепленная дорожной картой ее реализации. Украина – это последняя генеральная репетиция такой революции, обкатка ее на стране со сходным менталитетом, культурой и цивилизационной идентичностью.

Интересно, что в последних работах западных авторов (в том числе британских и французских) появляются оценки цветных революций, идущие в разрез с навязываемыми США представлениями о цветных революциях как инструментах демократизации и формирования демократического мира. Так, некоторые ученые начинают – пока еще довольно осторожно – утверждать, что ни одна из цветных революций на Ближнем Востоке и в Северной Африке не принесла процветание христианскому миру: напротив, арабская весна всколыхнула и заставила выйти из глубокого подполья наиболее опасные, экстремистски настроенные силы, представляющие исламизм, с которыми теперь западным странам приходится иметь дело уже на официальном уровне. Арабская весна, начавшаяся под лозунгами демократизации арабского Востока, ускорила процесс отступления христианства под натиском радикального ислама, ко-

торое с началом цветных революций арабской весны многократно усилилось. Арабская весна, сделанная на деньги и с помощью американских и западноевропейских союзников, стала для Западной христианской цивилизации, и без того уже переживающей острый кризис, началом «христианской зимы». Это заставляет серьезно задуматься о том, какую роль сегодня на самом деле играют цветные революции в мировой политике и в формировании нового миропорядка, и каким он будет, этот новый миропорядок, если волну цветных революций вовремя не остановить.

Цветные революции и мягкая сила

Цветные революции часто называют технологиями или инструментами «мягкой силы», понимаемой в том ракурсе, который дал для этого термина Дж. Най. Этот подход, основанный на принципе аналогии (внешне цветные революции – это несиловые технологии смены политических режимов), не совсем точен и часто вводит в заблуждение, заставляя считать цветные революции более мягкой и поэтому более прогрессивной и менее социально опасной формой воздействия на авторитарные режимы. Тем самым разворачивается кампания по пропаганде цветных революций в пику любым формам собственно вооруженных переворотов. На наш взгляд, трудно определить, что на самом деле является более опасным явлением для международной безопасности в целом: цветные революции или локальные вооруженные конфликты, и современный Ближний Восток, погруженный цветными революциями в «управляемый» хаос, является полным тому подтверждением. Все же, представляется довольно очевидным, что современные цветные революции по своей природе – это не форма проявления «мягкой силы». Цветные революции – не мягкая сила; это инструменты взлома демократических режимов переходного типа, скопированных с англосаксонских образцов незападными странами, которые имеют признаки имитационности. Можно утверждать, что американцы не только создали

модель демократического устройства государства, ориентированную «на экспорт», но и позаботились о создании специальных инструментов, предназначенных для ее слома и демонтажа, если в этом вдруг возникнет необходимость. В современном мире такими инструментами, играющими роль своеобразных отмычек для взлома политических режимов западного либерального типа, являются технологии цветных революций.

Цветные революции сквозь призму гибридных войн

При всей неоднозначности отношения современного общества к цветным революциям все же следует признать, что большинство из них – чрезвычайно эффективный инструмент преобразования политической картины мира.

В современной политической реальности цветные революции – одно из наиболее разрушительных и наименее изученных явлений мировой политики. Именно с цветными революциями сегодня связывают технологические схемы и приемы осуществления принудительного демонтажа политических режимов в государствах с неустойчивыми формами демократии, построенной по западным лекалам, или в государствах традиционного восточного типа, в которых демократическая форма правления довольно часто в принципе отсутствует.

При этом сопровождающие государственные перевороты разрушение (или, точнее, демонтаж) государственности и утрата суверенитета выдается за процесс демократизации, модернизации, либерализации или «приобщения к европейской культуре», и несколько реже – за действие «мягкой силы».

Практически всегда прямым следствием цветных революций, помимо осуществления их главной (и единственной) задачи – совершения государственного переворота, становится погружение страны в политический хаос, который американцы любят называть «управляемым», переход страны под внешнее управление (вспомните назначение иностранцев-«легионеров» на ключевые посты в

Кабинете министров современной Украины), а также гражданская война, геноцид мирного населения и военная интервенция.

Страна, пережившая переворот, не становится от этого более свободной; напротив, в подавляющем большинстве случаев она попадает в тяжелую кабальную зависимость от США и их военно-политических союзников, превращаясь в их колонию.

Дальнейшая судьба этих государств печальна: люди, экономика, природные ресурсы становятся расходным материалом для инициирования цветных революций в других странах, для провоцирования новых международных конфликтов, в которых особая роль отводится новым актерам – государствам-провокаторам, ведомым марионетками, поставленными Вашингтоном, готовыми на все ради расположения и благосклонности своих настоящих американских «хозяев».

Довольно часто страны-провокаторы (такие как Грузия в российско-грузино-югоосетинском конфликте 2008 года, Украина в гражданской войне в Донбассе или некоторые страны Балтии, предоставляющие свою территорию для ударных группировок НАТО, сосредотачивающихся у западных границ России) получают от США статус основного союзника вне блока НАТО и миллиардные кредиты на закупку новейших вооружений и военной техники.

При всей неоднозначности отношения современного общества к такого рода мятежам все же следует признать, что большинство из них – чрезвычайно эффективный инструмент преобразования политической картины мира, который сегодня находится в неустойчивом и несбалансированном состоянии, называемом «кризисом однополярного мира».

При этом довольно часто свет истинной – «незамутненной» – демократии народам мира несут те самые силы, с которыми США – источник и главный организатор всех бунтов – борются всеми возможными (в том числе военными) способами: в цветных революциях «арабской весны» носителями демократических ценностей выступили монархии Персидского залива – Саудовская Аравия и

Катар, жесткие авторитарные государства, в которых демократией даже не пахнет.

В Египте главной движущей силой «демократизации» общества стали «Братья-мусульмане», в Ливии – исламисты, в Сирии – все те же исламисты, представленные широким спектром террористических организаций – от сирийских ячеек «Аль-Каиды», выставившей свои отряды для борьбы с Б. Асадом, от «Талибана» до «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ).

На Украине для Соединенных Штатов Америки передовым отрядом «демократизации» общества и его «приобщения к европейским ценностям» стали неонацисты, целое поколение которых США вырастили за 20 лет «независимости» страны, прошедших с момента распада Советского Союза.

Несмотря на то, что даже при поверхностном рассмотрении несложно увидеть технологию, причем одну-единственную, применяющуюся последовательно (с незначительными доработками) к различным странам как либерально-демократического, так и авторитарного типа, довольно большое количество политиков и ученых продолжают рассматривать перевороты на феноменологическом уровне, как социальное явление, природа которого связана с процессами модернизации традиционных обществ, обеспечивающих им скачкообразный переход в новый, более современный уклад.

Основными мотивами такого подхода, помимо принципа взвешенности, непредвзятости, историзма и следующей из него позиции принципиального отрицания любых «конспирологических» инсинуаций, нередко выступает стремление упростить себе жизнь.

Если цветные революции – явление объективное, связанное с особенностями протекания исторического процесса на современном этапе развития общечеловеческой цивилизации, то противодействовать им – дело заведомо бесполезное, так как социальное явление устранить из жизни общества нельзя, но можно пытаться регулировать его уровень социальной опасности, минимизируя издержки и максимизируя конструктивные качества.

Но при этом не очень понятно, почему именно в последние десятилетия, в эпоху просвещенной демократии и глобального демократического общества, наиболее эффективным инструментом разрешения этих самых объективных противоречий стали сценарии и схемы государственных переворотов, единственная цель которых – насильственный захват и удержание власти, причем любыми способами, в том числе насильственными, в форме вооруженного мятежа и развязывания террора против собственного мирного населения (пример – Украина 2014–2015 годов).

В целом же феноменологический подход к цветным революциям ведет к фактическому оправданию их организаторов и исполнителей, снятию с них клейма уголовных преступников, ответственных за разрушение государства, утрату им (полностью или частично) суверенитета, за жертвы среди мирного населения, за геноцид, этнические чистки и военные преступления (такие, которые сейчас совершают ВСУ и многочисленные «добровольческие» карательные батальоны в Донбассе).

В том, что цветные революции являются современной формой истинных революций, таких как кубинская или никарагуанская, есть все основания сомневаться: практически все из них, начиная от бархатных в Восточной Европе и заканчивая украинским евромайданом и «зонтичной» в Гонконге, сделаны как под копирку по одной и той же схеме, сценарию, или, как его называют в Великобритании, «демократическому шаблону».

Все разговоры о демократизации и мягкой силе, транзите демократических ценностей (или дрейфе их же) выглядят при этом как легенда прикрытия (выражаясь языком разведчиков и шпионов), так как именно этим они и являются.

Их сила в другом: перевороты дают гарантированный результат при строгом соблюдении технологического цикла.

Эти технологии действуют как часы и дают сбой только в редчайших случаях, что делает их высокоэффективным и потому опаснейшим инструментом демонтажа современных политических ре-

жимов. И сегодня он находится в руках (в эксклюзивном владении) североамериканских англосаксов – прямых авторов и разработчиков этих технологий: только они умеют этот инструмент применять таким образом, чтобы не нарушить технологический цикл. И делают это весьма успешно.

Вместе с тем любая технология предполагает повторение одной и той же последовательности элементарных операций; организационная технология предполагает многократное чередование одной и той же последовательности этапов или фаз. Цветные революции не являются исключением: развитие событий в них всегда проходит через шесть ключевых этапов, выстраивающихся в единую технологическую цепочку.

В этой особенности кроется главная возможность организации системного противодействия им: если речь идет о применении одной и той же технологии, то действия и тактику поведения ее организаторов, исполнителей и сценаристов всегда можно просчитать на много ходов вперед.

Успешность операции целиком зависит от строгости соблюдения технологического цикла: каким бы сильным и гениально прозорливым ни был ваш противник, он будет вынужден следовать правилам и неизбежно пройдет все этапы, предусмотренные базовым сценарием цветной революции, и в той самой последовательности, которая указана в технологической «инструкции к применению».

Это, в свою очередь, означает, что, своевременно выявив признаки подготовки к мятежу и определив, на каком этапе эта операция находится, можно точно вычислить контрольную точку процесса, в которую противник обязательно придет, следуя требованиям и логике технологического процесса, и в которой он окажется уязвим для заранее спланированной и подготовленной контратаки.

С точки зрения эволюции цветные революции и гибридные войны развиваются по разным траекториям, что также подчеркивает тот факт, что это явления, имеющие различную природу: цветные революции стремятся выработать такую технологическую

схему воздействия на политические процессы, при которой применение прямой вооруженной силы станет излишним и просто вредным для достижения конечной цели – организации государственного переворота под прикрытием массовых протестов; гибридные войны, напротив, ищут для прямой вооруженной силы новых форматов, моделей и ниш применения. Возможно, это прямой пример того, как именно классические инструменты политического воздействия – жесткая и мягкая силы – пытаются приспособиться к новой политической реальности, к новой среде, которая не является дружественной и податливой ни для чисто «мягких», ни для чисто «жестких» технологий. При этом эволюция жестких методов воздействия идет по пути гибридизации, «прививки» им «мягких» вакцин, часть из которых гибридные войны имплементируют в свой набор инструментов политического воздействия, комбинируя их и сочетая с «жесткими» инструментами (так появляется «умная сила»), а часть – отторгают, вырабатывая на них «антидот»; эволюция же «мягких» методов, к которым относятся классические схемы и технологии цветных революций, идет по пути «навешивания» на классическую схему, применявшейся в «бархатных революциях» в Восточной Европе, новых «гаджетов» – сервисных функций, предполагающих более широкое использование жесткой силы, таких как технологии «управляемого хаоса». Так, в последних версиях цветных революций – например, на Украине 2013–2014 годы – обязательным элементом сценария цветной революции стала работа снайперов по активистам майдана и просто мирным гражданам с целью повышения уровня агрессивности толпы, собравшейся на этом самом майдане. Это – типичный пример применения инструментов жесткой силы, имплементированных в более «мягкую» структуру сценариев цветных революций.

Именно на поле этих гаджетов технологии гибридных войн и цветных революций взаимно пересекаются: это информационные войны (операции и инструменты информационно-психологической войны) и технологии управляемого хаоса. И то, и другое успешно и

эффективно используется и в гибридных войнах, и в цветных революциях, но – для достижения разных целей. В последнее время появилась мода на дальнейшее усложнение терминов: многие эксперты стали говорить о гибридной «хаос-войне», продолжая конструировать сущности и смешивая различные понятия. Во многом это размножение терминов не является оправданным: их содержательная часть требует тщательного уточнения и конкретизации, с опорой на методологический аппарат политической, военной и иных смежных наук.

Противодействие цветным революциям

Следует отметить, что операция США по переформатированию постсоветского пространства в определенной мере сегодня касается и России. Не секрет, что в организации протестного движения «За честные выборы» виден почерк режиссеров цветных революций, в котором наблюдаются все ее атрибуты – начиная от символики («белых ленточек») и заканчивая уровнем организации митингов и манифестаций, требующих вложения огромных финансовых средств. И совсем не случайно в Москву новым послом США именно в тот период был назначен Майкл Энтони Макфол, талантливый автор и режиссер «оранжевой революции» на Украине и «революции роз» в Грузии.

В целом, сценарий «революции белых ленточек» полностью соответствует классическим сценариям цветных революций в Восточной Европе и на постсоветском пространстве, за исключением одной детали: этот сценарий – усеченный, рассчитанный скорее на демонстрацию мощи, чем на реальный результат (смену режима). На это указывают, прежде всего, объемы финансирования, которые были выделены Госдепом США на организацию цветной революции в России: один из лидеров оппозиционеров, приехавший в 2012 году на Селигер и отрицавший какое-либо участие США в событиях на Болотной площади, проговорился, что сумма, выделенная США на

организацию «белых ленточек», была чуть больше чем сумма, потраченная на «революцию роз» в Грузии. Эта сумма, конечно, достаточна для Грузии или Украины, но ничтожно мала для России, в которой цветная революция только тогда будет иметь успех, если мятеж одновременно вспыхнет в двух десятках крупнейших городов и региональных центров. Все это указывает на то, что основная задача была – поугадать российскую власть и заставить ее полностью погрузиться во внутренние проблемы, на время перестав следить за международной обстановкой.

Надобность в революции белых ленточек у США пропала после того, как стало ясно, что наземная операция против Ирана откладывается на неопределенный срок – виной тому оказалась Сирия, с которой не удалось разобраться также быстро как с Ливией. После этого «революцию» в России по команде из Вашингтона свернули – американцы прагматично решили, что больше на нее тратить деньги не стоит.

В 2011 году, говоря о последствиях падения режима Каддафи, сенатор Дж. Маккейн выразил мнение, что смена власти в Ливии даст сигнал и другим странам, «стремящимся к демократическим преобразованиям»: «это будет своеобразным посланием и для Башара Асада, и для Йемена, и для других диктаторов. Эхо «арабской весны» услышат во всем мире – от России и Китая до Израиля. С тех пор как молодой человек сжег себя на улице, положив начало волнениям в Тунисе, мы видим стремительно меняющийся мир», – заявил Дж. Маккейн. Таким образом, Дж. Маккейн не исключает, что следующей целью волны «финиковых революций» будет Китай и Россия⁵³. В 2014 году в Гонконге развернулась «революция зонтиков», которая также относится к цветным революциям с особой – «усеченной» схемой, аналогичной «белым ленточкам» в России. На Украине в 2014 году в результате «цветного» переворота началась

⁵³ Маккейн пророчит «арабский сценарий» России, Китаю и Израилю. // MKRU. <http://www.mk.ru/politics/news/2011/08/24/617060-makkeyn-prorochit-quotarabskiy-stsenariyquot-rossii-kitayu-i-izrailyu.html>.

гражданская война, в которой марионеточное руководство в лице П. Порошенко и А. Яценюка, развернувшее политику геноцида в отношении населения юго-восточных областей Украины, получило полную и безоговорочную поддержку Государственного департамента США.

Высказывание сенатора Дж. Маккейна, несомненно, носит характер «пробного шара»; сам же он заявляет это все вполне искренне, не замечая, что им манипулируют. «Пробный шар» всегда направлен на провоцирование общественного мнения, в том числе мнения политических и военных союзников и противников США, на высказывание своего отношения к возможности такого вмешательства во внутренние дела перечисленных стран, а также на высказывание собственных оценок реальности такого вмешательства. И хотя реальный политический вес Дж. Маккейна ничтожен, а одиозность его фигуры известна всем, к этому его высказыванию все же следует относиться серьезно: такого рода прощупывание политической ситуации на предмет ее лояльности по отношению к новым целям и планам внешней экспансии США наводит на мысль, что эти планы уже разработаны и ждут своего часа. В этом смысле высказывания Дж. Маккейна следует воспринимать как сигнал, а события в Гонконге – рассматривать как один из этапов реализации этого плана.

Основные принципы противодействия цветным революциям таковы:

1. Борьба с цветными революциями, являющимися технологиями государственных переворотов, можно только с помощью технологий такого же уровня. Отдельные меры, средства и методы здесь не принесут пользы.

2. Необходимо своевременно выявлять и перекрывать каналы заведения денег для организации цветных революций – цветная революция не начнется, пока в стране не будут скрыто заведены и размещены в национальных банках и фондах значительные денежные средства. Операция по их заведению в страну может начаться за полтора-два года до реального начала революционных событий.

3. Необходимо сделать так, чтобы основная ударная сила цветных революций – пассионарная и супер подвижная молодежь в возрасте от 16 до 35 лет потеряла свою подвижность и подверженность влиянию идеологии цветных революций. Добиться этого можно только вовлекая молодежь во всевозможные молодежные общественные организации и движения, в массовый спорт, и т.д. При этом опыт такой работы с молодежью, накопленный «Молодой гвардией», «Наши», полезен, но он слишком односторонен, и от цветной революции не спасет.

4. Цветная революция в России может начать развиваться под лозунгами регионального сепаратизма и под руководством региональных лидеров. В этом плане надо уделить внимание проблемным регионам – Кавказу, Сибири и Дальнему Востоку, где региональная политика федерального центра в 2012–2013 годах потерпела ряд ощутимых неудач.

5. Ну и, наконец, в России должна быть выработана собственная модель противодействия цветным революциям, как в самой России, так и на пространстве СНГ, в ЦА и других регионах, в которых Россия имеет свои национальные интересы. С цветными революциями бороться можно, поскольку их ход может быть предсказан и спрогнозирован заранее. Есть опыт Беларуси, которая справилась с «васильковой революцией» весьма изящным способом: ее спецслужбы не препятствовали протестующим, но отбирали у них палатки, продукты и все, необходимое для организации протестного лагеря. Есть еще пример цветной революции в Узбекистане, которая была подавлена силой оружия.

Существует система мер, которая помогает уменьшить риски возникновения цветных революций. Первый комплекс мер направлен на выявление и перекрытие финансовых потоков, идущих на финансирование протестного движения. Вторая группа мер направлена на вовлечение социальной базы протестного движения – молодежи в возрасте от 18 до 35 лет – в деятельность общественных организаций проправительственной направленности. Третья группа

мер – создание в обществе «клапанов по выпуску пара», сброса напряженности, не позволяющих обществу «перегреться» наподобие парового котла и затем выплескивать накопившуюся энергию в виде социального взрыва.

Президентом и Правительством России должна быть создана общегосударственная система противодействия цветным революциям, имеющая четкий план действий, которая затем будет востребована и другими постсоветскими странами.

ТЕХНОЛОГИИ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ЯЗЫКОВОЙ И КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ (на примере Украины)

*Овсянникова Ольга Александровна,
исполнительной директор Научно-исследовательского центра
проблем национальной безопасности,
кандидат педагогических наук, доцент*

Родной язык является показателем духовной жизни, как отдельного человека, так и всего народа его важнейшей мировоззренческой ценностью. Именно посредством языка осуществляется восприятие окружающей действительности, отражение самосознания и, соответственно, формирования позиции в отношении тех или иных политических процессов и явлений, политического курса государства, реализуемой им внешней и внутренней политики.

Пожалуй, наиболее образно значение языка в формировании общественного мировоззрения выразил Д.С. Лихачев, по словам которого: «Самая большая ценность народа – это язык, – язык, на котором он пишет, говорит, думает. Думает! Это надо понять досконально, во всей многозначности и многозначительности этого факта. Ведь это значит, что вся сознательная жизнь человека проходит через родной ему язык. Эмоции, ощущения – только окрашивают то, что мы думаем, или подталкивают мысль в каком-то отношении, но мысли наши все формулируются языком. Вернейший способ узнать человека – его умственное развитие, его моральный облик, его характер – прислушаться к тому, как он говорит»⁵⁴.

Ни что так не объединяет и не разъединяет народы как использование языка. Процессы глобализации, одним из направлений кото-

⁵⁴ Лихачёв Д.С. О языке устном и письменном, старом и новом http://tvoyaistoria.ru/articles/o_yazyke.

рой является насаждение и использование повсеместно английского языка, безусловно, объединяют население стран и регионов Планеты. Но с учетом того, что это происходит за счет вытеснения родного языка «неанглоговорящих» народов, речь, по всей видимости, идет не столько об их объединении, сколько о мировоззренческой глобализации. Цель при этом вполне очевидна, заставить воспринимать всю информацию и думать на языке представителей доминирующего этноса. Именно в этом истоки англо-саксонской концепции «плавильного котла» (англ. *melting pot*) предполагающей слияние различных народов и их национальных культур, в результате формировалась единая американская нация.

Но, если сама история и развитие США предполагали добровольный осознанный выбор этой концепции иммигрантами, прибывающими в Новый Свет, с тем, что быстрее адаптироваться к условиям принимающей страны, то совсем другое дело – насильственное насаждение этого самого «плавильного котла» в сознании людей и народов, ментальность которых формировалась на протяжении столетий.

В данном случае речь идет о насильственном переформатировании общественного сознания. Эти процессы получили свое развитие на всем постсоветском пространстве, но наиболее ярко они проявились на территории Украины. Вся история существования которой в качестве суверенного государства, была наполнена недуманными действиями в гуманитарной сфере. Примечательно, что одним из основных объектов нападок явился русский язык и православная религия.

Начиная с 1989 года, на Украине продолжают споры о придании русскому языку статуса государственного. Как отмечают исследователи, в Украине сложился скрытый конфликт на языковой почве: на уровне межличностного столкновения индивидов, противоположно ориентированных в языковом плане; на уровне общества – неприятие частью общества административно-директивной украинизации – наиболее остро этот конфликт проявился в социально-профессиональной сфере.

Так, например, бывший председатель Верховной Рады В. Литвин отмечал, что он против ущемления русского языка, но против и того, чтобы «мы спокойно смотрели, как украинский язык приходит в упадок». Он полагал, что в нынешней ситуации украинский язык не выдержит конкуренции в научной сфере, информационной сфере и в сфере коммуникативной.

Аналогичной позиции придерживаются и украинские прозападные политики считающие, что в нынешней ситуации все жители Украины обязаны знать украинский язык, а в случае предоставления равного статуса русскому языку значительная часть граждан будет игнорировать украинский язык, так как он потеряет практическое значение. Поскольку большинство населения государства принадлежит к украинскому этносу, поэтому и единственным государственным языком должен быть украинский; русский язык является наследием «колониального прошлого» и средством влияния Российской Федерации на Украину.

В целом же украинские деятели надеялись, что на практике административно-директивная украинизации приведёт к такой ситуации, при которой украинский язык и украинская культура превратятся в родной язык и культуру всех жителей Украины. Однако этого не произошло. Даже спустя четверть века русский язык, несмотря на все попытки ограничения его использования, является основным средством общения для граждан Украины, причем не только юго-восточных областей, но центральных и даже западных.

Обращает на себя внимание и то, что большинство чиновников, депутатов и других официальных лиц в своём повседневном общении так же используют русский язык в качестве основного языка общения. Это объясняется тем, что русский язык в качестве средства восприятия информации сформировался у них на уровне подсознания и «выкорчевать» его оттуда можно только лишь репрессивными методами или формированием тотальной информационной среды, в которой русскому языку места не будет. Что, в

общем-то, и реализуется в современной политике руководства Украины в отношении населения страны.

По сути дела происходит то, что в 20–30-х прошлого столетия происходило в отношении уже украинского языка на территории Западной Украины, или как она называлась в тот период, – Восточной Малопольше. Именно таким же образом, пришедшие к власти в Польше в результате военного переворота сторонники Й. Пилсудского утверждали свою юрисдикцию на территориях с преимущественно украинским населением.

Тогда это политика получила название пацификация – комплекс военно-полицейских мероприятий, направленных не только на предотвращение акций саботажа украинского населения, но и на его унификацию, а точнее полонизацию. С этой целью, по инициативе польских властей уничтожались православные и греко-католические украинские церкви и культурные центры, ликвидировались украинские школы, библиотеки и кружки, подвергались гонениям и преследованиям украинские учителя и священники, культурные и политические деятели, а украинское население вынуждали записываться поляками и переходить в католичество. Украинский язык в школах запрещался как предмет. На территории с украинским населением направлялись польские учителя из центральной Польши. Примечательно, что вопросами религии, культуры и образования занимались полиция и военные ведомства Польши⁵⁵. Поэтому ничего нового в этом плане украинские власти не изобрели, да и не изобретут. Все это уже было в истории, в том числе и самой Украины.

Все дает основание в очередной раз убедиться в справедливости гегелевского постулата о том, что «все великие всемирно-исторические события повторяются дважды: первый раз как трагедия, а второй – как фарс»⁵⁶.

⁵⁵ Пацификация украинцев в Восточной Малопольше <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1394762>

⁵⁶ Бочарников И.В. Украинский закат Европы //Геополитический журнал. 2014. № 6. С. 2-6.

История повторяется, но теперь процессы языковой дискриминации воспроизводятся и осуществляются в отношении жителей не западной, а всей остальной территории Украины. Принципы одни и те же: насаждение украинского языка, преследование инакомыслящих людей, исключение русского языка из сферы образования, медицины и муниципального управления. Аресту за использование русского языка пока ещё не подвергают, поскольку правящая верхушка пока еще использует русский язык в своей политической деятельности. Но тенденции к этому очевидны.

В этом плане особый смысл обретает предложение президента Украины П. Порошенко, сделанное им во время торжеств, посвященных 400-летию Киево-Могилянской академии, о введении второго рабочего языка – английского. Похвалив руководство Киево-Могилянской академии за использование двух языков в процессе учебной деятельности – украинского и английского – глава украинского государства, выразил свою позицию относительно того, что «было бы очень хорошо, чтобы и на Украине, а не только в Могилянке, кроме украинского, появился еще свой рабочий язык. И этим языком по праву должен быть английский»⁵⁷.

Таким образом, правящей националистической верхушке принципиально важно насадить не украинскую, а любую другую идентичность, лишь бы она была антирусской, антироссийской.

Объектом нападков в Украине явилось Православие как важная духовной составляющая жизни украинского народа.

Сейчас в независимой Украине соседствуют три конкурирующих православных церкви: церковь Филарета, небольшая Украинская автокефальная православная церковь и достаточно крупная Украинская православная церковь, находящаяся в ведомстве Московской патриархии как часть Русской православной церкви. По данным украинской правительственной статистики, у церкви Филарета всего 3000 приходов. У Москвы на территории

⁵⁷ Порошенко предложил сделать английский вторым языком на Украине http://www.bfm.ru/news/305449?from=popular_1

Украины – 9000 приходов, у Автокефальной церкви – чуть больше 1000.

Между тем, происходит покушения на отторжение и переход Русской православной церкви в ведение Церкви Филарета или других церквей, угодных правительству Украины. В целом эта тенденция прослеживается по всей Украине: штурмуют Церкви, находящиеся в ведении Русской православной церкви, с участием органов власти, православные священники изгоняются, люди вынуждены с оружием в руках отстаивать свои интересы, защищая веру. Конфессиональной дискриминации подвергаются не только сельские приходы, но и крупные объекты историко-культурного наследия Руси, крупнейшие центры русского православия. Речь в частности о святыне Русской православной Церкви – Киево-Печерской Лавре, в отношении которой была предпринята попытка захвата со стороны радикалов-националистов «правого сектора». Это обусловлено тем, что Киево-Печерская Лавра остается для православных одной из главных отечественных святынь – русским Иерусалимом, центром паломничества верующих. Лавра находится в ведении Украинской православной Церкви Московского Патриархата.

Именно Лавра является первым на Руси монастырем, положившим начало монашеству в Древнерусском государстве и обретшая славу величайшей святыни православия. Лавра была основана монахом преподобным Антонием из Любеча и его учеником преподобным Феодосием еще при Ярославе Мудром в 1051 году. В Лавре хранятся мощи святых угодников, здесь же были похоронены и многие выдающиеся деятели России и Украины. Например, в Киево-Печерской лавре находятся, например, мощи Ильи Муромца, Феодосия Печерского, лекаря Агапита, а также могила выдающегося государственного деятеля России П.А. Столыпин.

Ставки высоки, поскольку Украина – это духовная житница Русской православной церкви. Почти половина приходов Русской православной церкви расположена на территории Украины, страны, численность населения которой всего в три раза меньше, чем

России. Киев, где произошло Крещение Руси в 988 году, имеет огромное историческое значение для православных верующих.

В то же время, очевидно, что покушения на православные святыни будут продолжаться, поскольку сейчас к власти пришли радикально настроенные прозападные политики в Украине, которые изначально видят в России только агрессора, а не братский народ. Эти люди покушаются на православную веру, которая всегда проповедовала идеалы добра и справедливости, мира и дружбы между народами, общечеловеческие ценности.

Таким образом, на Украине происходит последовательное перереформатирование сознания граждан посредством выдавливания русского языка из сферы общения, образования, науки, культуры и государственного управления. Вторым средством давления на сознание её граждан является духовность украинского народа, которая выражается в религиозной сфере. Это и есть современные технологии, которые успешно находят воплощение в жизнь на Украине.

СОВРЕМЕННЫЕ РАДИКАЛЬНЫЕ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ИСЛАМЕ: АКТОРЫ, ЦЕЛИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

*Герейханов Гаджи Пирмурадович,
доктор философских наук, профессор*

Анализ ситуаций вокруг тех или иных экстремистских организаций, действующих в мусульманских регионах и прикрывающихся религиозной символикой, свидетельствует об одном – целью США является фрагментация пространства Ближнего Востока до его полной неуправляемости с навязыванием региону бесконечных войн всех со всеми, с использованием противоречий. Этому способствует то, что между странами исламского мира существуют глубочайшие различия в политических системах, в политической культуре, в значимости роли религии в обществе, в правовых нормах и институтах (от господства шариата до господства либеральных норм западного образца). Межгосударственные противоречия, соперничество, нерешенность ряда межгосударственных проблем выплескиваются во вспыхивающие время от времени между исламскими государствами конфликты. Чрезвычайное многообразие этнических групп, населяющих мусульманские страны, предопределяет их соперничество и несовпадение интересов между ними.

Кроме того, отношения между шиитами и суннитами в последнее время все более приобретают характер конфликтных, что усугубляется политикой США по реализации «шиитского проекта» в Ираке и подавлению антизападных шиитских политических сил в треугольнике Иран – Сирия – Ливан.

В 2006 году российский исследователь Виталий Наумкин писал: «Отцы нынешней американской неоконсервативной революции способствовали росту радикального ислама, а затем приложили усилия к тому, чтобы сформировать образ ислама/исламского мира как врага Запада. Своей риторикой и реальной политикой они

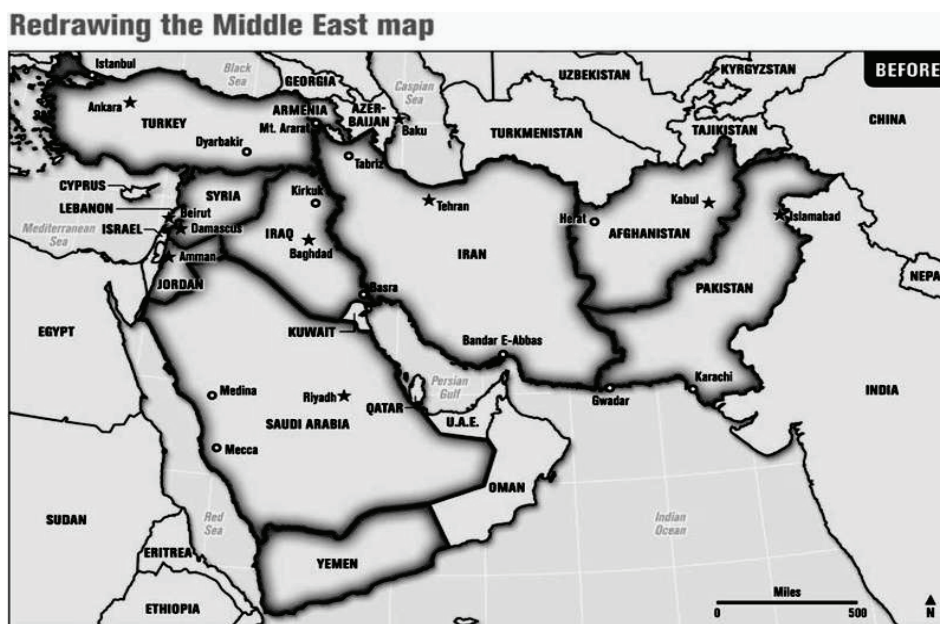
немало содействовали усилению в нем антизападных тенденций. Напомним, что у истоков неоконсерватизма стояла группа бывших социалистов, троцкистов, леваков и либералов, переметнувшихся к республиканцам в первой половине 1970-х годов»⁵⁸. Суть неоконсервативного проекта на международной арене состояла и состоит в перекройке мирового порядка по линии идеологического водораздела. Повсеместное распространение американской модели демократии любыми средствами, вплоть до военных, было и есть одной из главных задач, провозглашенных неоконсерваторами. Далее В. Наумкин отмечает, что «Конструирование образа исламского врага шло в русле именно идеологического размежевания. При этом, как уже отмечалось, ставился знак равенства между исламским и ближневосточным миром, где действительно находятся его важнейшие «нервные узлы». Для неоконсервативной революции в США проблема стран Ближнего Востока стала одним из главных идеационных и мобилизирующих инструментов. Уже тогда стала развиваться тенденция относиться к региону Ближнего Востока и Центральной Азии как к ареалу этнического и религиозного «беспорядка» (позднее она получила развитие в концепции Большого Ближнего Востока)»⁵⁹. Таким образом, с конца 80-х годов прошлого столетия искусственно создается и поддерживается образ «империи зла», то есть ислама, противостоящий «демократической империи добра» – США.

Подтверждением указанной политики США на Ближнем Востоке являются прошедшие в последние годы «оранжевые революции», военные перевороты и открытые военные вторжения США и их союзников в страны указанного региона. Но вот что интересно, почти все инициированные США политические процессы в этом регионе происходят в русле концепции, изложенной 2006 году преподавателем Академии сухопутных войск США

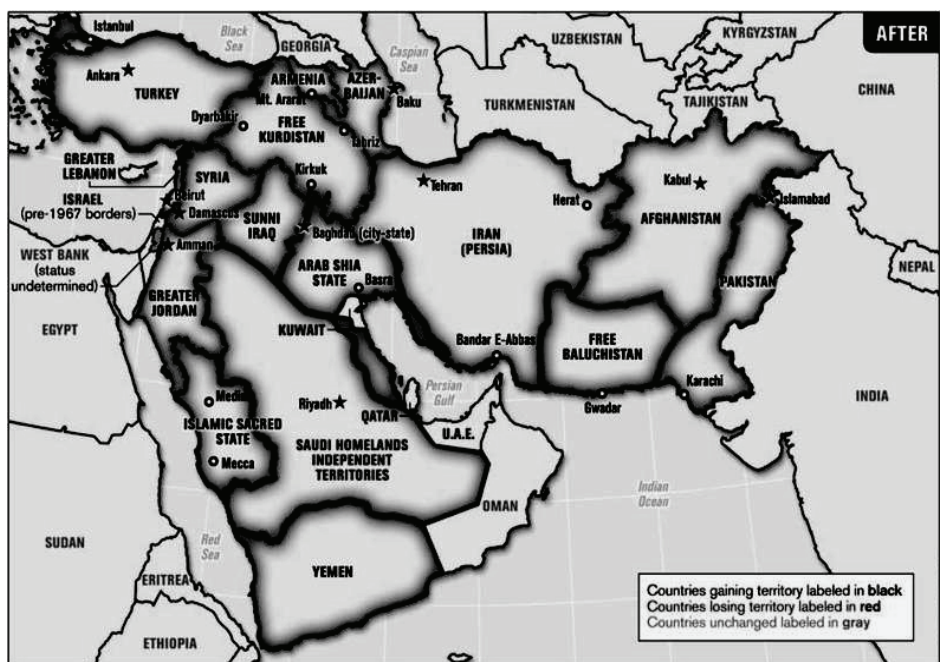
⁵⁸ Цит. по: Наумкин В. Ислам как коллективный игрок?://Международные процессы. № 2(11). 2006.

⁵⁹ Там же.

Ральфом Петерсом⁶⁰. На первой карте (before) изображены государства Ближнего Востока в сегодняшних границах.

А вот на второй карте (after) изображены вновь образованные государства, а существовавшие до этого государства кардинально изменились, потеряв свои суверенные территории и изменив государственные границы.

⁶⁰ Карта Ральфа Петерса. Большой Средний Восток со «справедливыми границами»: Peters, Ralph. Blood borders. How a better Middle East would look // Armed Forces Journal. 2006. № 6, June.

То есть на второй карте представлены цели США по переделу Ближневосточного региона.

Так, на карте Петерса Свободный Курдистан создается за счет территорий Турции, Ирана и Ирака. Ключевым вопросом для курдов являются территории вокруг озера Урмия (ныне Иран), имеющие стратегический характер. Озеро Урмия на карте отдано курдам. В предлагаемой Петерсом стратегии Курдистан становится новым Израилем, воюющим сразу со всеми, достаточно устойчивым маленьким милитаризованным государством, полностью зависящим от регулярной военной помощи из-за рубежа.

Другое вновь образованное государство – Свободный Белуджистан включает части территорий Ирана, Афганистана и Пакистана. Белуджские народы и племена – самые древние автохтонные и проживают на территориях указанных государств. Чего добиваются США, помогая сепаратистскому движению? В первую очередь речь идет о контроле над стратегическими газопроводами из Каспийско-Среднеазиатского региона в Пакистан и Индию. Ряд возможных маршрутов трубопроводов проходит по территории, населенной белуджами. Рядом с их берегом должен пролечь подводный газопровод из Ирана в Индию. Кроме того, в этом районе китайцы активно строят крупнейший порт Гвадар, переданный правительством Пакистана под управление китайским компаниям, и военно-морскую базу Пасни. 6–7 миллионов белуджей вполне достаточно, чтобы при соответствующем внешнем финансировании и военно-технической помощи обеспечить на многие десятилетия новый «Кашмир», на этот раз вокруг пакистанского города Кветта, центра белуджских земель. Кветта хорошо известна в России, так как именно там проходили подготовку исламистские повстанцы во время войны в Афганистане в 1979–1989 годах. Кстати, этот район является средоточием различных баз, где проходят подготовку боевики, которые пополняют ряды различных «исламских» радикальных религиозно-политических организаций.

В конфликте вокруг Белуджистана, помимо иранцев, гарантированно примут участие синдские и пуштунские племена, которые не смирятся с появлением независимого Белуджистана. Таким образом, Пакистан, Иран, Афганистан гарантированно «ввяжутся» на долгие годы в военно-политический конфликт и им в этих условиях будет не до постройки нефтепроводов, авто- и железнодорожных магистралей, портов. Создав «демократический» порядок по Иракскому и Ливанскому образцу, американцы через несколько лет с «чистой совестью» покинут это «свободное и демократическое государство».

Автор, анализируя политические процессы в Саудовской Аравии, указывал на нерешенность многих межэтнических и межконфессиональных проблем в этой на первый взгляд благополучной стране. Если мы внимательно посмотрим на карты, то заметим разительные перемены с территорией этого государства. На карте Петерса, священные города мусульман Мекка и Медина, а также окружающие их прибрежные и горные районы Саудовской Аравии выведены в отдельное «Исламское Священное Государство Мекки и Медины» (Muslim super-Vatican), марионеточное по факту и радикально антиамериканское и антизападное по риторике⁶¹.

Вот что по этому поводу писал Валиулла Якупов: «Захват ваххабитами и длительная оккупация священных земель Ислама породили у них ощущения и притязания папизма, так же, как католики трактуют единство христианских конфессий как подчинение всех римскому престолу, так и ваххабиты пытаются комично копировать идеи западной церкви о владычестве над миром, именно поэтому уже покойный король Фахд добавил к своему самоназванию «король» титул «служитель двух святынь», пытаясь этой косметической мерой привлечь верующих мусульман к подчинению ваххабизму»⁶².

⁶¹ Собянин А. Геостратегия Исламского мира и интересы России. http://conjuncture.ru/sobianin_26-06-2012_geostrategy_of_islam_and_russia/

⁶² Якупов В. Анти-Ислам (о раскольничьей сущности ваххабитов-реформаторов). Казань: «Иман». С.14.

Предложения Петерса не являются новыми, а появлялись периодически с подачи британской разведки с XVIII века. Однако лишь сейчас, когда Великобритания и США стали целенаправленно культивировать и опекают радикальные исламистские, в том числе антисаудовские политические организации, выделение Мекки и Медины в отдельное исламистское государство стало выглядеть реалистичным. Кроме того, как утверждает Александр Собянин, «сразу несколько стран Запада стали ускоренно вооружать Йемен, у которого есть серьезные претензии на ряд приграничных территорий, населенных йеменскими племенами, ныне находящихся под юрисдикцией Королевства Саудовская Аравия. Нет необходимости добавлять, что на этих населенных йеменцами землях Саудовского Королевства много нефти»⁶³.

Следовательно, практически вся прибрежная территория Саудовской Аравии в Персидском заливе и прибрежная территория Ирана с основными портами выделяются в независимое от саудитов и иранских имамов шиитское государство (Arab Shia State). Таким образом, добываемая нефть в Арабском Шиитском государстве, на юге Ирака, побережье Ирана, в Кувейте и остатках Саудовской Аравии (Saudi Homelands Independent Territory) по определению сосредотачивается в портовых нефтетерминалах, которые к тому времени будут находиться на территории марионеточного Арабского шиитского государства, а значит под контролем США.

Но как осуществить кардинальную перекройку границ суверенных государств и создать новые государства? Вот тут-то на сцене и появляется организация – «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), объявившее в 2014 году о создании халифата и по этому поводу в очередной раз изменившее свое название на «Исламское государство» (ИГ), – крайне необычная во всех отношениях террористическая группировка Ближнего Востока. Количество упоминаний ИГИЛ в мировых СМИ в 2014 году росло в гео-

⁶³ Собянин А. Геостратегия Исламского мира и интересы России. http://conjuncture.ru/sobianin_26-06-2012_geostrategy_of_islam_and_russia/

метрической прогрессии. Неудивительно, что в итоге вокруг организации появилось множество мифов.

Вот что отмечает сотрудник Института Востоковедения РАН Б.В. Долгов: «Доктрина «исламского государства», берущего за основу ранний и «подлинный», по мнению ее последователей, ислам времен Пророка Мухаммеда и четырех «праведных халифов» (первые халифы, правившие после Пророка Мухаммеда – Абу Бакр, Омар, Осман и Али) имеет достаточно давнюю историю. Ее родоначальники в новейшей истории, такие, как Абу Аля аль-Маудуди, основатель исламистской партии «Джамаат и ислями» в Пакистане и Сейид Кутб, идеолог египетской ассоциации «Братья-мусульмане» провозглашали создание «исламского государства» на основе «справедливых и вечных, применимых во все времена и в любом месте» канонов Корана и законов шариата, «ниспосланных Аллахом». В результате в «исламском государстве» должны были быть решены все социально-экономические проблемы и восторжествовать «исламская социальная справедливость». Идеологию возврата к ранне исламским «подлинным мусульманским ценностям, традициям и общественно-политической практике» провозглашает также салафитское движение. Тем не менее, не все сторонники «исламского государства», в том числе салафиты, являются радикальными исламистами, проповедующими джихад и прибегающими к террористическим методам. Тем более, безосновательно считать ислам, одну из мировых религий, которую исповедуют 1,6 млрд. мусульман в мире, идеологической основой для насилия и террористических актов. Они совершаются экстремистскими группировками, прикрывающимися лозунгами ислама»⁶⁴.

Ряд идеологов «исламского государства» считали возможным его построение мирным эволюционным путем в результате распространения коранических знаний и восприятия обществом исламской культуры и мусульманских моральных и духовных ценностей. На-

⁶⁴ Долгов Б. В. «Исламское государство» в Ираке.

<http://www.ivran.ru/component/content/article/3—vostokpages/759—dolgov—isis29092014>

пример, в Алжире в начале 90-х годов прошлого столетия Аббаси Мадани – лидер самого массового в арабском мире на тот период исламистского движения «Исламский фронт спасения» (ИФС) – предлагал создавать «исламское государство» на основе демократических выборов, на которых в Алжире в то время побеждал ИФС.

М. Каддафи построил государство «Ливийская Джамахирия» на принципах социальной справедливости и принципах ислама. Причем в стране был достигнут высокий уровень жизни и планомерно претворялся в жизнь проект «справедливого исламского государства», что, конечно же, не устраивало ни западные страны с их либеральными ценностями, ни арабские монархические режимы.

Многие сторонники «исламского государства» ратуют также за его расширение и включение в него всех территорий, где проживают мусульмане. Так, по мнению Али Бенхаджа, одного из лидеров алжирских исламистов, создание исламского государства в Алжире есть лишь этап на пути достижения стратегической цели, которую он определял, как «воссоздание исламского халифата, который должен стать духовной отчизной всех мусульман мира».

Попытки создания «исламского государства» суннитскими исламистскими движениями, приходившими к власти, имели место в Судане в 1980-е годы, в Афганистане в 1990-е годы.

Определенные шаги в этом направлении, а именно, исламизации общественно-политической жизни, делались в процессе «арабской весны» в Египте движением «Братья-мусульмане», в Тунисе партией Нахда (Возрождение), в Ливии, где шариат объявлен основой законодательства, и в провинции Дерна исламистами провозглашен эмират, живущий по законам шариата.

Однако на настоящий момент большинство этих «исламских проектов» потерпели провал. Особым случаем шиитской модели «исламского государства» является Иран, где после победы антишахской «исламской революции» в 1979 году была провозглашена Исламская республика Иран (ИРИ). В ее государственно-политическом устройстве действуют республиканские институты исполни-

тельной и законодательной власти в лице президента и парламента, которые избираются на всеобщих выборах. Наряду с ними высшими властными инстанциями ИРИ являются Духовный лидер – наиболее известный и авторитетный шиитский богослов (Рахбар) и Наблюдательный совет из 12 богословов и правоведов, которые контролируют на соответствие шариату все принимаемые президентом и парламентом решения.

В этой связи Б.В. Долгов отмечает «особенностью государственного устройства ИРИ являются такие структуры, как Корпус стражей исламской революции (КСИР) и Организация басиджей (народных дружин), призванных защищать «завоевания исламской революции». Необходимо отметить, что ИРИ в своей эволюции показывает достаточные социально-экономические достижения, несмотря на постоянное военно-политическое и экономическое давление со стороны США и ЕС. Тем не менее, вряд ли шиитский «исламский проект» Ирана сможет стать примером для сторонников создания «исламского государства» в арабском мире. Прежде всего, потому, что все исламистские группировки, выступающие с данной доктриной, включая ИГИЛ, исповедуют суннитское направление ислама и враждебны шиитскому Ирану. В свою очередь руководство ИРИ заявило, что не допустит создания у своих границ «экстремистской террористической организации», каковой оно считает ИГИЛ, и окажет необходимую поддержку в борьбе с ним, как Ираку, так и Сирии»⁶⁵.

Будучи поначалу обычным и почти ничем не примечательным подразделением «Аль-Каиды» на территории Ирака, ИГ (которое изначально называлось «Джамаат ат-Таухид ва-аль-Джихад» – Организация единобожия и джихада) вело классическую террористическую войну, совершая массовые теракты против шиитского населения Ирака, правительственных сил и объектов. Никаких решительных целей такая тактика не преследовала, ставка была сделана не на результат, а на процесс.

⁶⁵ Долгов Б.В. «Исламское государство» в Ираке. <http://www.ivran.ru/component/content/article/3-vostokpages/759-dolgov-isis29092014>

Собственно говоря, Соединенные Штаты, создавая террористический интернационал Ближнего Востока, добивались именно такого результата. Им важна обстановка тотального насилия, которая делает невозможным создание сильного государства, способного отстаивать собственные интересы⁶⁶.

Более 10 лет тому назад, 28 июня 2004 года в обстановке секретности и строжайших мер безопасности в Багдаде состоялась церемония передачи власти из рук Временной коалиционной администрации (глава – Пол Бремер, руководил Ираком 13 месяцев) иракскому временному правительству в лице премьер-министра Аяда Алауи. Чуть более чем через год после падения режима Саддама Хусейна и начала оккупации иностранными войсками Ирак обрел формальный суверенитет. Однако все эти годы страна была погружена в теракты, междоусобные войны, политический хаос.

США сознательно все эти годы делали ставку на шиитов Ирака. Нынешний премьер-министр Нури аль-Малики характеризуется радикальными взглядами и непримиримой борьбой с суннитским меньшинством Ирака, весьма недалекой политикой конфессиональной и национальной сегрегации, объективно направленной на ущемление прав курдов и суннитов Ирака. Он занимал пост премьер-министра Ирака на протяжении 8 лет (2006–2014 годы). При этом американцев не смущало то, что по сведениям западных СМИ, Нури аль-Малики в 1980-е годы был членом радикальной исламистской шиитской группировки, финансируемой Ираном и осуществившей террористическую атаку против расположения американских военнослужащих в Бейруте, в результате которой погибли десятки американских солдат. Эта группировка в тот период боролась, как против режима Саддама Хусейна, так и против США, оказывавших поддержку режиму Саддама Хусейна во время ирано-иракской войны 1980–1988 годов.

⁶⁶ Почему США не могут победить "Исламское государство": <http://itar-tass.com/opinions/2272> – 2 октября, 18:00

В то же время, когда Нури аль-Малики стал проводить политику сближения с шиитским Ираном, поддержки сирийского президента Б. Асада и развития отношений с Россией, что противоречило американским интересам, США изменили вектор своей политики в Ираке. Они стали ориентироваться на суннитские, в том числе, радикальные исламистские силы, враждебные Ирану, сирийскому руководству, а также шиитскому движению Хезболлах в Ливане.

Одной из наиболее боеспособных среди данных сил, действовавших в Ираке и в Сирии, являлось ИГИЛ.

Несомненно, то, что деятельность правительства Ирака все эти годы создавала прекрасные предпосылки для поддержания в Ираке перманентного хаоса и насилия. Малики предпринял ряд мер, которые непреднамеренно стимулировали развитие ИГИЛ и ее численный рост. Он внедрял законы, запрещающие занимать государственные должности чиновникам «эпохи Саддама», значительная часть из которых мусульмане – сунниты. Таким образом, он добился снижения доли суннитов в политических и военных верхах страны. Малики крайне жестко подавлял протесты суннитов и поддерживал негосударственные вооруженные группировки шиитов, которые использовались как карательные отряды для подавления мятежных северных регионов. Это лишь неполный список действий Малики, который настроил суннитов против центрального правительства в Ираке.

В такой ситуации союзнические отношения Малики с Ираном были даже на руку США, заинтересованным в вовлечении Тегерана во множество конфликтов в регионе, обессиливании его и вынуждении тратить драгоценные ресурсы не на внутреннее развитие, а на ликвидацию постоянно возникающих угроз – в Сирии, Ираке, Бахрейне, Йемене.

За годы оккупации Ирака Соединенным Штатам удалось сделать невозможным диалог между суннитской и шиитской общинами Ирака. Единый Ирак, похоже, стал недостижим. Стадия развала так или иначе, уже началась. Поставленные США цели постепенно дос-

тигаются. Речь идет о той пресловутой карте Петерса, где Ирак расколот на суннитское и шиитское государственные образования, кроме того, от него отделена часть территории для курдов.

В этих условиях «Исламское государство» становится важным элементом системы поддержания хаоса в регионе. До 2013 года группировка называлась «Исламское государство Ирак» (ИГИ, The Islamic State of Iraq). Создана 15 октября 2006 года в результате слияния 11-ти радикальных суннитских формирований во главе с подразделением «Аль-Каиды» в Ираке («Каида аль-джихад в Ираке»). Тогда же был принят проект «конституции», названный «Уведомление человечества о рождении Исламского государства». Один из лидеров «Каида аль-джихад в Ираке» Абу Омар аль-Багдади был назван «эмиром» (убит в середине апреля 2010 года). ИГИ поставила цель захватить суннитскую часть Ирака и превратить ее в военизированное исламское суннитское государство, как только из Ирака уйдут силы международной коалиции во главе с США. Границы «государства» предполагалось установить в пределах провинций Багдад, Анбар, Дияла, Киркук, Салах-э-Дин, Найнава и некоторых районов провинций Бабиль и Васит⁶⁷.

В этот период (2010 год) из американских тюрем в Ираке были выпущены бывшие военные среднего командного звена армии Саддама Хусейна, которые очень быстро взяли группировку «Исламское государство Ирака» в свои руки. Было ли это запроектировано американцами или так получилось – уже неважно. Важно то, что на тот момент погибает все высшее руководство ИГИЛ. Примерно из сорока руководителей, финансистов, высокопоставленных связных и модераторов иракской террористической сети в живых осталось лишь восемь. Были убиты и два ключевых лидера – Абу Омар аль-Багдади и Абу Айюб аль-Масри⁶⁸.

⁶⁷ Смотри карту Петерса.

⁶⁸ Почему США не могут победить "Исламское государство": <http://itar-tass.com/opinions/2272> — 2 октября, 18:00

9 апреля 2013 года путем слияния двух «филиалов» «Аль-Каиды» в Ираке и Сирии – «Исламское государство Ирак» и сирийской «Джебхат ан-Нусра» была образована группировка под единым названием «Исламское государство Ирака и Леванта», целью которой стало создание исламского эмирата на территории Ливана, Сирии и Ирака. Левант (со старофранцузского «восход») – историческая область в восточной части Средиземноморья, охватывает территорию Сирии, Ливана, Израиля, Иордании, Палестины, Египта, Турции, Кипра. Арабы называют эту территорию аш-Шам. Сокращенное название группировки в арабских СМИ «Дайеш» (аббревиатура «Исламское государство Ирака и Леванта»).

10 апреля 2013 года бойцы ИГИЛ присягнули на верность лидеру «Аль-Каиды» Айману аз-Завахири. Однако из-за вражды и регулярных столкновений между иракской и сирийской группировками аз-Завахири в ноябре 2013 года принял решение о роспуске ИГИЛ, с тем чтобы «Исламское государство Ирак» в Ираке и «Джебхат ан-Нусра» в Сирии действовали независимо друг от друга. Тем не менее, «Исламское государство Ирака и Леванта» не вернулось к прежнему названию и продолжило действовать на территории Ирака и Сирии отдельно от «Джебхат ан-Нусра». В январе 2014 года против боевиков ИГИЛ выступили сирийские группировки «Армия моджахедов», «Повстанческий фронт Сирии», «Исламский фронт» и «Джебхат ан-Нусра». Столкновения между ИГИЛ и другими группировками унесли к началу 2014 году свыше 3 тыс. жизней.

В феврале 2014 года лидер «Аль-Каиды» Айман аз-Завахири официально заявил, что не признает принадлежность ИГИЛ к «Аль-Каиде».

10 июня 2014 года ИГИЛ предприняла беспрецедентную террористическую атаку на ряд районов северного Ирака, развернув масштабное наступление в суннитских провинциях, и с этого момента захватывала все новые иракские территории. С конца июня 2014 года террористы ИГИЛ начали активные действия на терри-

тории Сирии. ИГИЛ взяла под контроль ряд месторождений нефти, как в Сирии, так и в Ираке в районе Мосула и Киркука. Боевики, захватившие две крупные военные базы в Ираке, имеют в своем распоряжении большое количество разнообразного оружия и военной техники, включая переносные зенитно-ракетные комплексы, танки, бронетранспортеры и гаубицы американского производства.

29 июня 2014 года ИГИЛ объявила об основании на захваченных территориях Ирака и Сирии «Исламского халифата», а «халифом» был назначен лидер группировки Абу Бакр аль-Багдади. Тогда же было принято решение о переименовании группировки в «Исламское государство» (ИГ), однако название «Дайеш» по-прежнему употребляется СМИ.

Все это привело к тому, что «абсолютно прагматичные и совершенно безжалостные военные, не будучи исламистами, вполне рационально использовали религиозный фактор как идеологическое прикрытие основной задачи – построение этнически и конфессионально чистого государства на территории Сирии, Ирака и Иордании. У группировки впервые появилась четко сформулированная цель – никакой абстракции вроде всемирного халифата, – которая и позволяла вести войну ради войны»⁶⁹.

Четкость и ясность, а также решительные действия нового руководства немедленно привели к результатам. Войну в Сирии ИГИЛ повела не столько против Б. Асада, сколько за строительство своего государства⁷⁰.

На захваченных территориях немедленно возникали органы территориального управления, вводились единые нормы поведения, безжалостно истреблялось нелояльное население, разрознен-

⁶⁹ Почему США не могут победить "Исламское государство": <http://itar-tass.com/opinions/2272>

⁷⁰ Примером этого служит тот факт, что в начале июля 2014 года в иракском Мосуле (провинция Найнава) загранпаспорта нового образца с символикой нового государственного образования "Исламский халифат" для "безопасного перехода границы" получили 11 тыс. боевиков: <http://itar-tass.com/info/1264570>. Террористическая организация "Исламское государство". Досье.

ные банды конкурирующих группировок, которые либо приводились к покорности, либо уничтожались. Экономика захваченных территорий начинала работать на новые госструктуры⁷¹.

К октябрю 2014 года ИГИЛ оккупировала одну треть Ирака. Захват Мосула и восьми провинций Ирака позволил ИГИЛ стать самой богатой террористической группировкой в мире.

Международные обозреватели ИТАР-ТАСС отмечают, что «Лишь 5% ее бюджета, по оценке экспертов RAND Corp., составляют внешние пожертвования, остальные средства получаются от управления территориями, сбора дани, продажи нефти, контрабанды. Даже истребляемое "лишнее" население стало источником дохода ИГИЛ: на возникших невольничьих рынках оно продавалось в рабство.

С такой ИГИЛ США было явно не по пути. Не для того все затевалось, чтобы позволить вывести настолько важный регион в упорядоченное состояние»⁷².

⁷¹ Почему США не могут победить "Исламское государство": <http://itar-tass.com/opinions/2272> - 2 октября, 18:00

⁷² Почему США не могут победить "Исламское государство": <http://itar-tass.com/opinions/2272>.

Кроме того, нынешняя администрация США, резко остудив отношения с Саудовской Аравией, получила врага в лице значительной и очень влиятельной части династии Аль Саудов, которая, приветствует создание радикального государственного образования на своих рубежах, рассчитывая на него не только как на фактор борьбы с региональным противником Саудовской Аравии Ираном, но и в дальнейшем – серьезным противником интересов США в регионе.

Основу террористической группировки «Исламское государство» составляют боевики, сражавшиеся с американскими войсками в период их пребывания в Ираке, и с силами правительства Б. Асада в Сирии. К концу августа 2014 года, по оценкам ЦРУ, численность иностранных наемников достигла 31,5 тыс. человек⁷³. На стороне ИГ воюют моджахеды из 80 стран, в том числе Франции, Великобритании, Германии, Марокко, Саудовской Аравии, США, Канады, России, Кыргызстана, Грузии и др. По официальным данным руководства ИГИЛ численность Вооруженных сил составляет 200 тыс. человек.

Исследователь Института Востоковедения РАН Б.В. Долгов пишет: «Руководство ИГ обратилось с призывом «ко всем мусульманам поддержать исламское государство и встать на его защиту». Вероятно, данный призыв был в какой-то степени воспринят, так как в рядах ИГ в настоящее время воюет значительное количество иностранных наемников из арабо-мусульманского мира, стран Европейского союза (ЕС), США, мусульманских регионов России, а также мусульман-уйгуров из Китая. Озабоченность в связи с ростом числа граждан ЕС, участвующих в действиях радикальных исламистских группировок, и угрозой общественной безопасности, которая может возникнуть в случае их возвращения в Европу, высказывают руководители государств-членов ЕС. Так, Дэвид Кэмерон, премьер-министр Англии, в сентябре 2014 года внес в парламент законопроект, который запрещает въезд в Англию ее гражданам, воевавшим в

⁷³ Почему США не могут победить "Исламское государство": <http://itar-tass.com/opinions/2272>.

составе экстремистских вооруженных группировок. Согласно официальным французским источникам, в вооруженных исламистских группировках в Сирии и Ираке действует около 700 мусульман – граждан Франции, по информации английской прессы – до 800 граждан Англии, по российским официальным данным – более 400 выходцев из РФ. В связи с этим необходимо отметить, что лидеры «исламского государства» в Ираке выступали с угрозами продвижения «джихада» в Россию с целью создания «исламского государства» на территориях юга России и Северного Кавказа»⁷⁴. К этому стоит добавить цифры, озвученные официальными представителями ФСБ России осенью 2015 года. Так, по словам заместителя главы ФСБ России С. Смирнова, «около 2,5 тысяч граждан России сотрудничают с террористической организацией ИГИЛ и непосредственно сражаются в ее рядах».

8 августа 2014 года США нанесли первые удары с воздуха по позициям боевиков ИГ на территории Ирака. Начиная с 23 сентября 2014 года, ВВС США наносят удары по позициям террористических организаций «Исламское государство» и «Джебхат ан-Нусра» в Сирии. В сентябре 2014 года США приступили к созданию международной коалиции по борьбе с террористами ИГ. На октябрь 2014 года к международной коалиции присоединились около 50 стран, в том числе Австралия, Великобритания, Германия, Дания, Египет, Иордания, Ирак, Италия, Канада, Катар, Ливан, ОАЭ, Польша, Саудовская Аравия, Турция и Франция.

Бомбовые удары по позициям ИГ в Ираке и Сирии наносят США. В воздушных атаках принимают участие ВВС Саудовской Аравии, ОАЭ, Иордании, Бахрейна и Катара. Удары по позициям ИГ на севере Ирака наносят ВВС Великобритании, Франции и Австралии. Турция ведет обстрел позиций боевиков ИГ на севере Сирии. Германия направила на север Ирака своих военных советников, а также военную амуницию. Финансовую помощь Ираку и умеренной

⁷⁴ Долгов Б.В. «Исламское государство» в Ираке. – <http://www.ivran.ru/component/content/article/3-vostokpages/759-dolgov-isis29092014>.

сирийской оппозиции оказывают США и Саудовская Аравия. Эти две страны также оказывают содействие в подготовке военнослужащих иракской армии и бойцов сирийской оппозиции, которая на данном этапе воюет как против ИГ, так и против правительства Б. Асада.

Регулярные вооруженные силы Ирака и Сирии проводят наземные и воздушные операции против ИГ. Военно-техническое содействие им оказывает Иран.

15 августа 2014 года ООН присвоила продолжающемуся в Ираке конфликту третий – наивысший – уровень угрозы возникновения гуманитарной катастрофы. По данным ООН, в январе-августе 2014 года в Ираке были убиты или покалечены до 700 детей, в том числе в результате казней, широко практикуемых боевиками группировки ИГ. По данным ООН, война в Ираке затронула свыше 20 млн. человек, до 1,8 млн стали беженцами. За январь-сентябрь 2014 года в Ираке погибли более 9 тыс. человек.

На ИГИЛ распространяются международные санкции в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН 1267 (1999 года) и 1989 (2011 года), принятыми против «Аль-Каиды» и связанных с ней организаций.

15 августа 2014 года СБ ООН единогласно принял резолюцию 2170, предусматривающую введение санкций против шести лидеров, действующих в Ираке и Сирии группировок «Исламское государство» (ИГ) и «Джебхат ан-Нусра», которые участвуют в финансировании, планировании, содействии, подготовке или совершении террористических актов. СБ ООН потребовал от ИГ и «Джебхат ан-Нусры» «немедленно прекратить все насилие и террористические акты, сложить оружие и расформироваться». Кроме того, резолюция требует от государств «предотвращать прямую или косвенную поставку, продажу или передачу ИГ и «Джебхат ан-Нусре» и связанным с ними группам вооружений, боеприпасов, транспортных средств, снаряжения и оборудования.

В настоящее время появилась реальная угроза «расползания» ИГ за пределы Ирака и Сирии. Деятельность террористов группи-

ровки уже отмечена не только в странах Ближнего Востока и Северной Африки, но также Центральной и Южной Азии, ряде стран Европы, Японии и даже на постсоветском пространстве.

В ответ на бомбардировки позиций ИГ в Ираке и Сирии террористы «Исламского государства» требуют за выдачу находящихся в руках исламистов заложников – граждан США и Европы прекратить нанесение ударов. Ввиду продолжения бомбардировок, моджахеды казнят заложников и выкладывают видеозапись казни в интернет⁷⁵.

Сейчас уже очевидно, что стратегия международной коалиции во главе с США по борьбе с «исламским государством» является неэффективной, авиаудары по позициям боевиков не приводят к ослаблению позиций ИГИЛ, которое контролирует значительную часть территории Сирии и Ирака. Ввиду этого проблематичным становится возобновление переговорного процесса по вопросу урегулирования сирийского кризиса. К этому стоит добавить, что в Сирии на фоне непрекращающегося вооруженного насилия 3 июня 2014 года состоялись первые в истории страны выборы президента на альтернативной основе. Убедительную победу на них одержал действующий глава государства – Б. Асад, за которого проголосовало 89% избирателей.

Как отмечает эксперт М. Сапронова, «непростая ситуация в Сирии и Ираке существенно осложняется тем, что на части терри-

⁷⁵ На 9 октября 2014 года было казнено уже 5 заложников: Джеймс Фоули, американский журналист, пропал на северо-западе Сирии 22 ноября 2012 года, казнен ИГ 19 августа 2014 года Стивен Сотлофф, журналист американского журнала Time, был захвачен в заложники в августе 2013 года в Ливии, 2 сентября 2014 года казнен. Дэвид Хэйнс, сотрудник гуманитарной организации (Великобритания), был похищен в 2013 года в Сирии, видеозапись казни боевики ИГ распространили 14 сентября 2014 года Эрве Гурдель, журналист и альпинист (Франция), захвачен в Алжире, казнен 24 сентября 2014 года группировкой "Джунд аль-Халифа", присоединившейся к ИГ. Алан Хеннинг (Великобритания), таксист, доставлявший гуманитарную помощь в Сирию, где был похищен в декабре 2013 года 4 октября 2014 года ИГ распространило в интернете видеозапись его казни.

В заложниках у ИГ остаются: Питер Кэссинг (США). Данных о дате захвата нет. Джон Кантли, журналист, бывший военный фотограф и корреспондент газет The Sunday Times, The Sun и The Sunday Telegraph (Великобритания), захвачен в Сирии в 2012 году Ванесса Марзулло и Грета Рамелли (Италия), захвачены в августе 2014 года в Сирии, где находились с гуманитарными целями.

тории этих государств в 2014 году в результате полномасштабного наступления исламских боевиков появилось новое образование («квазигосударство», т.н. «халифат») – «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), объединившее более десятка различных исламистских группировок. В Сирии ИГИЛ действует в союзе с некоторыми группировками сирийской оппозиции, а в Ираке представляет вооруженную оппозицию шиитским властям. Целью ИГИЛ, построенного на принципах шариата, является ликвидация границ, установленных после Первой мировой войны в результате раздела Османской империи, и создание суннитского государства на Ближнем Востоке. ИГИЛ ведет активную экстремистскую деятельность, на ее счету множество терактов на территории Ирака и Сирии, все это создает новые угрозы для региональной и международной безопасности»⁷⁶.

В декабре 2014 года Национальный антитеррористический комитет Российской Федерации сообщил, что в «горячих» точках мира, в том числе в зоне ИГ, воюет от 850 до 1500 российских граждан»⁷⁷. По словам первого заместителя НАК Евгения Ильина, в России принимаются меры по выявлению прошедших горячие точки боевиков, возвращающихся на родину. «Есть масса судебных решений на этот счет. Буквально каждую неделю мы имеем по одному уголовному делу по возвращенцам из горячих точек», – сказал он на пресс-конференции»⁷⁸. Верховный суд России признал две международные организации – «Исламское государство» и «Джебхат ан-Нусра» – террористическими. Их работа на территории нашей страны запрещена.

Продолжая анализ двойной политики США и европейских стран в отношении «исламских» экстремистских организаций необ-

⁷⁶ Сапронова М. Арабский Восток: итоги политической трансформации <http://www.mgimo.ru/news/experts/document263651.phtml>

⁷⁷ Как видим цифры сильно разнятся – 400 человек у Б.В. Долгова, до 1500 человек – у Е. Ильина, около 2500 человек – у С. Смирнова. Однако дело не в цифрах, которые будут меняться и впредь, а в мерах, предпринимаемых государством. – Прим. автора.

⁷⁸ Цит. по : Мурадов М. Несостоявшегося нефтяника будут судить как сирийского боевика. Коммерсантъ, 17 сентября 2014, № 229. С.6.

ходимо отметить террористическую вылазку представителей этих самых организаций в отношении французского журнала «Шарли Эбдо» (январь 2015 года), когда погибли люди. Не секрет, что долгие годы выпуски этого «талантливового» коллектива были наполнены порнографией и хамством, подрывающими религиозные ценности верующих и, заметьте – не только мусульман. Сегодня западная либеральная демократия называет это свободой и цинично причисляет все эту наглость к европейским ценностям⁷⁹.

По этому поводу исследователь Алла Ярошинская отмечает: «Кажется, во всей Франции нашелся всего лишь один умный и мужественный человек – герцог Анжуйский, который не побоялся на фоне всеобщего помрачения подобными «ценностями» сказать о них правду. «Я пойду, – заявил герцог Анжуйский, – против эмоционального течения и отделю себя от движения «Я Шарли». Нет, я не «Шарли»... Charlie Hebdo является обычной бумажкой, презирающей любое мнение, кроме своего собственного, которая под прикрытием свободы выражения мнений позволяет всем совершать провокационные действия. Charlie Hebdo является агрессивной газетой, которая создает ненависть между религиями через якобы юмор. Charlie Hebdo является образом европейского атеистического общества, создающим обиду и врагов вместо уважения и братства между народами и людьми, независимо от их различий, расы, цвета кожи, религии. Так что я отказываюсь принимать участие в «республиканском священном союзе» про Шарли, потому что я просто не понимаю, что я должен защищать». При этом герцог заверил: «Я не проявляю неуважения или непочтительности и не хочу обижать память погибших рисовальщиков. Нет слов, чтобы высказать ужас нападения, произошедшего на редакцию газеты. Я осуждаю

⁷⁹ Французские граждане Саид и Шериф Куаши до этого с одобрения французского правительства воевавшие против Б. Асада в Сирии, напали на журналистов Charlie Hebdo 7 января 2015 года, убив 10 сотрудников издания и двух полицейских. Кроме того, были ранены 11 человек. 9 января они захватили типографию в 60 километрах от Парижа и были ликвидированы. Свои преступления они назвали мстью за публикацию журналом карикатур на пророка Мухаммада.

этот варварский акт и выражаю свои глубочайшие соболезнования родным и близким покойных. Я осуждаю эту попытку национального единства и лицемерие граждан, которые никогда не читали эту юмористическую еженедельную газету. Почтить память жертв, да»⁸⁰.

Примеры двуличности и цинизма западных политиков наглядно проявились в последнее время в ситуации вокруг Сирии и Украины⁸¹. Вот что по этому поводу пишет Б.В. Долгов: «Вооруженный переворот и антиконституционный захват власти на Украине, совершенный в конце февраля 2014 года «активистами майдана», стал результатом применения технологии «мягкой» силы в стране, с которой Россию связывают тесные культурные, экономические и исторические связи. Такие действия были уже опробованы США и ЕС в Югославии, Ливии и вот уже три года их пытаются реализовать в Сирии. В этих технологиях наряду с пропагандой «европейских ценностей» и вхождения в ЕС, как это осуществлялось на Украине, важной частью являлась поддержка и финансирование оппозиционных групп и их лидеров, способных организовать «народный протест». Им оказывалась активная информационно-пропагандистская поддержка со стороны СМИ, в которых усиленно использовался фактор социально-экономического кризиса и коррупции властей на Украине. Захват правительственных и административных зданий в Киеве осуществлялся, как подтверждали на пресс-конференции в РИА Новости в Москве 6.03.2014 г. члены украинских организаций, противостоящих киевскому «майдану», боевиками, подготовленными инструкторами ЦРУ и спецслужбами ЕС на их секретных базах в Польше и странах Балтии. Значительная часть боевиков была представлена жителями Западной Украины и иностранными наемниками из Польши, Грузии, стран ЕС, а также исламистами, ранее воевавшими в Сирии и Ливии.

⁸⁰ Подробнее: Ярошинская А. Я не Шарли Эбдо <http://www.rosbalt.ru/blogs/2015/01/15/1356954.html>

⁸¹ Подробно об этом см.: Иванов С.М. События на Украине и в Сирии – яркий пример политики "двойных стандартов" США // NB: Международные отношения. 2015. № 1. С.153–158. http://e-notabene.ru/wi/article_12673.html.

Их документы были изъяты во время столкновений боевиков с правоохранительными органами в Киеве. Использование снайперов, нанятых лидерами «майдана», что подтвердил телефонный разговор главы дипломатии ЕС Кэтрин Эштон с находившимся в Киеве дипломатом из Эстонии, также является технологией, применявшейся в Ливии и Сирии. Таким образом, «мягкая» сила с элементами жесткой успешно осуществлялась США и ЕС на Украине»⁸².

На всех международных форумах, включая Совет Безопасности ООН, представители США и их западных союзников гневно клеймят режим Башара Асада за то, что он якобы применяет чрезмерную силу в борьбе с вооруженной оппозицией и требуют ограничительных санкций против Дамаска. При этом умалчивается, что боевики так называемой Свободной сирийской армии (ССА) и другие радикальные исламистские группировки прошли военную подготовку и были вооружены с помощью западных спецслужб и их региональных союзников (Саудовская Аравия, Катар, Иордания, Турция). На вооружении боевиков оказались переносные противотанковые и зенитно-ракетные комплексы, системы залпового огня. Как отмечалось выше, недавно переизбранный подавляющим большинством населения на очередной срок президент Башар Асад почему-то считается на Западе нелегитимным руководителем, а разношерстная вооруженная оппозиция, включая иностранных наемников и членов известных террористических организаций, признается «борцами за свободу и демократию в Сирии».⁸³

Чтобы не быть голословным в отношении того, что США и их европейские партнеры «заигрывают» с террористами, следует ознакомиться со статьей Халафа Ахмад аль-Хабтура (Флирт Запада с террористами – это плохая шутка) – известного предпринимателя и политического аналитика из Саудовской Аравии, в которой он прямо призывает арабов «взглянуть правде в глаза и усомниться в искрен-

⁸² Долгов Б.В. Мягкая и жесткая сила США и ЕС на Арабском Востоке и в Украине. <http://www.ivran.ru/component/content/article/3-vostokpages/759-dolgov-isis29092014>

⁸³ Петренко А.И. Сирийский гамбит // Международные отношения. 2013. №1. С. 92-95.

ности и честности западных держав в том, что касается выполнения их обещаний об уничтожении «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ) и освобождении региона от террористов»⁸⁴.

В.В. Попов, анализируя указанную статью отмечает, что «по мнению аль-Хабтура, скорее всего идет закулисная игра между США, Ираном и Сирией для того, чтобы перекрыть этот регион и серьезно подорвать позиции суннитских государств. В качестве подтверждения он приводит факт официального запроса Великобритании Объединенным Арабским Эмиратам с просьбой объяснить, почему некоторые исламистские группировки, базирующиеся в Лондоне, появились в недавно опубликованном черном списке террористических организаций, составленном ОАЭ. Словно британское правительство является их адвокатом и печется о защите их интересов. В течение многих лет Запад призывал мусульманские страны выступить против терроризма, а когда их правительства начали предпринимать активные шаги в этом направлении, в их адрес из западных столиц посыпались странные вопросы. Аль-Хабтур считает, что Соединенные Штаты и другие члены НАТО «явно не замечают» роли Турции, где многие боевики лечатся в турецких госпиталях якобы «по гуманитарным соображениям». Непонятно, – задается вопросом автор статьи, – почему Вашингтон, Лондон, Париж и НАТО в целом не заставляют Турцию отчитаться за предоставление услуг диким экстремистам, которые угрожают всему региону? Они, не колеблясь, ввели санкции против России из-за ее позиции по Украине, а воинственно настроенная Турция, которая открыто сотрудничает с «Братьями-мусульманами» и их экстремистскими филиалами, выходит сухой из воды»⁸⁵.

На наш взгляд, вызывает сомнение посыл Халафа Ахмад аль-Хабтура о «сговоре США с Сирией и Ираном», но автор прав, утверждая, что «Запад явно теряет доверие со стороны арабов». В за-

⁸⁴ Попов В.В. Арабы не доверяют Западу. http://www.ng.ru/ideas/2014-11-28/5_araby.html

⁸⁵ Попов В.В. Указ. соч.

ключение Халаф Ахмад аль-Хабтур приходит к выводу о том, что арабы в состоянии собственными силами справиться с опасностями, которые несут прямую угрозу самому их существованию, и должны действовать самостоятельно, не дожидаясь «зеленого света» со стороны Запада. Он призывает правительства стран – лидеров региона признать существующую реальность и расстаться с иллюзиями в отношении планов Запада. Тем более что на базе ИГИЛ формируется своего рода «террористический интернационал», который приобретает уже не региональное, а международное измерение, «затмив» даже «Аль-Каиду»⁸⁶.

В этих условиях все больше арабов обращаются к России, чья позиция в отношении террористов логична, абсолютно прозрачна и неизменно основывается на том, чтобы контртеррористические усилия выстраивались в четком соответствии с международно-правовыми нормами. «По нашей оценке, – подчеркнул в одном из недавних интервью спецпредставитель Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки, заместитель министра иностранных дел России Михаил Богданов, – действия коалиции, созданной США для борьбы с группировкой «Исламское государство» (ИГ), не соответствуют международному праву и общепризнанной практике антитеррористического противодействия. Это может вызвать сомнение в конечных целях, которые преследуются. Кроме того, очевидно, что одних только ударов с воздуха, причем не очень интенсивных, для победы над террористами из ИГ и «Джебхат ан-Нусры» недостаточно»⁸⁷.

Следует отметить, что в последнее время нарастание антиамериканских настроений становится характерным аспектом стран арабского Запада и Востока. И это неудивительно, поскольку политика двойных стандартов американской администрации подвергается все большей критике даже в самих США, о чем свидетельствует недавняя отставка министра обороны Чака Хейгела, который

⁸⁶ Попов В.В. Указ. соч.

⁸⁷ <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2273258&tid=107576>

не смог согласиться с двусмысленной линией президента Обамы в отношении Сирии и Ирака.

Об антиамериканских настроениях свидетельствует деятельность Исламского государства и подконтрольного боевикам движения «Киберхалифат», которое неоднократно взламывал Twitter центрального командования армии США.

«В плену у Киберхалифата (так представились хакеры) Twitter центрального командования США (оно руководит операциями в Сирии и Ираке) находился 40 минут. На «шапке» поменялось изображение. Там возник боевик с закрытым лицом, а в подзаголовке и запись: «Мы любим Исламское государство». Под ней – несколько угроз. Например, такая: «Американские солдаты, мы идем, поосторожней! Мы не остановимся. Мы знаем все о ваших женах и детях».

В качестве доказательств серьезности своих угроз, исламисты выложили в сеть файлы с телефонами и адресами электронной почты американских военнослужащих. Сделали хакеры вид, что добрались и до секретных материалов Пентагона. Досталось и YouTube центрального командования. Два ролика, иллюстрирующие теракты, которые совершают исламисты, провисели почти час там, где обычно висит видео, прославляющее морпехов»⁸⁸.

Характеризуя природу появления современных религиозно-политических, националистических и иных радикально ориентированных организаций, следует обратиться к технологиям, разработанным США и принятым на вооружение странами ЕС. Речь идет, прежде всего, о технологии «мягкой» и «жесткой» силы. Конечно же, эти технологии не являются чем-то новым во внешнеполитической деятельности стран, о чем свидетельствуют, например, разработанные Конфуцием в VI в. до н. э. так называемые «мирные методы завоевания соседних государств».

Термин «мягкая сила» в современном его понятии впервые ввел в политологический лексикон профессор Гарвардского уни-

⁸⁸ <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2273258&tid=107576>

верситета США Джозеф Най в 1990 году и затем развил его в своей книге «Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике»⁸⁹.

«Мягкая» сила (Soft Power), как форма политического воздействия, подразумевает способность контролировать и направлять поведение активной части общества и добиваться желаемых результатов на основе добровольных действий граждан, в отличие от «жесткой» силы, которая предполагает принуждение и силовое вмешательство.

Б.В. Долгов, исследуя способы и формы использования США указанных технологий при строительстве «демократических обществ», отмечает: «В настоящее время разработан целый комплекс механизмов воздействия и способов внешнего вмешательства, ориентированных на использование в странах, являющихся потенциальными объектами применения «мягкой» силы. В этот комплекс наряду с пропагандой таких политических ценностей и институтов, как демократические выборы, многопартийность, соблюдение прав и свобод человека, в т. ч. сексуальных меньшинств, входят информационные, коммуникационные и морально-психологические методы воздействия, которые зачастую применяются с нарушением норм международного права. Конкретными целями использования «мягкой» силы может быть смена государственного руководства, качественное изменение внутри- или внешнеполитического курса государства, его полная или частичная дезинтеграция, установление над страной внешнего контроля. Важным элементом является формирование внутри страны, против которой используется «мягкая» сила, групп «активистов» и «лидеров», способных организовать «протестные акции» для оказания политического и морально-психологического давления на власть. Для этого создается сеть неправительственных и некоммерческих организаций (НПО, НКО), официально провозглашающих своей целью гуманитарную и пра-

⁸⁹ Nye Josephs. Soft Power: The Means to Success in World Politics. 2004, p. X.

возащитную деятельность. Извне им предоставляется необходимое финансовое обеспечение, а также оказывается информационно-пропагандистская поддержка со стороны СМИ, специализированных Интернет-сайтов, социальных сетей и блогосферы.

Тем не менее, очевидно, что нельзя все протестные акции в тех или иных странах объяснять только действиями извне «мягкой» силы. Точно так же неправомерно оценивать деятельность всех неправительственных и правозащитных организаций, безусловно, являющихся частью гражданского общества, как инспирированную иностранной «мягкой» силой. В данном случае речь идет о тех организациях, которые финансируются из-за рубежа и, соответственно, являются элементом внешней «мягкой» силы. Однако в тех государствах, где существуют внутренние социально-экономические и политические проблемы, межнациональные и межконфессиональные конфликты, «мягкая» сила может быть задействована с наибольшим эффектом⁹⁰. Ее использование направлено в первую очередь на разжигание этих конфликтов. Причем применение «мягкой» силы предполагает в качестве «локомотива» провоцируемых ею «протестных движений» использование наиболее мобильных и социально незащищенных слоев, как правило, молодежи и определенных групп населения, по каким-либо причинам наиболее оппозиционным властям»⁹¹.

Примеры последних лет, в том числе в отношении России, подтверждают, что «мягкая» сила может использоваться в комбинации с элементами «жесткой» силы, предполагающими наложение экономических санкций, «замораживание» зарубежных авуаров, включение неугодных руководителей государств в «черные списки» и прямое военное вмешательство в форме «гуманитарных интервенций». Использование «мягкой» силы – так же, как и «жесткой» или их сочетания – происходит, как правило, под предлогом

⁹⁰ В качестве примера вспомним «оранжевые», «революции роз» и т.д. события в Кыргызстане, Грузии, Украине, Ливии, Египте, Ираке, Тунисе, Сирии и других странах мира.

⁹¹ Цит. по: Долгов Б.В. Указ. соч.

защиты «мирных протестов сторонников демократизации», соблюдения прав человека, урегулирования конфликтных ситуаций и продвижения демократии.

Для формулировки выводов обратимся к названию данного параграфа, который звучит так – Современные радикальные религиозно-политические организации в исламе: акторы, цели, перспективы. Кто же выступает в качестве основных политических субъектов, создающих неуправляемое политическое пространство на огромных территориях, представляющих суверенные государства с многомиллионным населением?

В нашем примере – это США. Именно этому государству выгодно уничтожить экономически развитые страны (Ливия, Ирак, Тунис, Египет, Сирия) мусульманского мира, под видом демократических свобод посеять хаос и разруху, ликвидировать институты государственной власти и ввергнуть их народы в постоянные войны друг с другом.

США понимают, что роль и место Саудовской Аравии и ее союзников утрачивает свои позиции по многим причинам, поэтому необходимы новые союзники, с помощью которых можно будет регулировать не только мировой нефтяной рынок, но и политические процессы в странах с мусульманским населением.

Именно поэтому появляются планы раздела суверенных государств Ближнего Востока и Персидского залива, от которых заволновались ближайшие союзники (КСА – прим. автора). Именно поэтому вначале к власти в Ираке приводится шиитское правительство, которое с подачи США и их союзников нарушает все мыслимые и немыслимые нормы и законы в отношении суннитского населения. Именно в тот период, когда иракские курды фактически провозгласили свою независимость и появляется организованная сила, сумевшая сплотить вокруг себя всех обиженных, недовольных, фанатиков и идеалистов под лозунгами создания Исламского государства, провозгласившего целью создание Халифата по образцу 4-х праведных халифов.

Следует констатировать факт создания такого государства с системой управления (начиная от Халифа, который ведет свою родословную от Пророка Мухаммада, заканчивая управленцами на местах – губерния, город, село и т.д.), вооруженными силами, подготовленными военными кадрами (не стоит забывать, что в Ираке при Саддаме Хусейне была хорошо подготовленная многочисленная армия), своими законами, финансами (под контролем у ИГ огромные территории с нефтью, которые они продают контрабандным путем – кстати, это один из факторов снижения мировых цен на нефть, который пока устраивает США).

Следующий аспект касается перспектив развития обстановки. США и их союзники будут продолжать «воевать» с ИГ избирательно. Во-первых, они позволят Исламскому государству активизировать деятельность против Саудовской Аравии, что в дальнейшем позволит разделить это государство на две части (смотри выше карту Ральфа Петерса). Для чего? «Старый» друг исчерпал себя, да и «потерял лицо» в исламском мире, пора создавать нового. Во-вторых, США и их союзники будут всячески помогать курдам, которым они обещают создать суверенное государство на землях Ирака (фактически существует), Сирии (идет война) и Турции (фактически втянута в конфликт с Сирией). Именно курды, создав государство, вынуждены будут выполнять роль союзника США, что, конечно же, позволит ей контролировать не только нефтяные скважины, но и основные нефтепроводы и морские порты. В-третьих, как говорилось выше, будет создано шиитское государство на арабских территориях, которое выступит противовесом суннитским государствам (прежде всего ИГ). В-четвертых, силы ИГ в дальнейшем могут быть использованы против Ирана, России и стран Центральной Азии.

Так, в январе 2015 года ряд экспертов заявили, что руководство ИГ приняло решение выделить около 70 миллионов долларов на дестабилизацию обстановки в Ферганской долине (территория сопредельных областей Узбекистана и Киргизии) с помощью боевиков – выходцев из Центральной Азии. Кому выгодна дестабилизация об-

становки в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР) после вывода войск США из Афганистана, гадать не приходится. «Задержанные граждане Узбекистана прошли военную подготовку в Пакистане в 2013 году и затем в 2014 году вернулись в Узбекистан для привлечения молодежи в ряды ИГ», отметили в СНБ Узбекистана. По данным СНБ, теракты в Узбекистане готовились непосредственно в преддверии выборов президента этой страны, назначенных на 29 марта»⁹².

По данным неправительственной организации The International Crisis Group (ICG, Международная кризисная группа), в боевых действиях на стороне ИГ принимает участие до четырех тысяч граждан из стран Центральной Азии⁹³.

Подтверждением предстоящих активных событий в ЦАР является скопление большого числа вооруженных отрядов на таджикско-афганском участке. В 2014 году таджикские военные зафиксировали более 100 нарушений режима охраны таджикско-афганской границы, в том числе с использованием оружия. Только за январь 2015 года таджикские пограничники пресекли четыре попытки вооруженного прорыва границы. Свои опасения по поводу ситуации на таджикско-афганской границе высказал министр внутренних дел Таджикистана Рамазон Рахимзода, сообщив, что отряды боевиков, сконцентрировавшиеся на афганской стороне границы, являются подразделениями «Талибана» и Исламского движения Узбекистана⁹⁴.

К этому стоит добавить, что общая протяженность таджикско-афганской границы составляет 1344 километра. «Этот участок охраняют 16 тысяч пограничников – почти в два раза меньше, чем использовал СССР в 1980-е годы. По сравнению с теми временами и периодом с 1992 по 2005 годы, когда в Таджикистане находились российские пограничники, заметно и другое качественное отличие – у таджикских пограничников нет авиационной поддержки и не хватает современных инженерных систем охраны границы. Подсчита-

⁹² Служба безопасности: ИГ планировала весной теракты в Узбекистане. <http://ria.ru/world/20150203/1045616965.html#ixzz3QheG0YV5>

⁹³ Там же.

⁹⁴ Таджикско-афганская граница: к чему готовится Душанбе. <http://www.dw.>

но, что обустройство таджикско-афганской границы потребует не менее 45 миллионов долларов»⁹⁵.

Осознавая опасности, риски и угрозы в ЦАР на декабрьской 2014 году сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ было принято Заявление, в котором отмечалось: «Формируется глобальная опасность создания террористического плацдарма, основы которого закладываются на Ближнем Востоке, где активно действуют такие выросшие из структур «Аль-Каиды» группировки, как «Исламское государство» и «Джабхат ан-Нусра». Вызывает также обеспокоенность угроза распространения религиозного экстремизма с территории Афганистана в государства – члены ОДКБ....

Мы, главы государств – членов ОДКБ, приветствуем завершение процесса президентских выборов и предпринимаемые шаги по достижению национального единства в Исламской Республике Афганистан и выражаем готовность оказывать всемерное содействие становлению ИРА как независимой, мирной, нейтральной страны, свободной от терроризма и наркопреступности. Вместе с тем, сохраняем озабоченность в связи с использованием территории Афганистана террористическими и экстремистскими группами для дестабилизации ситуации на границе зоны ответственности ОДКБ...»⁹⁶.

На фоне антигуманной деятельности представителей «Исламского государства» активнее и навязчиво выступает использование ими «такфира». Отдельные салафиты считают, что они имеют право объявить мусульманина отступником (арабское – «такфир»), безбожником и обречь на смерть, если он не согласен с их идеологией, что сегодня делают убийцы из «Исламского государства». В то же время традиционно мыслящие богословы отвечают им, что наказывать человека будет только Всемогущий в день Страшного суда, если человек нарушил что-то с точки зрения религии.

⁹⁵ Таджикиско-афганская граница: к чему готовится Душанбе. <http://www.dw>.

⁹⁶ Заявление глав государств – членов организации Договора о коллективной безопасности. <http://www.odkb—csto.org/news/>

Как видим, в деятельности ИГ наблюдаются явные параллели с деятельностью так называемых «ваххабитов». В то же время известно, что в исламе присваивать себе право толковать норму так, как считаешь нужным, и навязывать свое толкование другим – неправильно и некорректно. Ислам, хоть и плюралистическая религия, но никто не может, тем более самочинно, присваивать себе право монопольного толкования тех или иных положений Ислама, даже если ты руководитель ИГ⁹⁷.

Итак, что же сегодня несут с собой так называемые «исламские религиозно-политические организации», созданные и вводимые спецорганами США и их европейскими союзниками, прежде всего – Великобританией, Францией и Германией?

Во-первых, большинство действующих так называемых «исламских» организаций не ведают, что действуют не по своему сценарию, а по программе разработанной спецслужбами США или стран Европы. Об этом свидетельствуют многие факты, раскрытые в настоящей работе, кроме того, непрекращающиеся который год насильственные, нечеловеческие зверства, сопровождающиеся массовыми убийствами (тысячи в день!), сжиганием, отрезанием голов и другими жестокостями, совершенными как в отношении мусульман, так и в отношении представителей других культур. Любой мало-мальски разбирающийся в религии человек, скажет, что все это не религия, а деятельность отдельных групп людей, пытающихся достичь отождествления в умах людей понятий «смерть» и «ислам».

Своими действиями (терроризм, экстремизм, открытые боевые действия, свержения законных правительств, всякого рода «революции» и т.д.) эти организации разрушают цивилизованные общества, системы благополучно функционирующие, развивающиеся. По сценариям западных стран под лозунгами демократии и свободы на смену одним элитам, к власти приходят группы людей, не имеющие,

⁹⁷ Абу-Бакр аль-Багдади является потомком пророка Мухаммеда (?) и с точки зрения исламской традиции может претендовать на должность калифа, то есть светского и духовного лидера мусульман.

как правило, долгосрочных целей и ставящие перед собой задачу быстрого личного обогащения путем коррупции, воровства и разграбления государственных богатств.

Очень часто эти представители в различных вариациях составляют «Братьев-мусульман» или их союзников (организаций, работающих под прикрытием, но по сути являющихся структурой «братьев»), то есть организации, с которой долгие десятилетия очень плотно работают европейские и американские спецслужбы.

Во-вторых, на фоне серьезных шагов отдельных государств (самодостаточных по сути, т.е. имеющих материальные условия жизни общества и развитые материальные отношения, что, в конечном счете, обуславливает качество и уровень общественного бытия) по освобождению от долларовой «яры», США и его союзники не останавливаются не перед чем, включая развязывание войн и смену политических лидеров (пример с М. Каддафи в Ливийской Джамахирии). Боевые действия ИГ на Ближнем Востоке, фактический раскол Ирака, угрозы раскола Сирии, активизация «исламского фактора» под флагом ИГ и Талибана в Центрально-Азиатском регионе, другие примеры свидетельствуют о том, что на лицо «дежавю 9/11» с его сценарием.

В-третьих, на фоне кризиса экономической политики Европейского Союза и в частности, ведущих европейских стран (Франции, Испании, Италии, Греции), где безработица достигла 30% и наблюдается активизация политических процессов, носящих социалистический и националистический характер, чаще слышны заявления о выходе из ЕС, в Европе нарастают антиисламские настроения. «Исламский вопрос» для западных политиков выступает своего рода «палочкой-выручалкой». Когда необходимо взять под контроль «исламский мир» и устранить нависшую угрозу над «золотым» наркотрафиком из Афганистана – появляется «своя» «Аль-Каида» с «соседем» Буша и происходит зловещий теракт 9 сентября 2001 года, где гибнут мирные люди. Когда наступает экономический кризис, и появляются сепаратистские настроения в Великобритании, Испании,

Нидерландах и других странах Европы, возникает необходимость «сплотиться» против «врага». 7 января 2015 года «братья Куаши» расстреливают редакцию французского сатирического журнала «Charlie Hebdo» и вот он ислам, который угрожает либеральным западным ценностям, которые под видом демократии поощряют высмеивание и глумление над чувствами верующих и не только мусульман. При этом западные идеологи «забывают» самую главную ценность своей цивилизации – ответственность! Не может существовать свобода без ответственности: чем больше свободы предоставлено гражданину или обществу, тем в такой же мере должна возрасти их ответственность. Это социальный закон, если бы он «не работал» на практике, то человечество давно бы погрузилось в анархию и вседозволенность! Впрочем, это мы наблюдаем в некоторых европейских обществах в настоящее время.

В-четвертых, уже несколько лет наблюдается крах европейской политики «мультикультурализма», который сопровождается не только «Парижскими погромами», но и демонстрациями десятков тысяч европейцев, выступающими против исламистов. Многие десятилетия Европой были даны привилегированные возможности жителям своих бывших колоний для получения вида на жительство. Как закономерный итог – во Францию хлынул поток алжирцев и тунисцев, в Великобританию – пакистанцев и бангладешцев, в Италию – ливийцев и сомалийцев, в Голландию – индонезийцев, в Испанию – марроканцев. При этом законодательство в части воссоединения семей позволяло каждому иностранцу, получившему европейское гражданство, перевезти к себе всех своих родственников. В итоге – многомиллионные общины мусульман в европейских странах, живущие в соответствии с политикой «мультикультурализма» по своим законам, обычаям и традициям – это так называемая европейская толерантность.

Собственно, основные претензии европейцев к мусульманам не касаются ислама как такового. Первая претензия – тунеядство, поскольку многие мигранты не желают работать (а теперь уже и не мо-

гут в силу потери элементарных трудовых навыков). Вторая по значимости претензия – пренебрежение местными традициями и культурой. И она не религиозного, а социального толка. В ответ мусульмане обвиняют европейцев в дискриминации при приеме на работу. В Великобритании, например, уровень безработицы пакистанцев и бангладешцев равен 20% (среди остальных эмигрантов – 11%, по стране – 6%); В Германии – 21% (по стране – 8%), во Франции – 22% (по стране – 13%).

Исламовед, профессор Высшей школы экономики Леонид Сюкияйнен заявил: «На мой взгляд, говорить о провале политики мультикультурализма мало оснований. Потому что в действительности такая политика по-настоящему и не проводилась. Другое дело, что требуется немало усилий с обеих сторон. Их недостаточно. Каждая из сторон старается опередить своего оппонента в обвинениях, а не в инициативах. Я бы не стал говорить только об исламофобии. Можно, конечно, и так вопрос ставить. Но это лишь одна из сторон проблемы. Речь идет о проблеме включенности в европейское культурное, общественное пространство мусульман. Насколько они готовы адаптироваться, включаться, воспринимать европейские традиции и образ жизни. Все-таки они, прежде всего, гости. Гость, который приходит в дом к хозяину, всегда должен посмотреть, как живет хозяин, какие порядки у него приняты»⁹⁸.

Волна антиисламских настроений в дальнейшем будет усиливаться с усилением экономического кризиса, что в результате приведет националистов различного толка в авангард политических событий. Вслед за этим будет наблюдаться активизация борьбы в Европе с мигрантами, нелегалами, не европейцами, а в ответ последуют радикальные способы и методы борьбы исламских фундаменталистов, к этому времени прошедших хорошую «обкатку» в Сирии в рядах ИГ и возвратившихся в «родную» Европу «строить» Халифат по сценарию западных спецслужб.

⁹⁸ В Европе растут антиисламские настроения http://ruskline.ru/news_rl/2013/02/02/v_evrope_rastut_antiislamskie_nastroeniya

В-пятых, с активизацией ИГ и других псевдоисламских организаций, возвращенных западными спецслужбами, на Ближнем Востоке нависла опасность не только над мусульманским населением, но и судьбой христианского населения. Ведь что получается? Чем больше спецслужбы США и европейские страны разрабатывают сценарии «арабской весны» и др. планы «демократических» революций во всех уголках мира, тем больше и активнее гибнет местное население. Так, на Ближнем Востоке две тысячи лет находятся четыре древнейшие канонические православные церкви мира – Константинопольская, Иерусалимская, Александрийская, Антиохийская. Есть и последователи других христианских конфессий. Но именно на них обрушились самые страшные испытания, не наблюдаемые со времен Средневековых войн. Вот что по этому поводу говорит Директор Института востоковедения РАН, член-корреспондент Российской академии наук Виталий Наумкин: «За время десятилетнего пребывания в Ираке коалиционных сил во главе с США после свержения режима Саддама Хусейна число христиан, веками живших в этой стране, сократилось с 1,4 миллиона до менее чем 400 тысяч человек! Кто погиб, кто покинул страну... То же самое в Сирии. При этом нельзя забывать, что террористы уничтожают и не согласных с ними мусульман. С появлением «Исламского государства» ситуация ещё больше ухудшилась. Есть опасения, что христиан оттуда могут вообще выдвинуть. Мы должны активнее поднимать голос в их защиту, что энергично делает Русская православная церковь»⁹⁹.

В-шестых, в мире наблюдается «демонизация» ислама, сопровождаемая различными фобиями, принимающих порой «клинический» характер. Конечно же, причины для этого существуют, но они являются результатом активности «политического» ислама¹⁰⁰. Отметим, что политический ислам переживает в современных ус-

⁹⁹ Исламские разломы эпохи глобализации: <http://lgz.ru/article/-40-6482-15-10-2014/islamskie-razlomy-epokhi-globalizatsii/>

¹⁰⁰ Иными словами «протестанского» ислама, созданного спецслужбами США, Великобритании и Франции.

ловиях ренессанс в его уродливой форме крайнего салафизма. Салафиты своей основной задачей считают борьбу за очищение ислама от различных чуждых, с их точки зрения, примесей, основанных на культурных, этнических или каких-то других особенностях различных мусульманских народов.

В то же время история знает множество примеров толерантности и веротерпимости Ислама, что точно выразил в интервью член-корреспондент Российской академии наук Виталий Наумкин: «Действительно, когда-то мусульманская веротерпимость была фантастической. Если мы возьмём Средние века, когда в Европе доминировала Святая инквизиция, когда пытали и сжигали тысячи людей за малейшие подозрения в отступлении от догмы, в мусульманском мире теологи открыто и публично спорили о том, что есть Бог и его атрибуты, сотворён ли мир или нет... Те вопросы, за которые сегодня на территориях, подконтрольных салафитам, забросали бы камнями, а в средневековой Европе расправились бы не менее зверским образом, в те времена открыто обсуждались в мусульманских учебных заведениях и на публичных диспутах. С 1492 года евреи бежали из Испании в Северную Африку, спасаясь от преследований христиан. Там их хорошо принимали, они служили при дворах мусульманских правителей, часто занимая высокие посты, были известными учёными. Даже в наше бурное время потомок этих беженцев Андрэ Азулай много лет является старшим советником короля Марокко – сначала Хасана II, а потом его сына Мухаммада VI. Есть и много других примеров уникальной исламской веротерпимости...»¹⁰¹.

И последнее, сегодня правящая элита США и ЕС с помощью зависимых от финансово-экономических структур Запада международных СМИ ведет беззастенчивую «информационную войну» и пропагандистскую кампанию с целью навязать мировому сообществу необходимую НАТО трактовку политических событий в мире. В противостоянии агрессивным действиям Запада в России при

¹⁰¹ Цит. по: Исламские разломы эпохи глобализации: <http://lgz.ru/article/-40-6482-15-10-2014/islamskie-razlomy-epokhi-globalizatsii/>.

проведении социально-ориентированной внутренней политики необходима дальнейшая консолидация общества на основе традиционных ценностей и подлинно гуманистических идеалов, исторически присущих российской цивилизации, объединившей различные народы и конфессии.

Подводя итоги анализа современных религиозно-политических организаций в исламе, отметим следующее:

1. Спецслужбы США и некоторых европейских стран, обладая достаточно глубокими знаниями об исламе, активно используют их в достижении своих национальных интересов. При этом порой создается искусственный фон, свидетельствующий о «непрофессионализме» в деятельности этих спецслужб. В то же время налицо достижение руководством США и некоторых европейских стран поставленных стратегических целей в «мусульманском мире». Речь идет о создании «совершенного неуправляемого хаоса» в мусульманских регионах, который, при пристальном анализе оказывается достаточно гибкой системой управления с функциональными элементами. К этому стоит добавить, что субъектами управления (акторами), конечно же, выступают указанные спецслужбы.

2. Об эффективности деятельности западных спецслужб в мусульманских странах свидетельствует «внедрение», «вживление» в «плоть» Ислама религиозных доктрин, идеологий, учений, не свойственных его сущности. Речь идет, прежде всего, о политическом исламе (ваххабизме-салафизме), впитавшем в себя протестанский прагматизм XIX – начала XX века с его «революционными» лозунгами о возрождении «первоначального» ислама и борьбой с «неверными». Именно эта деятельность способствовала краху последнего исламского халифата – Османской империи и созданию государства на Аравийском полуострове, являющегося на протяжении десятков лет стратегическим партнером США в мусульманском мире.

Не все мусульмане осознают, что США, имея огромное влияние на руководство КСА, в определенной степени управляют (или добиваются этого) мусульманской уммой.

3. «Генетическая» основа политического ислама такова, что он способен видоизменяться, мутировать, принимать неестественные формы в зависимости от различных условий, факторов и обстоятельств, а главное – от желаний и целей его создателей. Политизация религии далеко не всегда позитивный процесс и это начинают понимать некоторые важные игроки исламского мира, которые осознали реальные угрозы своей безопасности, исходящие от активизации различных экстремистских радикально настроенных «исламских» организаций, порожденных США и их союзниками.

4. Результат «просчетов» спецслужб США – почти всегда вооруженные конфликты, в которых миллионами гибнет мирное население. В этих конфликтах, наряду с созданными европейскими спецслужбами под лозунгами ислама экстремистскими организациями, воюют американские частные военные компании (ЧВК). «В руководство этих компаний, как правило, входят высокопоставленные отставные разведчики. Скажем, директором одного из департаментов скандально знаменитой ЧВК Blackwater был Роберт Ричер – вице-президент службы разведки США до 2007 года. А Кофер Блэк, занимавший должность зампреда Blackwate, ранее служил координатором Госдепа США по борьбе с терроризмом и директором Контртеррористического центра ЦРУ»¹⁰².

5. Современные религиозно-политические организации, действующие от имени Ислама, несомненно, выполняют задуманный сценарий своих хозяев, о чем знают немногие. Так было с «Аль-Каидой», которую, по признанию экс-госсекретаря США Хиллари Клинтон, создали американские спецслужбы для борьбы с СССР в Афганистане, а Белый дом инвестировал в этот проект «триллионы долларов». К этому стоит добавить, что террористическая группировка «Исламское государство» училась делать свои «первые шаги», держась за руку «Аль-Каиды».

США сделали ставку на грубую силу, в том числе, в исламском мире. В результате такого подхода, Штаты создали не просто колос-

¹⁰² Полунин А. Разведка США: операция «Деградация». <http://svpressa.ru/all/article/99496/>

сальный очаг напряженности на Ближнем Востоке, но и невиданные условия для формирования мощных террористических исламских организаций. Эти организации еще долгое время будут нести смерть и хаос на Ближнем Востоке (Ирак, Сирия), атаковать границы суверенных государств (Иран, страны ЦАР и даже КСА), угрожать России, держать в страхе Западную Европу, дестабилизировать социально-политическую ситуацию в мусульманских регионах.

Что касается безопасности России, необходимы дальнейшие серьезные шаги, предпринимаемые государством в противодействии деятельности различных радикальных псевдоисламских группировок. Но самое главное – мы должны и в дальнейшем предельно четко формулировать отношение к событиям, которые происходят на Ближнем Востоке. Не секрет, что россияне, представители Северного Кавказа, Татарстана, Башкортостана и других регионов страны воюют сегодня на стороне оппозиции в Сирии. Они получают соответствующую боевую подготовку, и когда вернутся на родину, могут стать участниками новых конфликтов – но уже на российской территории. В этих условиях важна деятельность не только российских правоохранительных органов, прокуратуры, судов, но и активная гражданская позиция российского мусульманского общества, каждой семьи, джамаата, осуждающая деятельность указанных «преступников», прикрывающихся лозунгами ислама.

СОВРЕМЕННАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА: ДИПЛОМАТИЯ СИЛЫ И/ИЛИ СИЛА ДИПЛОМАТИИ

Винокуров Владимир Иванович,
вице-президент Лиги военных дипломатов,
доктор исторических наук, профессор

Те, кто полагают, что можно провести четкую грань между дипломатией и угрозой применения силы, просто не имеют представления о том, как действует дипломатия.

П. Вулфовиц

Тема военной силы и угрозы ее применения всегда была в центре внимания практиков и ученых. С самого начала истории человечества *homo sapiens* использовал силу в качестве инструмента для достижения политических целей, защиты или приобретения новых территорий. Как подсчитали исследователи, всего люди провели более 14 тысяч различных войн, в которых погибли примерно четыре миллиарда человек. Только в XX веке в военных конфликтах убиты около двухсот миллионов¹⁰³.

В начале XXI века актуальность применения силы в политике и международных отношениях возросла. В последнее время мир стал свидетелем крупных столкновений, связанных с событиями на Украине и вокруг нее, на севере Африки, в Сирии, Ираке и в Афганистане. В настоящее время нет предпосылок к тому, чтобы сложить оружие. Как государства, так и негосударственные акторы продолжают рассматривать использование силы для достижения поставленных целей.

¹⁰³ Блэквилл Р. Озарения сложить оружие нет // ВПК – Военно-промышленный курьер. № 4 (472), 30 января 2013 года.

Не может являться исключением в этом плане и Россия, которая взяла курс на военное усиление. Принимаются и воплощаются в жизнь программы переоснащения и коренного реформирования Вооруженных сил, на совещании Совета Безопасности России 19 декабря 2014 года одобрена новая редакция Военной доктрины страны. Внесенные в документ изменения коснулись в первую очередь появления новых угроз Российской Федерации, которые проявляются в том, что «в борьбе ведущих государств мира за свои интересы типичными стали «непрямые действия», использование протестного потенциала населения, радикальных и экстремистских организаций, частных военных компаний; наращивается наступательный потенциал НАТО непосредственно у российских границ, активно проводятся мероприятия по развертыванию глобальной системы ПРО», – подчеркивается в обновленном варианте доктрины.

И хотя внешняя военная угроза беспрецедентно мала, политика военного усиления Российской Федерации будет продолжена, поскольку вписывается в складывающиеся международные реалии и отвечает внутренней логике развития России. Однако делать это наша страна собирается в сочетании с новыми формами применения силы в международных отношениях. Новая редакция Военной доктрины подчеркивает приверженность России использованию военной силы только после исчерпания возможностей применения мер ненасильственного характера, делая ставку на использование политических, дипломатических, правовых, экономических, экологических, информационных, военных и других инструментов защиты национальных интересов Российской Федерации и интересов ее союзников.

Сила дипломатии

Дипломатия есть искусство обуздывать силу.

Г. Киссинджер

Дипломатическая практика знает различные средства, которыми оперирует внешняя политика любого государства. К ним относятся: политические, экономические, военные, информационно-пропагандистские и культурные средства, совокупность которых составляет внешнеполитический потенциал. Все эти средства условно можно разделить на две большие группы (рис. 1): силовые (дипломатия силы) и несиловые (сила дипломатии). К силовым средствам относят в первую очередь мощь государства и угрозу ее применения, к несиловым – политические, экономические, информационно-пропагандистские, культурные и другие средства.

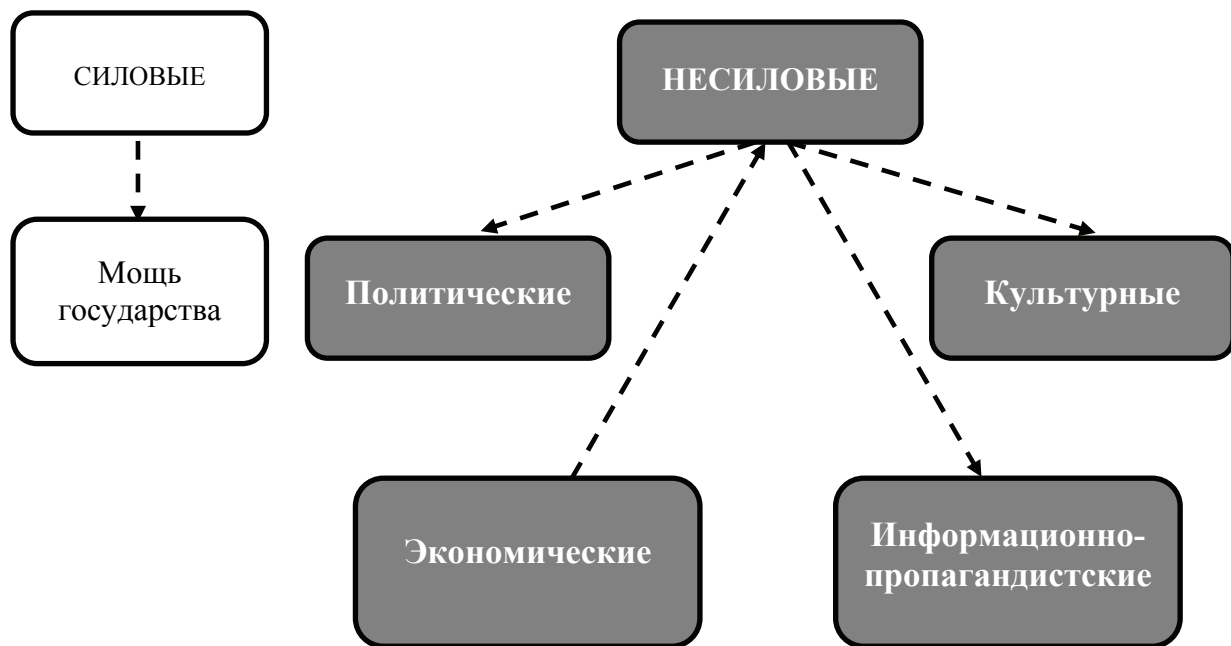

Рис. 1. Классификация средств внешней политики

Среди *политических средств* выделяются в первую очередь дипломатия и разведка (внешняя). Политические средства включают: установление или разрыв дипломатических отношений, визиты и переговоры, международные конгрессы, конференции, совеща-

ния, встречи и сессии международных организаций, заключение международных договоров и соглашений, дипломатическую переписку, усиление или сокращение разведывательных усилий, высылку дипломатов из страны, разрыв дипломатических отношений, прекращение переговоров, ультиматумы и пр.

В зависимости от состояния международных отношений роль политических средств внешней политики может быть различной: они могут доминировать (в условиях сотрудничества) или отодвигаться на второй план после дипломатии силы (в условиях конфликтов).

Важное место в системе средств внешней политики в последние годы занимают *экономические средства*. Это обусловлено ростом экономической интеграции и интернационализации мирового хозяйства, возникновением энергетических проблем и т.д. Экономические средства внешней политики подразумевают использование экономического потенциала государства для достижения внешних политических целей. Действенными экономическими средствами являются санкции, эмбарго, блокада, или наоборот, режим наибольшего благоприятствования в торговле, предоставление инвестиций, кредитов и займов, другой экономической помощи или отказ в ее предоставлении.

Симбиозом военных и экономических средств выступают военно-экономические средства внешней политики, среди которых выделяются торговля оружием, поставки оружия и военной техники другим странам. В своё время бывший госсекретарь США Г. Киссинджер отмечал, что торговля оружием является фундаментальным элементом общей структуры внешней политики Соединенных Штатов. Мировой рынок торговли оружием является четким индикатором стратегической обстановки в мире, поскольку позволяет государствам-экспортерам не только зарабатывать прибыль на продаже, но и существенно влиять на геополитический расклад и военно-политическую обстановку в конкретных регионах.

Информационно-пропагандистские средства внешней политики находят свое выражение во внешнеполитической пропаганде и включают весь арсенал современных средств массовой информации (СМИ), пропаганды и агитации, которые используются для укрепления авторитета государства на международной арене, способствуют обеспечению доверия со стороны союзников и возможных партнёров. К информационно-пропагандистским средствам часто относят также разнообразные формы культурной политики, такие, как открытие культурных центров, организация различных выставок, презентаций и т. д. и т. п.

Несилловые средства внешней политики обладают специфической мощью. Их использование может уберечь государство от непосредственно грозящего нападения, улучшить внешнеполитическое положение, увеличить число союзников и т.д.

Вычленение силовых и несилowych средств до некоторой степени условно, поскольку в реальных международных отношениях грани между ними весьма подвижны. Почти ни один тип внешнеполитического воздействия не осуществим в чистом виде. Результат приносит, как правило, комплексное, совокупное применение различных средств внешней политики. Но, когда речь идет о несилowych средствах, необходимо помнить, что эти средства часто используются на фоне применения военной силы, а иногда и во взаимодействии с ней. Другими словами, применение несилowych средств внешней политики, то есть силы дипломатии, в значительной степени предопределяется эффективностью дипломатии силы.

Как показывает опыт войн последних двух десятилетий, организованных США в Ираке, Югославии, Афганистане и на Украине, все они носят комбинированный характер, при котором военная сила играет роль «последнего аргумента» на завершающей фазе (поэтому эти войны иногда называют гибридными. – *В.В.*). Развертываемые США гибридные войны ведутся с применением так называемой стратегии не прямых действий, представляющей комплексное политико-дипломатическое, экономическое, информационное воздействие

на жертву агрессии. Для этого используется оружие нового технологического уклада: информационно-коммуникационные и когнитивные технологии, которые превращают средства массовой информации в высокоэффективное психотропное оружие массового поражения сознания людей, а дипломатию – в действенное оружие, парализующее политическую волю руководителей противника.

На подготовительном этапе основное внимание уделяется внутренней дестабилизации намеченного для вмешательства региона, для чего используются несиловые средства, нацеленные на дискредитацию государства – жертвы агрессии, деформацию массового сознания и моральное разложение общества. Происходят подкуп и установление контроля над властвующей элитой, влиятельные семьи и перспективная молодежь втягиваются в особые отношения с США и их союзниками по НАТО посредством зарубежных счетов и накоплений, обучения, грантов, приглашений на престижные мероприятия, предоставления гражданства, приобретения имущества.

При этом для оказания влияния на другие государства сегодня недостаточно только таких источников мощи государства, как процветающая экономика и технологическое доминирование, требуется традиционный источник – сильные армия и флот.

Дипломатия силы

Там, где кончается дипломатия, начинается война.

П. Димитракопулос

К силовым средствам относится, прежде всего, мощь государства. Мощь обусловлена экономическими, социально-экономическими и морально-психологическими возможностями государства, непосредственно воплощается в Вооруженных силах, их способности выполнять задачи, поставленные политическим руководством. Наиболее желательный вариант – когда мощь соответствует (адек-

ватна) характеру и перспективам внешнеполитической обстановки, уровню текущей военной опасности и экономическим возможностям государства.

Дипломатия силы наиболее тесно связана с безопасностью государства, поскольку имеет прямое отношение к угрозе применения военной силы (мощи). В годы холодной войны известный американский политолог Р. Осгуд отмечал, что задача дипломатии состоит в том, чтобы использовать насилие или его угрозу с максимальной эффективностью, другой американский политолог Г. Моргентау считал важнейшими политическими средствами убеждение, компромисс и угрозу применения силы.

В плане воздействия на другие государства использование мощи государства возможно в различных *формах*: принятие или отказ от военной доктрины; создание, реформирование или роспуск военно-политических блоков и союзов; рост или сокращение военных расходов; принятие на вооружение новых видов оружия массового уничтожения; увеличение или сокращение численности вооруженных сил и вооружений; увеличение или уменьшение числа и масштабов военных маневров и учений; создание новых или сокращение (ликвидация) существующих военных баз и объектов за рубежом; оказание военной помощи другим государствам; сосредоточение вооруженных сил на границе с другим государством; нарушения воздушного пространства, морских или сухопутных границ и др.

По взглядам американских политологов, при использовании дипломатии силы речь идет о том, чтобы сделать войну все-таки «используемым инструментом внешней политики». В дополнение к «атомной дипломатии» и «дипломатии канонерок» на свет появляется доктрина ограниченной («малой») войны, идея «дозированного» применения военных средств в конфликтах. Война, по мнению политических деятелей США, в ближайшее время будет оставаться допустимым орудием национальной политики государств, составляющих менее крупные подсистемы, то есть в различных регионах.

По их мнению, мощь мировой державы способна оказывать эффективное психологическое влияние на то, как часто будут возникать подобные конфликты и каков их исход.

О «мягкой», «жесткой» и «умной» силах

Предложенная классификация средств внешней политики несколько отличается от классификации, содержащейся в теории о мощи государства американского политолога Дж. Ная. Суть понятия «мощь» (*power*) Най сравнивает с погодой, от которой зависит все, но влияние которой, не всегда поддается рациональному объяснению или математическому исчислению. В целом имеются в виду те инструменты и ресурсы, которые позволяют участникам международных отношений добиваться поставленных целей. Мощь государства Дж. Най разделяет на две крупные составляющие: «жесткую силу» («*hard power*») и «мягкую силу» («*soft power*») ¹⁰⁴ (рис. 2,).

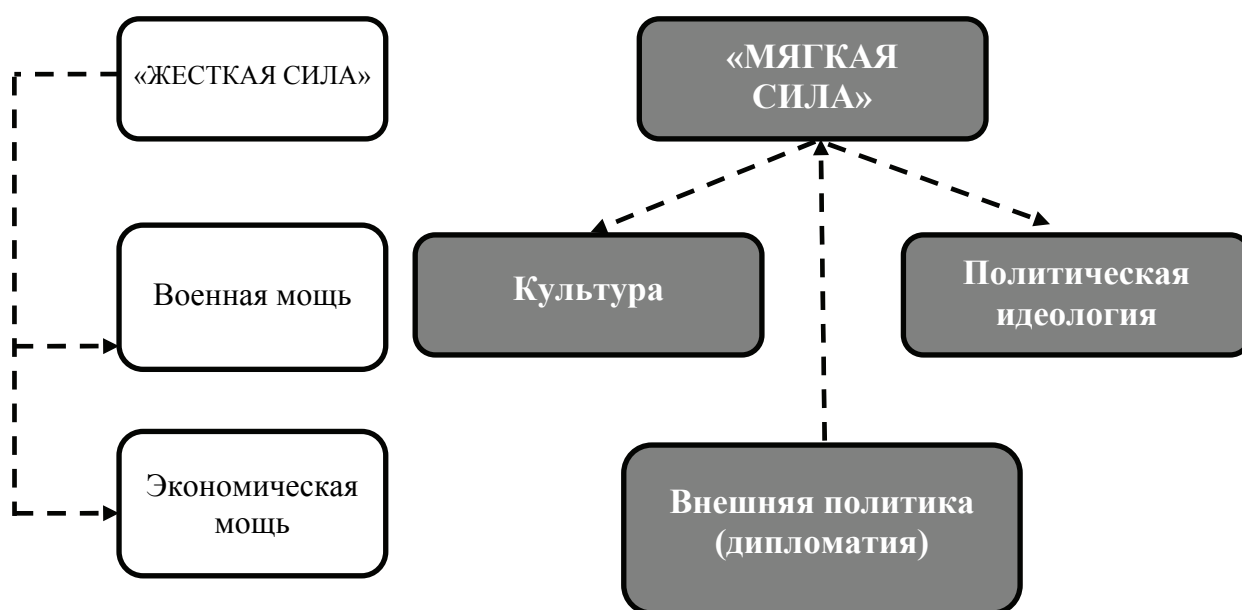

Рис. 2. Характеристика мощи государства (Дж. Най)

При этом к *hard power* государств относятся экономическая и военная мощь. А *soft power* характеризуется тремя основными компонентами: во-первых, культурой (определяемой как набор значи-

¹⁰⁴ Най Дж. "Мягкая сила. Слагаемые успеха в мировой политике". М., 2004.

мых для общества ценностей там, где они популярны, как в случае американской поп-культуры или французской «от кутюр»), во-вторых, политической идеологией, в-третьих, внешней политикой (понимаемой как дипломатией в широком смысле слова). Первые два компонента – исторически сложившееся наследие нации, третий – субъективный фактор, привносимый находящимися в данное время у власти политиками. Параметры последней составляющей *soft power* подвержены значительно большим флуктуациям, нежели первых двух ее компонентов.

«Мягкая сила» – это понуждение других хотеть результатов, которые вы хотели бы получить. Однако это не то же самое, что воздействие или влияние, «мягкая сила» – больше, чем просто убеждение, уговаривание или способность подвигнуть сделать что-либо при помощи аргументов, хотя все это является важными элементами этой силы. «Мягкая сила» – это также способность привлекать, и привлечение часто ведет к взаимопониманию. Проще говоря, в поведенческих понятиях, «мягкая сила» – это «привлекательная сила».

«Жесткая» сила, или «жесткое» могущество, – это способность к принуждению, обусловленная военной и экономической мощью страны. Мягкое могущество возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами. Жесткая сила не теряет ключевого значения в мире, где государства стремятся оградить свою независимость, а внегосударственные группы, такие, как террористические организации, готовы прибегать к насилию. Но мягкая сила обретает все большее значение для сужения круга новых сторонников терроризма, а также для решения вопросов, требующих многостороннего сотрудничества.

Soft power – это не только собственно влияние (*influence*), но и «привлекательность» (*attractive power*). Ресурсами *soft power* в мировой политике выступает все то, что «вдохновляет и привлекает» к источнику соответствующего воздействия, позволяя тому, кто его контролирует, добиваться желаемого результата.

Конституирующей основой и *hard power*, и *soft power* субъекта международных отношений выступает способность достичь поставленной цели путем воздействия на поведение других акторов. Разница между ними заключается в инструментах: проецирование *hard power* происходит через принуждение и навязывание своей воли (посредством экономического ресурса или угрозы силой), тогда как эффективное действие *soft power* формируется через механизмы согласования внешнеполитических акций и вовлечение в сотрудничество более широкого характера, как правило, на базе единых ценностей, такому сотрудничеству благоприятствующих.

Важнейшей характеристикой «мягкой мощи» является ее относительно более заметная независимость от непосредственно государства и правительства страны, такой мощью обладающей. «Жесткая мощь» гораздо сильнее привязана к государственной политике. Поэтому власти относительно сложнее манипулировать первой и гораздо проще – второй. Как следствие, эффект от действия «мягкой мощи» – в отличие, к примеру, от экономических санкций или военной акции – оказывается более аморфным и им его труднее точно планировать.

Внешняя политика государства может лишь усиливать или ослаблять действенность *soft power* – например, война в Ираке нанесла, по мнению Дж. Ная, удар по привлекательности всего американского в большей части мира. Аналогично ввод советских войск в Венгрию (1956 год) и Чехословакию (1968 год) негативно повлияли на восприятие СССР народами стран даже социалистического лагеря.

Как представляется, сочетание «мягкой силы» и «жесткой силы» идеально подходит НАТО, состоящему из взаимодействующих между собой военной и гражданской структур. И Дж. Най отмечает: «Да, для НАТО "мягкая сила" означает способность выйти за рамки чисто военной деятельности и сделать свою миссию привлекательной для общественности». В этой связи Дж. Най высказывается за более тесное сотрудничество НАТО с Россией.

Кроме того, Дж. Най подчеркивает, что «мягкая сила», публичная дипломатия всегда были важнейшими в мировой политике, и не только для НАТО. Тем более это имеет большое значение сегодня, в век информации.

Дж. Най расширяет сферу применения своей концепции, указывая на необходимость сочетания у всякого лидера «жесткой силы» (средства давления) и «мягкой силы» (привлекательность, умение склонять на свою сторону, компромиссность). По мнению автора, именно искусством такого гармоничного баланса и отличаются харизматичные лидеры. Пытаясь найти ответ на вопрос, что же делает лидера харизматичным, Дж. Най останавливается на его «внутренних качествах», объясняя их с точки зрения психологии и быстро меняющихся социальных факторов.

Таким образом, смысл силы как таковой («жесткой» или «мягкой») Дж. Най определяет как возможность добиться от других желаемых результатов. И зависит эта возможность, кроме всего прочего, от наличия у данного конкретного режима тех или иных ресурсов осуществления власти, умения их применять, а также от «контекста», то есть от условий для их эффективного применения.

Дж. Най также является также лидером разработки и продвижения в практическую дипломатию идеи *smart power*, «умной силы» – концепции, над которой он работал на протяжении последних нескольких лет. Впервые Дж. Най упомянул об этой концепции, которая была призвана объединить понятия «жесткой» и «мягкой» силы в новой выигрышной стратегии «умной силы» в 2006 году. Вот как сам ученый объясняет, в чем суть этой концепции: «Вообще, сила – это возможность влияния в целях достижения нужных результатов. "Мягкая сила" делает это с помощью убеждения, притяжения и сотрудничества, "жесткая сила" – с помощью принуждения и вознаграждения. Сегодня же важнейшее значение имеет "умная сила" – способность координировать и комбинировать возможности и ресурсы "мягкой" и "жесткой" сил».

Таким образом, в настоящее время в международной политике наблюдается тенденция роста роли дипломатии силы и уменьшение влияния силы дипломатии. При этом смена приоритетов проявляется не только с помощью традиционных армий и флотов, а через качественно новые технологии и операции. «Жесткая сила» опирается на «мягкую», прежде всего в части экономической и финансовой мощи, инновациях и информационных технологиях. Поэтому обе силы не заменяют друг друга, а существуют вместе при ведущей роли первой.

ПОНЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ ИЛИ ПАРАДОКС ЭКСТЕРНАЛЬНОСТИ

*Ружейников Владимир Владимирович,
член Совета Научно-исследовательского центра проблем
национальной безопасности, кандидат философских наук, доцент,
Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации*

Настоящие заметки подготовлены вне парадигмы политкорректности, заведшей политику многих государств в тупик. Они не могут быть использованы ad hoc как идеологические или пропагандистские материалы. Однако их учет в практике урегулирования военно-политических конфликтов у российских границ, возможно, предотвратит большее пролитие крови братских народов. Еще год назад казалось бесспорным агитационное по своей сути утверждение, что русские и украинцы не будут смотреть друг на друга через прицел. Не сбылось!

История знает множество примеров смертельной вражды русских княжеств друг с другом, жестокие битвы между право- и левобережными украинцами. Гражданская война 1918–1920 годов в России показала, как легко может пойти брат на брата, если национальная идентичность уступает приоритет какой-то другой.

Политический анализ не может быть циничным, как и сама политика. Цинизм – свойство деформированной личности. На таком уровне движения социальной материи как государственные отношения более употребимы понятия «эффективность», «целесообразность» и в самой малой степени «справедливость». Справедливость – очень зыбкая категория. Ее очень трудно обосновывать. Но и без нее субъекту политики нельзя обрести уверенность в правоте собственного дела. Очень часто за справедливостью обращались к Богу, получая разрешение на неограниченное насилие и истребление неверных. Не раз бывало в истории, что жестокость и непримиримость вражды народов обосновывалась служением Господу (европейские религиозные войны, противостояние между Испанией и

Англией конца XVI века, войны под «зеленым знаменем Пророка» от образования Арабского халифата до Исламского государства Ирака и Леванта).

Справедливость – равно сакральность?

В политической мысли России конца прошлого ... не века, а года появился аргумент сакральности для обоснования справедливости внешней политики. Что это – отход от политической парадигмы рациональности XX века и одновременно компенсация отсутствия масштабных политических наступательных концепций?

«Наряду с этнической близостью, языком и общими элементами материальной культуры, общей, хотя и не очерченной тогда устойчивыми границами территорией, нарождающейся совместной хозяйственной деятельностью и властью князя христианство явилось мощной духовной объединяющей силой, которая позволила включить в формирование единой русской нации и образование общей государственности самые разные по крови племена и племенные союзы всего обширного восточнославянского мира. И именно на этой духовной почве наши предки впервые и навсегда осознали себя единым народом. И это даёт нам все основания сказать, что для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение. Так же, как Храмовая гора в Иерусалиме для тех, кто исповедует ислам или иудаизм. Именно так мы и будем к этому относиться отныне и навсегда».

Послание Президента РФ, декабрь 2014 года.

Сакральность, на первый взгляд – весьма спорное основание для политики, в частности, для подтверждения прав Российской Федерации на Крымский полуостров. Может, кому-то лично дорога версия крещения Владимира в Корсунь – события исторически ограниченного. Для большинства же населения России и исторически неотделимой от нее Украины Владимир, князь Киевский, стал равноапостольным потому, что крестил всю Русь. Политическая метафора Послания оказалась суженной. Но борьба за исторический

персонаж началась: древний киевский князь справедливо объявлен безусловным субъектом русской истории. Сакральность Храмовой горы для некоторых конфессий неоспорима. Но и сам Иерусалим, где ступала нога Спасителя, дорог всем христианам. Для православных сакрален еще и Константинополь – Второй Рим.

Если продолжать «цивилизационную» логику Крыма (Корсуни –Херсонеса – Севастополя), то согласно «Повести временных лет» через Корсунь прибыл в Крым апостол Андрей. Далее он поднялся по Днепру до мест, где несколько веков спустя был основан Киев, крестил те места, предсказав им большое будущее. Далее апостол прошел в словени, где после был основан Новгород. Легенды продляют путь Св. Андрея еще дальше. Как видим, в этом эпизоде подчеркнута безусловная неразделимая сакральность Киева и Северо-западной Руси! Понимающему достаточно.

Историки признают, что «Корсуньский фрагмент» странствий Андрея Первозванного был привнесен в «Повесть временных лет» несколько позднее составления самой летописи для решения вполне рациональной политической задачи – обоснование принятия крещения Руси непосредственно от апостолов независимо от Византии. Хотя даже в XVI веке некоторые властители дум полагали, что «божественные апостолы на Руси не проповедаша». Здесь нет особого противоречия – посещал, не значит проповедовал. «Андреевская» идеологема была востребована Петром I. Самодержец подчеркнул роль апостола Андрея как святого покровителя России, и поместил крест на военно-морской флаг и высший орден империи. Особо чтимые Ватиканом апостолы Петр и Павел остались личными покровителями русского царя, так он был крещен именно в их день. В современных военно-политических реалиях Андреевский крест стал объединяющим символом Новороссии – 2015.

В европейской истории середина XIX века памятна одним сакральным и достаточно формальным спором: кому владеть ключами от храма Гроба Господня и покровительствовать христианам в Османской империи. Казавшаяся отвлеченно гуманитарной дискуссия

переросла в 1853 году почти в мировую войну. России пришлось вести боевые действия против коалиции четырех государств на Черноморском побережье, Кавказском театре, Балтийском и Белом морях, Камчатке и Тихом океане. От имени Русской Православной Церкви спор инициировал император Николай I. Защиту католических интересов взял на себя император французов Наполеон III. Папа Римский и Синод Русской Православной Церкви в тех условиях всячески уклонялись от навязанного им политического спора. Конечно же, противоречия между Россией и «больной» Турцией были более глубокими, чем религиозные.

Борьбу за гуманитарные идеалы Россия начала с оккупации Молдавии и Валахии. Боевые действия на Черном море открылись Синопской победой П. Нахимова (1853 год). Кроме турецких фрегатов русские эскадры сожгли сам город Синоп – весьма чтимое раннехристианское место, где проповедовал Св. Андрей.

За сакральными идеологемами в большинстве случаев стоят конкретные политические интересы, которые через таинство и иррациональную непостижимость только артикулируются. В идеологически изощренной Европе «непостижимость» традиционно была аргументом политики. В Соединенных Штатах концепция божественного предопределения трансформировалась в военно-политическое мессианство XXI века и нашла свое отражение в концепции сетцентрических войн, которые ведутся в когнитивной сфере, наряду с социальной, физической и информационной.

Политика может опираться на веру, представления народа о своей исторической исключительности, миссии и судьбе. Субъективный контекст внешней и внутренней политики важен для объединения социума. Многие политические тезисы вбрасываются «политтехнологами» всех времен и народов, но не всегда бывают востребованы немедленно и в полном объеме. В копилке дальновидных политических акторов всегда есть запас идей, манифестов и преданий. Исторически эти идеи накапливаются, не опровергаются и ждут своей актуализации. Для Германии такими манифе-

стами остаются «Критика чистого разума» И. Канта. Для США это – Доктрина Монро (1823 год) и речь Нобелевского лауреата (2009 год) президента Б. Обамы. Печально известная книга А. Гитлера «Майн кампф» (1925, 1928 годы) представляет идеологический манифест и политическую программу одновременно. Манифест и программа оказались прерванными в мае 1945 года, благодаря серьезным возражениям со стороны Красной Армии и войск Антигитлеровской коалиции. Окончательно похоронены идеи и практика нацизма были результате Нюрнбергскому процессу в 1946 году. Казалось!

Бывает так, что вспомогательные политические тезисы появляются на полях экономических, нравственных и даже астрологических сочинений. Политические маргиналии обретают самостоятельную от первоисточника жизнь. Так появился один из мощнейших политических тезисов Московского государства, не утративший силы в нынешнем веке: «Москва – Третий Рим». В 1523 г. инок Филофей, духовник Елизаровского монастыря под Псковом, озабоченный преодолением последствий различных ересей рубежа «конца света» (жидовствующей, содомской и пр.), направил Великому князю Московскому Василию III сочинение «О исправлении крестного знамения и содомском блуде». Писал почти белым стихом: «Внемли, благочестивый царь, – все царства православной веры слились в единое твое: два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать». Многие на Руси ждали прихода 7000 года от сотворения мира (1492 года от рождения Христова.) с опасением. Церковь искала внутри себя и предлагала миру пути преодоления нравственной смуты, вызванной предсказанием конца света и ожидаемым всемирным потопом. Лично для Василия III искать выход оставалось именно в горнем мире. Подозрительно бесплодной почти за двадцать лет брака оказалась его жена Соломония. Великого князя все больше посещали мысли о разводе и поиске будущей матери для прямого наследника. Обострились отношения с Крымом и Казанью, недоотвоеванным у Литвы оставался Смоленск.

Как всегда, рубежные даты, несмотря на свою условность, вызывают брожение умов и трепет душ. Каждый хочет стать свидетелем или даже участником каких-то важных свершений, посетить «мир в его минуты роковые» (Ф. Тютчев). Хотя на всех желающих знаковых событий может не хватить. И тогда нравственный потенциал подвига человека и мира меняет знак на противоположный. Наши просвещенные западные современники как конца света ждали мирового сбоя компьютеров в 2000 году, а после того (post hoc) начали узаконивать однополые браки. К концу света готовятся по-разному. Некоторые приводят в порядок дела земные, спешат творить добро. К сожалению, иные впадают в безнаказанный разврат и ересь. Привычка к разврату и падение нравов часто сохраняются, когда угроза конца света очередной раз минует. Поэтому искал инок Филофей союзников в борьбе за нравственность у сильных мира в лице Московского царя (его так уже стали называть на Западе), сына византийской принцессы.

Объективно многое свидетельствовало о приближении, если не конца света, то конца истории. В 1453 год под натиском османов пал Царьград – столица православной веры. В Киеве, который находился под властью Литвы, в 1458 году образовалась (или восстановилась) православная митрополия, независимая от московской. В Москве к этому отнеслись настороженно неодобрительно. В 1482 году крымский хан Менгли-Гирей разорил «литовский» Киев и разграбил Софийский собор. Не все награбленное оставил себе. Магометанский правитель послал своему союзнику православному князю Ивану III священные сосуды из древнейшего русского православного храма. Интерпретировать эти события можно по-разному. Но трофеи были приняты, значит Иван III Великий если не одобрил, то как минимум, не осудил разграбление христианской святыни и не уклонился от объятий политического союзника.

На рубеже XV–XVI веков Москва имела хорошие шансы усилить свое влияние на постордынском пространстве, но вовсе не пыталась заменить Константинополь. «Конец света» в 1492 году на-

ступил в сопредельном Великом княжестве Литовском в связи со смертью Казимира IV, великого князя литовского и короля польского. Вспомогательный тезис о «Третьем Риме» попал копилку золотых политических идей и неоднократно актуализировался в политике Российской империи.

В конце XVIII века в английской политической мысли появилась вызванная Американской революцией конструкция Самуэля Джонсона, «Патриотизм – последнее прибежище негодяя». Контекст фразы, оспариваемый до сих пор, состоит в том, что неуспешный политик, исчерпавший все аргументы, апеллирует к патриотизму. Патриотизм – последний вынужденный иррациональный аргумент. Сакральность – тоже далеко не первый аргумент политика. Но и не последний, особенно в когнитивном поле.

Сакральность иррациональна и как основание политики вспомогательна по отношению к легитимности, особенно в международном праве. В российской политической мысли накоплен хороший запас иррациональных тезисов, которые сегодня успешно актуализируются. В частности, усиление российской военной группировки в Арктике в первые годы нынешнего десятилетия вызвано юридической незащищенностью северных границ Российской Федерации. Так называемые «полярные владения (сектор)» России никем серьезно не оспаривались почти триста лет до наступления очередного климатического «окна потепления». В начале нынешнего века было спрогнозировано повышение рентабельности экономической деятельности в Арктике за счет добычи минеральных ресурсов и освоения транспортных морских коридоров. В 1997 году Россия присоединилась к Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, что вызвало превращение практически внутреннего Северного морского пути в международный. Защищая свои естественные, но оспариваемые партнерами и конкурентами, преимущества в Арктике, Россия вынуждена законодательно закрепить иррациональную, а не легитимную с точки зрения международного права формулировку: Северный морской путь – «исторически сложившаяся национальная

транспортная коммуникация» (Федеральный закон № 132-ФЗ, 2012 года). Впрочем, в современной международной практике, если право не соответствует интересам сильного, то тем хуже для права. Так Соединенные Штаты в нынешнем веке берут в одностороннем порядке на себя «ответственность за создание правил, норм и институтов, являющихся фундаментом мира, безопасности (*Чьей?* – В.Р.) и защиты прав человека (Стратегия национальной безопасности. 2015 года. Раздел V. Международный порядок).

Один из ранних циркумполярных теоретиков, М.В. Ломоносов, в 1763 году составил «Краткое описание разных путешествий по Северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». Завершил свое сочинение «первый русский университет» тезисом: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке». Однако этот абзац посвящен вовсе не экономическому развитию страны, а вооруженной защите новых земель империи от посягательств иностранцев. Севморпуть по М.В. Ломоносову – тыловая, недоступная противнику коммуникация, которой не имеют европейские державы. Эта внутренняя дорога империи, способная обеспечить оборону ее тихоокеанских владений: Чукотки, Камчатки и даже Русской Америки. Глава географического департамента Академии наук очень емко сформулировал суть современной российской арктической политики *«путь и надежда чужим пресечется (выделено мной – В.Р.)*, российское могущество будет прирастать ...». Далее по тексту. Какими средствами пресечется, вопрос вторичный.

Справедлива война – оксюморон ?

Теоретики выделяют несколько классификаций войн. Одно из таких делений – *справедливые/несправедливые*. Кто-то считает, что война с ее насилием, смертями и бедствиями по определению не может быть справедливой. В дискуссии о принципах войны (когда вой-

на правомерна, какие действия правомерны во время войны, как правильно завершить войну) сегодня трудно чего-то добавить. Но все новые и новые поколения начинают свои войны. Любое действие всегда имеет положительное намерение. В войне это положительное намерение есть справедливость. Может быть, само сочетание «справедливая война» является оксюмороном – намеренной стилистической ошибкой сочетания противоречий.

Мастерами таких политических оксюморонов были А.А. Зиновьев, автор романа «Зияющие высоты», и А. Кестлер, автор романа «Слепящая тьма». Итальянский автор У. Эко ввел в оборот несколько академических псевдодисциплин-оксюморонов: «урбанистика кочевых племён», «народная олигархию», «новаторские традиции».

Критерий справедливости весьма субъективен. Воюющая сторона редко признает себя несправедливой. Правительство страны, ведущей войну, всегда будет настаивать на идеологическом лозунге справедливости, а значит продлении своего «мандата» на войну при сохранении своей власти внутри страны. Несправедливой войну, которую ведет своя страна, может считать оппозиция. Для нее (политической партии, группе влияния у трона и пр.) векторы усилий по смене правительства и выхода из войны почти совпадают. В истории известно множество примеров, когда оппозиция желала поражения своей стране в войне. Критика российскими социал-демократами царского правительства за развязывание империалистической войны – отнюдь не самый яркий пример борьбы за власть. Внешнеполитический лозунг «Мир без аннексий и контрибуций» стал неотделим от внутривластного «Вся власть Советам».

Война за независимость американских колоний (Американская революция 1775–1783 годов) была справедлива с обеих сторон. Колонии хотели свободы от метрополии, полагая, что «если какая-либо форма правительства становится губительной ... народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство» (Декларация независимости). Материнская империя не

отдавала своих заблудших детей, удерживая их с помощью гессенских наемников Георга III.

Почти аксиоматично, что политический режим ради собственного сохранения всегда готов поступиться территорией, на которую он распространяет свою власть. Нация, напротив стремится расширяться до условно естественных границ и может сменить политический режим, мешающий ей этого достичь. Во многом прочность политического режима зависит от эффективности реализации национальных интересов в рамках определенной территории.

Кто справедливее ?

На первый взгляд справедливой война может быть только с одной стороны. Однако на практике воюющие стороны часто меряются не только силой, но и справедливостью.

Рассмотрим пример пары одинаково справедливых с обеих сторон русско-шведских войн, которые по своей отдаленности от дней сегодняшних не вызывают глубоких эмоций. Они могут считаться почти «лабораторными» с очень смутной проекцией на день сегодняшний. Так их и рассматривает невоюющая многие годы Швеция и Стокгольмский институт исследования проблем мира.

Начиная с Северной войны (1700–1721 годов) Россия сильно потеснила Швецию на Балтике. Через 20 лет после Ништадтского мира Швеция попыталась вернуть себе утраченные земли и воды, объявив России войну в июле 1741 года. Характерная черта большинства русско-шведских войн – инструментальная борьба за смену династий: Гессенскую, Гольштейн-Готторпскую, Ольденбургскую, Брауншвейгскую и пр.

В ходе и вследствие русско-шведской войны 1741–1743 годов Елизавета Петровна относительно бескровно совершила дворцовый переворот, отстранив от власти Анну Леопольдовну и ее мужа Антона Ульриха Брауншвейгского, герцога-консорта и русского генера-

лиссимуса. Новая императрица первоначально объявила перемирие со шведами. Это было несомненной победой шведской дипломатии. Но вдохновляемая еще незабытыми победами своего отца рискнула продолжить войну, и в 1743 году выиграла ее. Выиграла не по очкам, а полной победой, захватив почти всю Финляндию. Эту территорию пришлось возвратить, но ранние петровские приобретения у России остались. К ним было добавлено немного еще, в том числе крепость Нейшлот (Савонлинна). С попытки вернуть крепостицу началась следующая русско-шведская война.

Одним из политических достижений Елизаветы в войне была замена на шведском престоле Гессенской династии на Гольштейн-Готторпскую. Вполне достойна цель русской политики – учреждение в сопредельных государствах дружественных режимов. В это же время императрица объявила наследником трона своего племянника Карла Петера Ульриха – тоже голштинского герцога. И немного погодя, подобрала ему невесту из княжества Ангальт-Цербст. Так династия царей Романовых была переформатирована в дом принцев Гольштейн-Готторпских (*позиция Готского альманаха и лично князя П.В. Долгорукова, автора книги «Правда о России». Париж. 1861.*).

Казалось бы, русско-шведское династическое замирение достигнуто на многие годы. Но в 1771 году шведский престол занял второй король их родственного дома Густав III. Просвещенный монарх за полтора десятка лет получил, как он надеялся, поддержку населения королевства и подготовил его к внешнеполитическому реваншу и возвращению исконно шведских земель. Справедливость такой позиции не подлежит сомнению. В 1788 году он начал военные действия против России, основные силы которой были брошены на войну с Османской империей (1787–1791 годов) за территории, русская исконность которых была еще более сомнительна.

В частности, оторванный от Порты Крымский юрт добровольно (!) вошел в состав Российской империи в 1783 году. Последний Крымский хан Шахин-Герей оказался слабым правителем

и не смог сохранить свою власть даже с помощью русских штыков. Многоходовая операция российской дипломатии, армии и флота завершилась его отказом от трона в пользу Екатерины II. Когда Москва была Великим княжеством, она могла менять вассальных ханов (царевичей) на зависимых территориях. Имперский Петербург стремился к внутривосточной унификации, созданию типовых наместничеств и губерний. Вассалитет уже при Екатерине Великой стал вспомогательным механизмом централизации власти. Екатерина перестроила существовавшее с 1443 года относительно самостоятельное крымское государство в часть Новороссийской губернии. Турция до Ясского мира (1791 года) новый формат не признавала и считала Крым незаконно оккупированным. Российская императрица взяла «крымскую корону» себе, а своим сыну Павлу и внуку Александру передала среди других титул Царь Херсонеса Таврического. В начале XX века даже в сокращенном титуловании российского императора сохранялось «...Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь Грузинский, Великий князь Финляндский и прочая, и прочая ...». Только три относительно независимых субъекта сохранялись до последних дней Российской империи: Бухарский эмират, Хивинское ханство (Хорезм) и Урянхайский край (Тува).

Петербургу в конце XVIII века пришлось вести войну на два фронта, и в конце концов удалось завершить войну со Швецией Верельским миром (1790 год) на год раньше чем, с Турцией. Причем на этот раз без каких-либо территориальных приобретений. Ничего не получил, кроме активности оппозиции, и король Густав III. Россия вела свою политику дозволенными и не дозволенными средствами (*per fas et ne fas*): не переносила боевых действий на территорию противника, как могла провоцировала внутренние конфликты в королевстве, как могла не допускала применения в войне с христианами запрещенного оружия (калечных ядер), как

могла защищала свою территориальную целостность, завещанную предками. Что может быть справедливей.

Эта война подавила потенцию обреченного шведского королевского дома активно противодействовать России. Последний представитель этой династии Карл с несчастливым номером XIII уступил Александру I Финляндию по итогам, как тогда казалось, самой последней русско-шведской войны (1808–1809 годов).

Таким образом, Россия в течение XVIII века боролась со Швецией не за отдельно взятую Финляндию, а за «воспитание» всей Швеции! Формирование в приграничном государстве дружественного, или хотя бы нейтрального политического режима и было целью российской профессионально-изощренной внешней политики в регионе.

В психологии для описания свойств индивида применяется термин *локус контроля*. Он бывает внутренний и внешний. Внешний локус контроля означает, что субъект видит причины всех проблем вовне (экстернальность). Внутренний локус контроля описывает поведение субъекта, видящего причины всех бедствий в себе, своем поведении (интернальность). *Экстернальность/интернальность* является относительно устойчивой характеристикой субъекта. Этими характеристиками могут быть наделены и отдельные социальные группы, и государства, в целом. Большинство политических моделей «свои – чужие» экстернальны по своей сути. В них вина возлагается всегда на противную сторону. Так в апологетике войны с Ираком администрация США использовала явно экстернальные модели. Экстернальная модель заложена в современную Стратегию национальной безопасности США (февраль 2015 г.). В частности в разделе IV «Ценности» бездоказательно утверждается: «Многие угрозы нашей безопасности в последние годы явились результатом действий авторитарных государств, направленных против демократических сил – от кризиса, вызванного российской агрессией на Украине, до возникновения ИГИЛ в результате сирийской гражданской войны».

В существующих конфликтных российско-украинских отношениях обе стороны также используют экстернальные модели: виноват оппонент. Российское военно-политическое экспертное сообщество экстернально видит причины государственного переворота на Украине в активном вмешательстве США. Интернальная же модель требует честного ответа на два вопроса:

1) Что сделала Россия в течение последних 25 лет, чтобы удержать Украину в своей зоне влияния?

2) Что нужно предпринять России, чтобы сделать культурно и этнически близкую Украину перманентно дружественным государством?

В современных реалиях присоединение Крыма к России – всего лишь частный военно-политический успех в «воспитании» дружественного режима на всей Украине. Разбив под Полтавой (Украина) армию шведов, Петр I весьма диалектически признал их своими учителями. Учителя среди противников есть и сегодня. В частности, Соединенные Штаты, неоспоримый лидер англо-саксонского мира, успешно удерживают в фарватере своей политики целую страну Канаду, а не только ее приграничные провинции Онтарио или Британскую Колумбию. Работа России над политическими ошибками, допущенными еще с Беловежских соглашений, может занять соизмеримое время.

Среди множества парадоксов политики и истории существует **парадокс экстернальности: справедливых войн больше, чем несправедливых.** Это очень похоже на известный парадокс статистики связанный с субъективным контекстом восприятия: замужних женщин больше, чем женатых мужчин. Обыденное сознание прекрасно справляется с такими парадоксами. Историческая экстернальность оберегает идентичность нации. Инструментальная интернальность, т.е. способность брать ответственность на себя, укрепляет политический режим.

Справедливость ненаказуема?

Казалось бы, спор о справедливости войн должен быть завершен еще до июля 1914 года, во всяком случае, в русской философской мысли. Однако мировая философская мысль забыла «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» Владимира Соловьева. И, похоже, вовсе не восприняла некоего «парадоксалиста – alter ego Федора Достоевского. Оба автора – сторонники справедливой войны, укрываясь за диалогами и мыслями свои героев, донесли до общества очень глубокую идею: справедливая война – война не ради убийства, а ради жертвования собственной жизнью. «Нет выше идеи, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая своих братьев и свое отечество или даже просто отстаивая интересы своего отечества. Без великодушных идей человечество жить не может, и я даже подозреваю, что человечество именно потому и любит войну, чтоб участвовать в великодушной идее». (Ф.М. Достоевский. *Дневники писателя 1876 год*).

Согласимся с классиком, что справедливая война не может быть без самопожертвования. Без самопожертвования она не может стать ни великой, ни отечественной и пр. Война предусматривает обоюдное кровопролитие, которое, в конце концов, превращается во взаимоуважением сторон. Нынешнее руководство США оспаривает этот тезис, исключая обоюдное кровопролитие. Кровь – только противника! Развитие вооружений якобы позволяет передовой державе сделать войну дистанционной, а значит безнаказанной. Позиция американского президента Б. Обамы, выраженная в его Нобелевской речи 2009 году состоит в том, что **«использование силы не только необходимо, но и морально оправдано»**. Причем эта сила применяется в конфликтах, которых Соединенные Штаты вроде и не искали. Справедливая и оправданная война – та, которая позволяет исключить собственные потери. Этот рациональный инструментальный тезис легко доводится до следующей формулировки: Справедлива лишь та и только та война, которую ведут Соединенные Штаты. Воз-

ражения в этом споре могут быть и теоретические, и действием, как это было 11 сентября 2001 года. Как это будет еще неоднократно, пока не станет окончательным.

Военно-политическая безнаказанность не создает обратной связи ни у нации, ни у ее руководства. Настроения и менталитет нации более стабильные и реалистичные, чем у правительства и истеблишмента. Нация всегда ищет пути самосохранения. Современное американское общественное сознание все-таки хочет видеть своих героев, жертвующих собой, а не сидящих за мониторами. И Америка переосмысливает традиционного героя в фильме 2015 года режиссера Клина Иствуда «Американский снайпер» о человеке мстящем, рискующем, жертвующим и трагичным. Именно такой стереотип поведения защитника восстанавливает понятие «справедливой войны» и сакральный тезис «взявший меч от меча и погибнет». Последнее еще ни разу не было опровергнуто!

МИЛИТАРИЗАЦИЯ ЗАПАДНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ПОСРЕДСТВОМ РАСКРУЧИВАНИЕ МИФА О «РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ УГРОЗЕ»

*Люткене Галина Викторовна,
старший преподаватель Военного университета МО РФ,
кандидат политических наук*

Общественное мнение как самостоятельный элемент общественной жизни – одно из необходимых условий существования общества, общественное мнение как зеркало общественной жизни, как коллективное оценочное суждение людей по вопросам войны, мира. Его изучение позволяет выяснить способность населения рефлексировать общественные проблемы. Идет жесткая борьба за внимание целевой аудитории; способы влияния на общественное мнение постоянно совершенствуются. Существует и «национальное настроение» (Дж. Кингдон), под которым понимается отношение граждан к правительству и общественным проблемам, оценка населением эффективности правительства и других институтов в решении данных проблем.

Милитаризация также влияет на общественное мнение. Вновь актуальным, помимо тем в узкоспециализированных СМИ, становятся мифы «о руке Москвы», об интернет-воинстве «проплаченных ПроПутинских Троллей», об «угрозах России», «российского вторжения». В современных политических мифах практически отсутствуют новые черты, указывает Э. Кассирер. У автора «Философии символических форм» в тексте встречается весьма образное описание того, насколько архаические модели восприятия тесно связаны с современным политическим пространством: «Миф всегда рядом с нами и лишь прячется во мраке, ожидая своего часа. Этот час наступает тогда, когда все другие силы, цементирующие социальную жизнь, по тем или иным причинам теряют свою мощь и больше не

могут сдерживать демонические, мифологические стихии»¹⁰⁵. В XXI веке миф о «коммунистической /красной опасности», «советской военной угрозе» трансформировался в XX веке в домысел о «русской опасности».

Развитие информационных технологий оказывает огромное влияние на общественное мнение. Возникает компактность упаковки информации, ее всеобщая доступность и ничем не стесняемая циркуляция, что расширяет «пространство» человеческого сознания. Можно сказать о критической роли, которую играет восприятие западным обществом внешней политики России с точки зрения дальнейшего мирового развития. Именно американское общественное мнение опять стало играть едва ли не определяющую роль в общественных процессах как внутри своей страны (шпиономания, антироссийская риторика), так и за ее пределами в странах Евросоюза. Напомню, в мае 2014 года в американский конгресс был внесён законопроект № 2277 под названием «Акт о предотвращении агрессии со стороны России 2014»¹⁰⁶. Закон предусматривает активизацию Организации Североатлантического договора (НАТО), включая развитие ПРО в Европе и расширенную поддержку Польши и стран Прибалтики; политику сдерживания «дальнейшей агрессии» России в Европе; укрепление Украины и других европейских и евразийских государств против «российской агрессии»; поддержку «российской демократии и гражданского общества» (то есть «пятой колонны» в Российской Федерации). В июле 2014 года «Голос Америки» приводит заявление командующего силами НАТО в Европе Филиппа Бридлава, который в свойственном ему духе утверждает, что НАТО готово защищать своих европейских партнеров в ответ на якобы агрессивное поведение России. Генерал заявляет, что «именно Россия не только поддерживает сепаратистов, но и с помощью своих военных воюет в Украине»¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Кассирер Э. Техника современных политических мифов (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/61.php)

¹⁰⁶ S.2277 — Russian Aggression Prevention Act of 2014.

¹⁰⁷ Источник: <http://rusvesna.su/news/1404166211> (дата обращения 01.03.15).

Можно проследить особенности воздействия на западное общественное мнение через активное раскручивание мифа о российской военной угрозе:

– воздействие на общественное мнение зависит от СМК, которые из «четвертой власти» превращаются в первую. Вопрос остается только в том, в чьих руках будут находиться СМК;

– меняется система СМК, по-новому расставляя приоритеты между видами СМК (интернет расширяет аудиторию, благодаря блогам, электронным версиям газет, сопровождающими текст видео- и аудиофайлами, оперативности и многообразию информации; телевидение переходит в жанр инфотейнмент остается одним из главных СМК, влияние которого на массовое сознание огромно; мобильные телефоны становятся одним из важных средств массовой коммуникации; газеты принимают на себя функцию аналитики, журналы – развлекательную функцию);

– «власть над миром» принадлежит крупным информационным корпорациям: общественное мнение – главный инструмент завоевания и удержания власти; крупные объединения СМК в борьбе за информацию сами создают реальность, действуя в интересах самих себя и преследуя главные цели – коммерческую и информационную – информировать быстро, удовлетворять потребности своих подписчиков. При таких условиях, политика как институт государства становится в ряд с другими сферами жизни, удовлетворяя потребности только одной части аудитории – своих подписчиков.

Анализируя формы и механизмы воздействия на западное общественное мнение можно прийти к выводу, что способы воздействия на общественное мнение специфичны и имеют собственные уникальные приемы манипулирования и пропаганды.

Отметим некоторые среди них: «персонализация журналиста», проявляющая в написании материала от первого лица в жанре репортажа или эссе, что вызывает доверие к изданию; «создание героя», «псевдообъективность», «сенсационность».

В настоящее время видны две ключевые, магистральные тенденции в западном общественном мнении, одна из которых тяготеет к обвинительному подходу (в адрес РФ), а другая склонна к более умеренной оценке.

Обвинительная тенденция основывается на негативной оценке действий, критическом отношении к бескомпромиссной позиции РФ по вопросам санкций. Все это повлияло на формирование отрицательного отношения на Западе и в США к РФ и способствовало тому, что значительная часть западной общественности стала возлагать вину за начало вооруженного конфликта на Украине на Россию.

Обвинительная тенденция оказала существенную поддержку планам американского руководства в оказании помощи Украине, где к власти пришли радикально настроенные политики, а позднее, на раскручивание милитаристского психоза у западного обывателя случай военной агрессии со стороны России.

Умеренная тенденция основывается на восприятии начала конфликта на Украине как результат стремления со стороны РФ обеспечить собственную безопасность и гарантировать защиту от агрессии с Запада, а также как результате неправильного восприятия Западом концепции безопасности Российской Федерации. В рамках «умеренной» тенденции допускается, что в двусторонних отношениях не существует нерешаемых проблем, и что сохранение дружественных отношений с Россией является залогом улучшения политической атмосферы в мире и гарантией от новой мировой войны. Умеренная тенденция позволяет наметить принципы консенсусного взаимодействия между странами.

Но влияние умеренной тенденции западного общественного мнения до сих пор не сыграло центральной роли.

Таким образом, возник неизбежный конфликт между несовместимыми концепциями безопасности и, как следствие, сформировались *наихудшие выводы* о намерениях России.

На фоне ключевых событий, политических процессов, нашедших отражение в общественном мнении, полным ходом идет фор-

мирования образа Российской Федерации как врага. Механизм «свой – чужой» является одним из основных ресурсов манипуляций обыденным сознанием и общественным мнением в политических целях. Мифы позволяют управлять обыденным сознанием, создавая у обывателя иллюзию самостоятельности. Часто человек попадает под воздействие мифов в той сфере деятельности, в которой он является дилетантом. Но и высокий профессионализм в одной области не оберегает от наивности в других. Хороший математик может быть не сильно сведущ в истории и поддаться очарованию какого-нибудь исторического мифа. Вместо критического восприятия исторического материала будет иметь место эмоциональное вживание в миф. Наш математик, если он попал в объятия мифа, будет пестовать его и дальше, читая о каком-то событии все хорошее с восторгом и с гневом отвергая негативные факты и материалы о своем кумире или событии. Здесь уже начинает работать система «свои – чужие». Герой мифа – «свой». Те, кто против него, – «чужие», т.е. злодеи и враги. Отсутствие критичности восприятия делают миф чрезвычайно устойчивым¹⁰⁸.

Почему же так живуч миф о «русской угрозе»? Настойчиво продолжается масштабная дезинформация: запугивание угрозой, рукой Москвы, – это стало выдаваться за некую угрозу демократии. Масштабы и ожесточенность запугивания таковы, что наблюдаются уже психозы в западном общественном мнении. И сегодня это не бессознательное мифотворчество, а умелое манипулирование, т.е. конкретное орудие политики и идеологическое манипулирование западным общественным мнением. Выполняя вполне определенную функцию, этот стратегический рычаг воздействия на политику других государств, способствует достижению следующих целей:

- ✓ В политической области: дискредитация России.
- ✓ В экономической сфере: экономические санкции.
- ✓ В духовном отношении: замена духовных российских ценностей на западные ценности.

¹⁰⁸ Цуладзе А. Политическая мифология (избранные главы). М.: Эскмо, 2003.

✓ В военной области: стремление к военному превосходству, со всем вытекающими последствиями.

Сегодня все идет по старым, уже отработанным правилам:

1. Необходимо громогласно бить тревогу о российском военном превосходстве, об угрозе.

2. Страх должен реализовываться в дорогостоящие программы вооружения.

3. Если выясняется, что превосходства не существовало, то критиков гонки вооружения надо клеймить как «агентов ФСБ». И потом все сначала, по схеме.

Черты мифов остались тоже старые:

✓ Нацеленность против России

✓ Имеют глобальный характер, разжигание военных конфликтов.

✓ Авантюристические тенденции.

Отсюда и *замысел* прост – используя страх Европы, добиться расширения баз НАТО, т.е. «европеизировать» войну, разделавшись сразу и с врагами, и с «друзьями». И поэтому следует, что США наконец-то заполучает долгожданное мировое господство.

Мобилизованы все институты западной идеологии, огромный пропагандистский аппарат, СМИ, Интернет, для того чтобы возбудить недоверие и ненависть к России. Антироссийская пропаганда накалятся до предела, и все это направлено на то, чтобы внушить мысль о неизбежности новой мировой войны, снять ответственность с реакционных западных кругов за поворот к политике конфронтации и оправдать свою же подрывную деятельность. Цель – усыпить бдительность, приучить психологически, морально к мысли о допустимости применения ядерного оружия и других средств массового поражения, заставить смириться с неизбежностью конфронтации.

Раскручивание начинается в информационном пространстве, потом осуществляется психологическое воздействие на общественное мнение. Следом идут политические акции, хаос, «оранжевые» революции. Если это не получается, то начинается гражданская вой-

на, которая приобретает черты гибридной войны, что и произошло на Украине¹⁰⁹.

Спекуляция на мифе позволяет усилить антироссийскую пропаганду, запугивать западного обывателя, милитаризировать общественное мнение. Президент Литвы Даля Грибаускайте, отвечая на вопрос иностранных журналистов 4 марта 2015, сказала: «...Но рядом с нашими границами изменилась геополитическая ситуация, мы поняли, что угроза очень реальна. Угроза реальна для всего региона, стран Прибалтики. Наши соседи стали мало прогнозируемыми, я имею в виду Россию». «Мы находимся на линии фронта, проходит первый этап конфронтации, я имею в виду информационную войну, пропаганду и кибератаку. Итак, на нас уже напали. Перерастет ли это в конвенциональную конфронтацию? Никто не знает. Но уже сейчас мы должны защищаться от этого агрессивного поведения», - добавила она далее¹¹⁰.

Замечательно все-таки говорит Э. Кассирер о роли философии в своей работе «Техника современных политических мифов»: «Философия бессильна разрушить политические мифы. Миф сам по себе неуязвим. Он нечувствителен к рациональным аргументам, его нельзя отрицать с помощью силлогизмов. Но философия может оказать нам другую важную услугу. Она может помочь нам понять противника. Чтобы победить врага, мы должны знать его. В этом заключается один из принципов правильной стратегии. Понять миф – означает понять не только его слабости и уязвимые места, но и осознать его силу»¹¹¹. Иначе говоря, мы вряд ли можем противостоять политическим мифам иначе, как освоить их пространство изнутри, подчинить их своим политическим целям.

Пока будут существовать силы, заинтересованные в ограничении исторического прогресса рамками американской идеи и де-

¹⁰⁹ URL: <http://svpressa.ru/war21/article/114190/> (дата обращения 01.03.15)

¹¹⁰ URL: <http://wow-impulse.ru/news/21084-prezident-litvy-rossiya-uzhe-na-nas-napala.html> (дата обращения 04.03.15)

¹¹¹ Кассирер Э. Техника современных политических мифов //Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1990. № 2. С. 58—65

лающие ставку на насилие (вооруженном или невооруженном), миф будет постоянно воспроизводиться, а при его помощи фальсифицироваться курс России.

Что делать? Отдельные предложения:

1. Необходима активизация моральных и нравственных установок, не допускающих применения скрытого управления в стране.

В информационной сфере:

– более содержательно и на конкретных примерах проследить угрозы национальной безопасности со стороны действующих сетевых организаций и структур;

– необходимо создание универсального режима безопасности в сфере коммуникаций.

Порой дезинформационные потоки, грубо искажающие действительность, доминируют (Южная Осетия – август 2008 года, Ливия – 2011 год, Сирия – 2013 год, Украина – 2014 год). Дестабилизация Ближнего Востока (так называемая «арабская весна») началась с внешней информационной агрессии в социальных сетях.

– Формирование основ межгосударственной системы противодействия акциям информационно-психологического давления.

– Диагностика деятельности и выявление негативных коммуникаторов, стремящихся подорвать информационный суверенитет и авторитет государства.

– Проведение постоянного мониторинга социальных сетей в целях блокирования распространения в информационном пространстве негативной информации.

– Распространение в социальных сетях полной и точной информации о внешнеполитических инициативах и действиях, о процессах ее внутреннего социально-экономического развития, о достижениях культуры и науки государства.

– Активизация информационного обмена и международного сотрудничества в информационной сфере СНГ, ОДКБ, БРИКС.

Роль СМИ

– позиция СМИ должна быть активной, ярко выраженной и понятной.

Активной – в двух отношениях: по степени *воздействия* на собственную аудиторию в деле формирования определенных взглядов и в плане *противодействия* негативным потокам информации о России на страницах зарубежных изданий. Для этого, с одной стороны, не нужно стесняться брать на вооружение отдельные наиболее эффективные информационные технологии, используемые западными журналистами, и, с другой стороны, смелее применять собственные профессиональные наработки (тем более что последние, к тому же, могут быть и более адаптированными к особенностям и менталитету российской аудитории). Тогда повысится эффективность применяемых отечественными СМИ информационно-политических технологий, а процесс коммуникационного взаимодействия сможет стать для нашей страны более результативным. Когда речь заходит о государственных интересах, позиция отечественных средств массовой информации всегда должна быть более ярко выраженной и активной. Если основополагающей функцией прессы считать исключительно информирование, то тогда использование различного рода манипулятивных приемов можно расценивать как выход за рамки профессиональной компетенции СМИ.

Можно сделать общий вывод о том, что западное общественное мнение сыграло роль важнейшего фактора, обусловившего конфликтность и постоянную напряженность в мире. Преобладающее в западном общественном мнении убеждение в том, что Россия вынашивает планы установления мировой гегемонии, приводит к тому, что внешняя политика воспринимается как откровенно агрессивная. Именно такое восприятие и стало одним из факторов, обусловивших конфликтность.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ЛЕТАЛЬНОМУ ОРУЖИЮ

Викулов Сергей Филиппович,
заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук,
профессор

Середина второго десятилетия нового века стала знаменательной и войдёт в историю, прежде всего, обострением ситуации в мире, в значительной мере обусловленной событиями на юго-востоке Украины и санкционными мерами стран Европейского Союза и США. В этот период обострились многие проблемы концептуального характера, напрямую затрагивающие вопросы обеспечения военной и, в целом, – национальной безопасности России.

Применительно к военно-экономической сфере также заострились некоторые вопросы, требующие решений. Побудителем такой постановки проблем явились разноплановые позитивные и негативные события глобального, регионального и местного масштаба, к числу которых относятся:

существенное изменение социально-экономического положения России в связи с санкциями, которые объявили США и их Европейские сателлиты,

принятие Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации»,

утверждение новой редакции Военной доктрины Российской Федерации,

важные публичные заявления Президента страны В.В. Путина, различные научно-практические форумы, например, Гайдаровский, прошедший в январе 2015 год, воссоединение России с Крымом.

В настоящее время экономическое противоборство всё более явственно разделилось на два направления: внешнее и внутреннее.

Внешнее противоборство проявляется, во-первых, в традиционной межстрановой конкуренции, во-вторых, в острой форме финансово-экономических санкций.

Внутренне противоборство, реализуемое либеральным крылом экономического блока, занимающим доминирующее положение в верхних эшелонах власти, реализуется через стратегию и тактику экономической деятельности, подготовку кадров в российских вузах, финансово-кредитную политику Центрального банка России и т.д.

Одновременно с этим нельзя не отметить активизацию праворадикального движения, что провоцируется необычайной активизацией средств и систем психологического воздействия на Россию извне, а также внутрироссийской несистемной оппозицией изнутри. Оценки состояния Российской экономики, её составной части – военной экономики, существенно различны. Характер оценки зависит главным образом не от профессиональной направленности специалистов, а от их политической ориентации.

Либералы-рыночники настроены весьма оптимистично и даже сейчас, в кризисной ситуации надеются на то, что «рынок всё исправит». Так, Е. Гайдар и А. Чубайс в печально знаменитом 2008 году, когда, начиная с 2007 года, в экономической системе бушевал мировой кризис, оптимистично констатировали, что в России динамично растёт и функционирует рыночная экономика с частной собственностью, конвертируемой валютой, и интеграцией в глобальный мир¹¹². Ещё более оптимистичные оценки мы слышим в 2015 году: «Мы прошли гигантский путь от постсоветского полуразрушенного хозяйства до крупной экономики западного типа¹¹³».

Днём раньше выступления Д. Медведева на Гайдаровском форуме высказана другая точка зрения академиком Е. Примаковым. Он констатировал «медлительность правительства в приня-

¹¹² Гайдар. Е., Чубайс А. Экономические записки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 4.

¹¹³ Медведев Д. Выступление на Гайдаровском форуме 14 января 2015 г. Gov.ru.

тии магистральных решений или простое созерцание того, что происходит»¹¹⁴.

Казалось бы, отчего так оптимистичны праволибералы, которые обычно не упускают возможности упрекнуть руководство страны в архаичности и нежелании радикально реформировать экономику. Будучи ответственными за провалы 90-х годов и последних лет либералы-рыночники стараются приукрасить реальное состояние.

Однако не только российским (академики Е. Примаков, С. Глазьев), но и зарубежным специалистам становится всё более очевидной несостоятельность надежд на абсолютизацию рыночных методов управления, особенно в такой разнохарактерной и масштабной стране как России. Действительно, участвовавшие в кризисные явления сделали проработку долгосрочной перспективы возможной, желательной и даже необходимой. Хотя есть мнение, что формированию такой тенденции способствовало «наличие устойчивых традиций государственного планирования и регулирования, в основном уходящих корнями в советское прошлое»¹¹⁵. Известно, что США – оплот либерализма и рынка, родина лауреатов Нобелевской премии за исследования в области рыночной экономики. Но и они в конце пятидесятых годов прошлого века пошли по пути программно-целевого планирования и достигли больших результатов. Они оказались не такими твердолобыми в своих устремлениях слепо следовать рыночным канонам как российские либералы.

Интересно сопоставить с высказываниями российских либералов признания Дэвида Уолкера, в течение 10 лет руководившего Главным контрольным управлением США: «Хотите верьте, хотите нет, но у нашего федерального правительства... никогда не было стратегического плана... Если вы попросите представителей исполнительной власти показать вам стратегический план, скорее всего, вам покажут копию федерального бюджета. Но федеральный

¹¹⁴ Из выступления академика Евгения Примакова на заседании «Меркурий-клуба» 13 января 2015 года.

¹¹⁵ Экономика переходного периода. Сборник избранных работ ИЭПП. 2003 – 2009. С. 59.

бюджет – это ... не стратегический план, который, кроме прочего, определял бы основные тенденции, проблемы и возможности и обрисовывал бы ряд предполагаемых действий и результатов, для достижения которых эти действия необходимы»¹¹⁶.

Абсолютизация рыночных принципов порождает не только экономические негативные результаты (кризисы, банкротства, безработица и др.), но и приводят к трагическим последствиям морально-этического характера. Поскольку свободный рынок предполагает значительную свободу, вплоть до абсолютной, то это порождает социальные пороки: преступность, сексуальные и семейные аномалии: однополые браки и неполные семьи, др. Рынок, ориентированный на получение прибыли, принимает всяческие меры для нерегулируемого увеличения объёма потребления. Отсюда: аномальное социальное расслоение, торговля наркотиками, детьми, органами живых людей¹¹⁷. Здесь же возникновение межконфессиональных и этнических противоречий вплоть до войн.

Отдельного анализа заслуживают ситуации, подобные тем, которые связаны с преступностью типа убийства военнослужащим В. Пермяковым армянской семьи в Гюмри. Истоки преступления лежат в активной пропаганде большинством телеканалов насилия, грабежей, убийств, расследований, что напрямую связано с широким использованием рекламы, которая используется с единственной целью – получение неконтролируемых сверхдоходов.

Хрестоматийно известно, что рыночная экономика базируется на следующих принципах: свобода личности, саморегуляция договорных отношений, свободное предпринимательство, ценообразование по закону спроса и предложения, ограничение вмешательства государства в хозяйственную деятельность.

Такая система не обеспечивает социальных гарантий, она не создаёт общественные (бесплатные) блага. Эта функция остаётся за

¹¹⁶ Вернись, Америка. Обновление страны и восстановление бюджетной ответственности. М.: 2011. С. 187.

¹¹⁷ Аналогичное суждение высказал К. Шахназаров на передаче «Воскресный вечер с В. Соловьёвым» 18 января 2015 года. – Прим. автора.

государством. В то же время российские миллиардеры спонсируют футбольные и баскетбольные клубы за рубежом. Кроме того, ориентация производства на меняющийся нерегулируемый спрос приводит к возникновению больших рисков или к затовариванию или, наоборот, к неспособности удовлетворить спрос. Значит, усиливается неопределённость всех параметров жизнедеятельности. Динамизм жизни обуславливает резкое сужение временных горизонтов обоснованного экономического и технологического прогноза. Это признают даже апологеты рынка¹¹⁸.

Главный недостаток рыночной экономики, особенно применительно к обеспечению обороны и безопасности, состоит в том, что отношения субъектов рынка регулируются спросом и предложением, что резко сужает горизонт и возможности, а значит и эффективность, управления. Между тем, наличие конкуренции, использование контрактной системы при размещении заказов на производство продукции военного назначения (ПВН) наносит существенный урон. Это обусловлено спецификой создания ПВН, которая выражается в значительных производственных циклах, измеряемых годами, исключительной значимостью результата создания специфического продукта – боевого потенциала вооружённых сил любого государства.

Между тем любая деятельность человека или коллектива людей всегда преследует определённые цели. Рыночное, по своей сути – хаотичное, движение противоречит здравому смыслу. Об этом образно писал К. Маркс, сравнивая человека и пчелу, которая строит восковые ячейки¹¹⁹. Тем не менее, находятся люди, которые считают, что «было бы чудовищной ошибкой вернуться в прошлое (хотя нас периодически к этому призывают)»¹²⁰. В США первый шаг к долгосрочному планированию развития ракетно-космических систем был сделан на рубеже 60-х годов. Через полувековой период в

¹¹⁸ Экономика переходного периода..., С. 61

¹¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23, с. 189.

¹²⁰ Медведев Д. Выступление на Гайдаровском форуме 14 января 2015 года.

США принято решение о разработке «проекта бюджета 2010 года на 10 лет вперед, а не на 5»¹²¹, как это делалось ранее.

Следует признать, что приоритет создания программно-целевого метода в интересах народного хозяйства принадлежит России. Начало было положено при разработке знаменитого плана ГОЭЛРО.¹²² Важным событием на пути развития методологии и практики научного обоснования военно-экономической политики стало принятие Федерального закона «О стратегическом планировании...»¹²³. Реализация его положений поможет укрепить позиции программно-целевого метода планирования развития военной организации государства.

В Послании Президента Российской Федерации Президент в 2014 году поставил задачу: «...мы не намерены втягиваться в дорогостоящую гонку вооружений, но при этом надёжно и гарантированно обеспечим обороноспособность нашей страны в новых условиях. Сомнений в этом нет никаких. Это будет сделано. И возможности, и нестандартные решения у России есть. Добиться военного превосходства над Россией ни у кого не получится. Наша армия – современная, боеспособная...»

Совершенствование управления процессами обеспечения военного строительства требует решения ряда проблем. Рассмотрим наиболее актуальные из них.

1. Снижение внимания к военно-экономическому блоку науки и практики.

В условиях, когда расходы по статье «Национальная оборона» увеличились до 4% ВВП России, произошло существенное ослабление научного обеспечения развития военно-экономического блока, что проявляется в следующем:

¹²¹ Вернись, Америка. Обновление страны и восстановление бюджетной ответственности. – М.: 2011. С. 188.

¹²² Пospelов Г.С., Ириков В.А. Программно-целевое планирование и управление. (Введение). М., «Сов. радио», 1976.

¹²³ Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

– в Минобороны и в целом в военной организации России нет НИИ военной экономики, ликвидирован Научно-исследовательский центр военно-экономических обоснований, который был создан и работал в Министерстве обороны России,

– расформированы Военный финансово-экономический университет и Ярославское военно-финансовое училище, в результате чего практически прекращена подготовка военных экономистов-финансистов и сокращена курсовая сеть экономической подготовки специалистов Минобороны, сохранились лишь курсы для работников военных представительств на предприятиях ОПК;

– количество диссертационных советов, в которых могут рассматриваться диссертации по военной экономике с 1 января 2014 года сократилось в два раза;

– на руководящие должности финансово-экономического блока в последние годы назначались специалисты, не имеющие военно-экономического образования и опыта работы;

– отсутствует документ, регламентирующий военно-бюджетную политику, распределение функций и полномочий федеральных органов исполнительной власти по финансово-экономическому обеспечению обороны и безопасности государства, включая определение потребности в ассигнованиях, формирование ценовой политики на закупки продукции военного назначения.

Решению этих проблем может помочь федеральный закон о военных расходах или дополнение к Бюджетному кодексу Российской Федерации. Предложение об этом в нашем федеральном Парламенте обсуждается с 1993–1994 годов, проект закона был подготовлен 20 лет назад, поддержан Генеральным штабом ВС РФ (М. Колесников), Советом Безопасности РФ (В. Манилов), Минэкономики России (Я. Уринсон). Но решение до сих пор не принято.

В 2014 году принят Федеральный закон о стратегическом планировании, это очень важный шаг в сторону упорядочения системы управления в государстве. Одним из путей практической реализации данного закона должно стать разработка и принятие Федерального закона о военных расходах.

Существенной преградой на пути решения проблем финансово-экономического характера стало практически полное разрушение системы подготовки военных экономистов-финансистов и замена их гражданскими специалистами, ликвидация научных структур для проведения исследований военно-экономического направления.

2. Проблема эффективности военных расходов.

Вся деятельность Вооружённых Сил многономенклатурна, чрезвычайно затратна и специфична, т.к. связана с боевыми действиями и поэтому оценка эффективности производимых затрат требует своеобразных методических подходов. Поэтому оценка производимых расходов очень сложна и в то же время очень важна. К сожалению, методические проблемы оценки эффективности функционирования Вооружённых Сил требуют существенной доработки с учётом динамики развития военно-политической ситуации в последние годы. Есть отдельные разработки, в т.ч. по оценке эффективности материально-технического обеспечения. На неплохом уровне дело поставлено при военно-экономическом обосновании тактико-технических характеристик вооружения, военной и специальной техники и программ вооружения.

Однако необходима разработка единых методических подходов к оценке функционирования военной организации с соответствующим их закреплением нормативным актом. Необходимы методики оценки эффективности всех видов деятельности, связанных с расходованием бюджетных средств, в т.ч. эффективность Государственного оборонного заказа, боевых действий войск и всех видов обеспечения. При этом изучение военно-экономического анализа в военных вузах после ликвидации Военного финансово-экономического университета прекращено.

Поэтому нам приходится читать такие шедевры как, например, «Показателем эффективности бюджетных средств является увеличение затрат на оснащение Вооружённых Сил современными

образцами вооружения, военной и специальной техники»¹²⁴. Или иное толкование эффективности: «В бюджетном законодательстве есть определение эффективности: меньшая цена – наилучший результат»¹²⁵. Тем не менее, в Статье 34 Бюджетного кодекса сформулирован принцип эффективности использования бюджетных средств, который означает, что при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках установленных им бюджетных полномочий должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности).

Эти примеры свидетельствуют о том, что проблема эффективности – не только практическая. Нужны серьёзные научные и методические разработки. Частично они есть. Так, в службе Тыла ВС были разработаны методические рекомендации по оценке и повышению эффективности функционирования тыловых структур, в Счётной палате была принята методика оценки и аудита эффективности использования бюджетных средств, в вузах читался курс военно-экономического анализа и т.д. Но системно проблема не решена и требует приложения профессионально подготовленных научных сил.

Укрепление научных позиций в военно-экономической сфере поможет создать альтернативу летальному оружию в сфере противоборства на мировом рынке товаров и услуг и, в целом, влияния на развитие глобальных процессов.

¹²⁴ Красная звезда 22 октября 2013 г.

¹²⁵ Голикова Т., председатель Счётной палаты России. Российская газета 14 ноября 2013 г.

ПРОБЛЕМЫ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Зеленков Михаил Юрьевич,
профессор кафедры информационной аналитики
и политических технологий МГТУ имени Н.Э. Баумана,
доктор политических наук, доцент*

Боевой состав и структура Вооруженных Сил напрямую зависят от характера войн, в которых планируется их применение. Сегодня Вооруженные Силы России силами общего назначения способны решать задачи только в локальных вооруженных конфликтах. Для ведения крупномасштабной войны на театре военных действий необходимо проводить наращивание их численного состава.

Основным мобилизационным ресурсом в любом государстве являются люди в возрасте от 14 до 30 лет – т.е. молодежь. Именно от ее состояния – духовного, физического, психологического и др. зависит степень готовности государства отразить нападение агрессора. История не раз доказывала, что в этом перечне состояний системообразующим выступает духовное состояние. Морально-психологический фактор – важнейшее и неотъемлемое слагаемое боевой готовности и боеспособности Вооруженных Сил, мобилизационных ресурсов, совокупной мощи государства. Это специфическое состояние общественного сознания, выражающее степень готовности и способности общества, армии и флота стойко переносить все испытания войны и, не утратив воли к борьбе, достигать поставленных целей. Содержание морально-психологического фактора определяется совокупностью политических, нравственных, правовых, исторических, философских, религиозных и других знаний, идей, взглядов, чувств, силой и направленностью воли, отношением к целям и характеру войны, проявляющихся в деятельно-

сти и поведении людей. Основой морально-психологического состояния индивида являются духовные ценности, доминирующие в государстве и обществе и воспринятые личностью.

В качестве положительного в современном морально-психологическом состоянии молодежи России мы можем привести подвиги, совершенные в ходе проведения контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона (более 500 чел. получили звание Героя России), пятидневной войны в Южной Осетии, успехи наших спортсменов на Олимпийских играх и Универсиадах, трудовые успехи и др. Все это, несомненно, заслуживает одобрения в обществе и характеризует молодое поколение россиян как высокопатриотичное и преданное Отечеству и своей Родине. Речь идет, по образному выражению М. Скобелева, **об утверждении в сердцах воинства силы, способной противостоять любому неприятелю.** Однако на этом положительном фоне выявленные в ходе исследования негативные массовые факты свидетельствуют нам о том, что сегодня российская молодежь серьезно больна. Причем метастазы этой болезни проникли практически во все стороны ее жизнедеятельности. Проанализируем отдельные вектора этого поражения.

Во-первых, это демографические и биопсихологические проблемы современного российского общества.

Анализ результатов исследований военных экспертов показывает, что потребности в призывных контингентах для комплектования ВС РФ сержантским и рядовым составом сегодня и в среднесрочной перспективе составляют не менее 780 тысяч человек. При этом дефицит в комплектовании рядовым и сержантским составом по призыву только для ВС РФ в ближайшем будущем составит **не менее 300-350 тысяч человек.**

Причинами такого положения являются:

1. Сокращение в современной России численности детского и подросткового населения. На 1 января 2013 года в России насчитывалось 31,6 млн. молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет. В 2011 году

их было 32,4, а в 2009 – 33,7 млн. чел.¹²⁶ По данным Росстата, с 2009 по 2023 год численность молодежи в возрасте 14 – 30 лет в составе населения России сократится на 13,4 млн. чел. и составит уже 25 млн. чел. По состоянию на 2009 год потенциальный мобилизационный резерв составил в России 31 млн. чел., в США – 56 млн. чел., в Китае – 208 млн. чел. По состоянию на 2010 год организованный мобилизационный резерв в России составлял 20 млн. чел. По наиболее вероятному прогнозу численность 18-летних к 2050 году сократится в России в 4 раза.¹²⁷

2. Несмотря на принимаемые меры, заболеваемость юношей допризывного возраста ежегодно увеличивается. В настоящее время **30% российских призывников негодны к военной службе по состоянию здоровья**¹²⁸. Кроме того, более **50% из призванных в армию юношей, имеют ограничения по здоровью** и не могут быть направлены в подразделения повышенной сложности прохождения службы. В структуре болезней, приводящих к негодности к военной службе, лидирующие позиции занимают **эндокринные болезни, расстройства питания и обмена веществ, болезни костно-мышечной системы, психические расстройства, болезни органов дыхания и пищеварения**. Данная картина является отражением образа жизни современных подростков и реализации факторов риска.

Среди молодежи все больше распространяется алкоголизм, курение, наркомания и др. Так, в частности, алкогольные напитки (включая пиво) с той или иной частотой, в тех или иных дозах потребляют 66% молодых людей в возрасте 14–30 лет (порядка 25 млн. чел.). Потреблять алкогольные напитки молодежь начинает

¹²⁶ За ближайшие 10 лет Россия потеряет 7 млн юношей и девушек. URL: <http://www.eurekanet.ru/ewww/promo/20802.html> (дата обращения: 14.04.2014).

¹²⁷ Доклад Общественной палаты Российской Федерации по актуальным проблемам участия гражданского общества в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации. М., 2012. URL: <http://www.oprf.ru/ru/about/structure/structurenews/newssitem/19831> (дата обращения: 18.02.2015).

¹²⁸ Военно-политическое обозрение. URL: <http://www.belvpo.com/ru/28789.html> (дата обращения: 14.02.2015).

рано¹²⁹. Более 80% молодежи в возрасте 11–24 лет регулярно употребляют алкоголь, в сельской местности – свыше 90%. При этом около 1/3 молодых людей и 1/5 девушек старше такого возраста употребляют водку, пиво или «слабоалкоголку» ежедневно¹³⁰. Среди возрастной группы 14–30 лет курит табачные изделия 51%, т.е. 19,4 млн. человек. Доля курящих подростков с советских времен утроилась – с 20% до 60%, а возраст первой пробы снизился с 15 до 11 лет. По экспертным оценкам (2011 год), в России не менее 2,5 млн. чел. употребляют наркотики. Причем 70% – это молодежь до 30 лет. И что особенно опасно, в последние 5 лет нижняя планка возраста, с которого наркотики начинают пробовать, опустилась до просто катастрофического уровня: 11–12 лет, это совсем дети, учащиеся 5–6 классов. При этом к 24 годам уже каждый пятый молодой человек пробовал наркотики¹³¹.

3. Неспособность современной системы медицинского обеспечения подготовки юношей к военной службе реализовать цели, поставленные в Концепции федеральной подготовки граждан Российской Федерации к военной службе на период до 2050 года. Следствием этого стало то, что с 1 января 2014 года были внесены изменения в список заболеваний, которые дают право на освобождение от прохождения службы или отсрочку. Причем эти изменения направлены не на ужесточение, а, наоборот, на послабление требований. В армию стали брать с артрозом и плоскостопием второй степени, острым синтезом мелких костей без нарушения функций, периферической дистрофией сетчатки (если нет ухудшений) глаза, дефектом веса, порогом сердца, эпилептиков и т.д.

¹²⁹ Донцова М.М. Механизм реализации молодежной политики в политической системе современной России: дисс. ... канд. пол. наук. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2013.

¹³⁰ Доклад Общественной палаты Российской Федерации по актуальным проблемам участия гражданского общества в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации. М., 2012. URL: <http://www.oprf.ru/ru/about/structure/structurenews/newssitem/19831> (дата обращения: 18.02.2015).

¹³¹ Донцова М.М. Механизм реализации молодежной политики в политической системе современной России: дисс. ... канд. пол. наук. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2013.

Во-вторых, несмотря на принимаемые властью меры, проведение широкомасштабной молодежной политики молодежь России, как основной источник мобилизационных ресурсов, так и не стала основным каналом связи, по которому моральные и духовные ценности, обычаи и традиции старшего поколения россиян передаются до следующего. Складывается весьма тревожная картина – молодежь, да и само общество стремительно катятся вниз по «моральной наклонной», причём моральный упадок рисуется основным, самым сильным вектором, направляющим и определяющим развитие общества в период последних двадцати лет.

Научное сообщество неоднократно высказывало сомнение в том, что нынешняя молодёжь способна воспринять те ценности и моральные нормы, которые несёт в себе старшее поколение россиян. В обществе сегодня зреет ощущение, что межпоколенческий «транзит» морально-нравственных основ вот-вот прервётся, и с нынешних 18–20-летних начнется, чуть ли не новая «порода» россиян, лишённых стыда и совести¹³². Это подтверждают и результаты социологических исследований (ФОМ). Так, в частности, *главными жизненными ценностями для молодежи России является финансовое благополучие*, в то время как для пожилых россиян главное – *идеалы справедливости и мира*. Согласно результатам проведенных исследований, у молодых людей в возрасте от 14 до 17 лет система ценностей ранжирована следующим образом: *семья, карьера, материальное благополучие*, в возрасте от 18 до 24 лет – *семья, материальное благополучие, любовь*. 18–25-летние молодые люди заметно отстают от старшего поколения по части включённости в морально-нравственный контекст жизни россиян, относясь ко многим вещам гораздо легче, без излишней рефлексии¹³³. *37% их представителей*

¹³² Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН, 2011.

¹³³ Жизненные ценности современной молодежи // Московский комсомолец в Новосибирске, 2011.

можно смело отнести к группе людей с низким моральным статусом, тогда как приверженностью (хотя бы на словах) всем рассматриваемым нормам может похвастать лишь 24% представителей молодежи¹³⁴. Согласно результатам опроса Левада-центра (август 2013 года) на тему «Проблемы и тревоги россиян», кризис морали, культуры и нравственности, по мнению опрошенных россиян из 45 регионов страны, не входит в пятерку наиболее остро стоящих перед современным российским обществом проблем, занимая лишь 6-ю позицию после таких проблем, как рост цен, бедность и обнищание большинства населения, коррупция и взяточничество, рост безработицы и социальная поляризация, несправедливое распределение доходов¹³⁵.

Причинами такого состояния являются:

1. Мощный поток западных «ценностей», который постоянно воздействует по всем коммуникационным каналам российских СМИ на еще не сформировавшееся молодое сознание и пропагандирует самые низменные и ничтожные человеческие чувства: *вседозволенность, насилие, жестокость, пошлость, моральную распущенность, наркоманию* и многое-многое другое. Результаты контент-анализа только названий телепередач и фильмов на самых молодёжных телеканалах СТС и ТНТ показывают, что каждое четвёртое слово иностранное, т.е. идёт процесс разрушения русского языка; в трети названий использована сниженная лексика, а также сексуальная и разрушительная тематика¹³⁶.

2. Действия наших политиков в 90-е годы XX века, когда их стараниями было разрушено все то, что было создано и накоплено в

¹³⁴ Доклад Общественной палаты Российской Федерации по актуальным проблемам участия гражданского общества в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации. М., 2012. URL: <http://www.oprf.ru/ru/about/structure/structurenews/newsitem /19831> (дата обращения: 18.02.2015).

¹³⁵ Левада – центр, официальный сайт. URL: <http://www.levada.ru/arkhiv> (дата обращения: 14.02.2015).

¹³⁶ Самсонов А. Деградация молодёжи как угроза национальной безопасности России. Что можно сделать? URL: <http://topwar.ru/6000-degradaciya-molodezhi-kak-ugroza-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii-chto-mozhno-sdelat.html> (дата обращения: 14.04.2014).

советские годы, искажены исторические факты и самое, главное, патриотические чувства народа. Ценности, пропагандирующиеся в современном мире, это *возведение в культ, потакание своим прихотям, поощрение явного насилия, жестокости и половой распущенности и преподнесение всего этого, как нечто нормального.*

3. Формирование в нашей стране т.н. «консорциума зла», включающего не только людей, систематически нарушающих законы и нормы морали, но и либеральных идеологов такого нарушения, пытающихся оправдать его в общественном сознании и придать ему позитивный смысл. Результатом функционирования этого консорциума является «экстремализация зла», которая проявляет себя во все более радикальных формах, а также возводит в норму жизни безнравственное поведение.

В-третьих, социально-политические риски присущи сегодня любой сфере деятельности российских молодых людей и любому субъекту Российской Федерации. Особенно существенными, по нашему мнению, являются риски, связанные с процессом политического и социального воспитания и самоопределения молодежи, формированием патриотического и военно-патриотического сознания молодых людей. Действующие молодежные организации, несмотря на их большое количество и разнообразие сфер деятельности, не оказывают действенного влияния на эффективность процесса функционирования социальной и политической систем России. Они не играют роль главной скрипки в общественном и политическом процессе, не являются накопителем демократических ценностей и установок.

Сегодня (ВЦИОМ, 2010 год) более 55% граждан нашей страны, не хотели бы служить в Вооруженных Силах Российской Федерации¹³⁷. Сформировалась устойчивая тенденция падения среди молодежи престижа военной и государственной службы (на первом

¹³⁷ Доклад Общественной палаты Российской Федерации по актуальным проблемам участия гражданского общества в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации. М., 2012. URL: <http://www.oprf.ru/ru/about/structure/structurenews/newssitem/19831> (дата обращения: 18.02.2015).

месте у кандидатов для прохождения военной службы по контракту, – возможность обеспечить себя материально, а на втором, – решить жилищную проблему); в массовом сознании получили широкое распространение *равнодушие, эгоизм, индивидуализм, цинизм, неуважительное отношение к государству и его институтам*. По данным мониторинга, проведенного Минспорттуризмом России, в сфере молодежной политики работают почти 10 000 клубов, объединений и учреждений военно-патриотической направленности, в которых занимается более 1 млн. человек. Цифра впечатляет, но *это меньше 3% молодежи*. В мероприятиях, посвященных 65-летию Великой Победы (2010 год), только 1 млн. 896 тыс. добровольцев приняли участие – *это всего 5% российской молодежи*¹³⁸.

Основной причиной такого состояния дел является резкое снижение воспитательного воздействия российской культуры, искусства, образования, СМИ. В результате наше молодежное сообщество постепенно утрачивает традиционно российское патриотическое сознание, особенно его военную составляющую.

Попытки усилить военно-патриотическое воспитание молодежи, встречают сопротивление либеральных кругов. Они обвиняют государство в милитаризации воспитательной работы с молодежью, в стремлении возродить традиции тоталитаризма. Подвергается критике намерение власти увеличить расходы на оборону. Эта критика, по сути, формирует представление об армии как о паразитарном институте, чьи «аппетиты» грозят подорвать финансовое благополучие государства.

Интересен следующий пример, 3 февраля 2010 года распоряжением Правительства Российской Федерации была принята «*Концепция федеральной системы подготовки граждан Российской Федерации к военной службе на период до 2020 года*». На основе Концепции в Минобороны России был разработан «Единый Перечень требований к подготовленности граждан, подлежащих призыву

¹³⁸ Донцова М.М. Механизм реализации молодежной политики в политической системе современной России: дисс. ... канд. пол. наук. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2013.

на военную службу» – государственный заказ Вооружённых Сил Российской Федерации системе образования, определяющий содержание допризывной подготовки в образовательных учреждениях и критерии оценки её результатов. Этот Перечень включает 3 компонента, которые в системном виде содержат основные требования и характеристики-показатели по физической закалке, психологической готовности и «интеллекту будущего солдата». Анализ Концепции и Перечня показал, что в них нет ни слова о гражданственности, духовности и нравственности молодого поколения.

В то же время по оценкам экспертов для 31% (11,8 млн. чел.) молодых людей (прежде всего, успешных и конкурентоспособных) идентификация себя в качестве граждан Российской Федерации крайне затруднена¹³⁹. К моменту достижения возраста максимальной трудовой активности представители молодежи не считают себя связанными со своей страной обязательствами по личному участию в решении ее проблем, не связывают эти проблемы с собой, часто ищут возможности для самореализации вне России, не имеют со своей страной социального контакта и не считают себя ей ничем обязанными. На эти результаты накладывается и тяга в молодежной среде к эмиграции. По данным опроса среди студентов московских вузов, обучающихся в технопарке при Баумановском университете, почти 65% российских технарей так или иначе хотят покинуть пределы страны. При этом наибольший эмиграционный потенциал наблюдается у 18-24-летних (39%), высокообразованных респондентов (29%), а также активных пользователей сети Интернет (33%)¹⁴⁰.

На этом фоне интересны результаты исследования понимания российскими гражданами сути патриотизма (Левада-центр, 2014 год): большинство россиян считает, что в основе патриотизма лежит любовь к своей стране (68%), быть патриотом (27%) – это работа (действие) во благо страны, патриот должен стремиться к измене-

¹³⁹ Доклад рабочей группы Государственного совета Российской Федерации «Молодежная политика России на современном этапе». М., 2009.

¹⁴⁰ Две трети учащихся Бауманского университета мечтают уехать из России из-за политики. URL: <http://www.securitylab.ru> (дата обращения: 18.02.2013).

нию положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее (22%). При этом в большинстве случаев молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет видят суть патриотизма в любви к стране и не связывают его с проявлением активной позиции: лишь для 19% патриотизм означает работу во благо страны, а для 18% – стремление к изменению положения дел в стране¹⁴¹.

По данным Госсовета России (2009) среди молодежи: готовы пожертвовать своими интересами, если будут понимать о каких интересах страны идет речь – только 30,1%, готовы пожертвовать своими личными интересами, если это необходимо для блага страны «безоговорочно» – 7,7%, готовы пожертвовать, но смотря о каких личных интересах пойдет речь – 22,6%, *не готовы жертвовать личными интересами ради интересов государства* – 27%, затруднились ответить 12,6%¹⁴².

При этом в социальной базе современного российского экстремизма доминирует молодежь младших возрастных групп (18–21 год), учащиеся средних профессиональных учебных заведений, проживающие в крупных городах, а не в мегаполисах, а также сельская молодежь. Это связано с осознанием молодыми людьми увеличивающегося разрыва качества жизни по размежеваниям «город-село», «столица-провинция». Только за 2010 год по стране зарегистрировано 581 преступлений террористического характера и 656 преступлений экстремистской направленности, участниками которых являлись половина несовершеннолетних, что на 19,7% (548) превышает показатели 2009 года. Около 11 тысяч молодых людей являются членами экстремистских объединений¹⁴³.

Отдельно следует отметить смену идеалов у большинства современной молодежи. Молодые люди 90-х годов XX века мечтали

¹⁴¹ Ремарчук В.Н. «Новый патриотизм» в современной российской политике // Этносоциум и межнациональная культура, 2014. № 12.

¹⁴² Молодежная политика России на современном этапе (иллюстративные материалы) // Государственный совет Российской Федерации. М., 2009.

¹⁴³ Шевелев К.Н. Криминологические меры противодействия молодежному экстремизму в России. URL: <http://www.scienceforum.ru/2014/739/6354> (дата обращения: 14.04.2014).

стать банкирами, юристами, коммерческими и финансовыми директорами. Профессиональный же идеал молодежи XXI века – журналист, дизайнер, PR-менеджер и т.д. Фрилансерство стало отличительной чертой молодежи. Для ее нынешнего поколения характерна спокойная, ненапряженная, творческая работа в свое удовольствие.

В-четвертых, в молодежной среде наиболее ярко выражено нарастание неопределенности политического развития и образования. Молодые люди аполитичны, им присущ абсентеизм, они практически не интегрированы в политическую и социальную сферы, а их участие в общественной жизни России не стало типичной поведенческой как личной, так и массовой практикой и носит преимущественно неоформленный спонтанный характер.

Наиболее распространенный сегодня среди молодежи лозунг: «Меня волнуют только те мировые проблемы, которые имеют непосредственное отношение ко мне, а вообще, выражение «после нас хоть потоп» довольно практично»¹⁴⁴. Так, например, в единый день голосования 10 октября 2010 года доля молодежи среди всех выдвинутых кандидатов на выборах депутатов законодательных и представительных органов различного уровня составила только 9,6%, а среди избранных депутатов – около 6% (на выборах в октябре 2009 года соответственно: 10,5% и 6,7%). В том числе на выборах в законодательные (представительные) органы государственной власти: в октябре 2010 года среди всех выдвинутых кандидатов – 13%, а избрано около 4% от общего числа избранных кандидатов (на выборах в октябре 2009 года соответственно 15,8% и 3,7%). Еще менее активно молодые люди участвуют в выборах должностных лиц местного самоуправления. На выборах в октябре 2010 года их было 6,6% в общем количестве выдвинутых кандидатов, а среди избранных должностных лиц – чуть более 2% (в октябре 2009 года

¹⁴⁴ Безденежных И., Шейхетов С., Ефимов К. Это наша молодежь // Журнал «Эксперт». URL: http://expert.ru/russian_reporter/2007/08/nasha_molodezh (дата обращения: 14.03.2013).

соответственно 6,7% и менее 2%)¹⁴⁵. Вместо участия в политической жизни молодые люди предпочитают наблюдать за ней, критиковать ее, иронизировать, но вместе с этим, ни во что не вмешиваться. Вместо митингов и демонстраций значительная часть молодежи предпочитает виртуальные политические интернет-дискуссии, политизированные ток-шоу, представляющие собой своеобразную развлекательную игру с поверхностным изложением участниками своих идейных позиций, привлекающую определенную часть молодежи экспрессией в выражении эмоций. Между тем, большинство россиян считают нужным, чтобы люди, не достигшие 25 лет, занимались политикой (61% против 18%, полагающих обратное), да и сами представители этой возрастной группы почти столь же охотно соглашались с этой точкой зрения (59% против 22%)¹⁴⁶.

Базовой причиной такого состояния дел является то, что для многих молодых людей свойственны аффективные политические ориентации, которые конструируются на основе чувств и эмоций, вызванных различными политическими субъектами.

Около 90% молодых людей заявляют о том, что только иногда слушают по радио или смотрят по ТВ политическую информацию, однако, интерес она у них не вызывает. Молодые люди, как правило, оценивают происходящие в политике события с субъективной точки зрения, на основе полярных оценок («хорошо – плохо», «черное – белое», «наши – не наши», «нравится – не нравится»), которые формируют отношение к политическим событиям. Заниматься политикой желает ничтожно малая доля молодежи. А на вопрос: интересуетесь ли вы политикой, положительно отвечают

¹⁴⁵ Выступление Председателя Центральной избирательной комиссии Российской Федерации В.Е. Чурова на парламентских слушаниях в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации «Электоральная активность молодежи как один из основных факторов политической стабильности государства. Нормативно-правовой аспект» 15 ноября 2010 года. URL: <http://www.cikrf.ru/news/relevant/2010/11/16/parl.html> (дата обращения: 14.02.2015).

¹⁴⁶ Политический потенциал и политическая активность молодежи. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dd052222> (дата обращения: 14.04.2014).

лишь 34%, более половины (64%) молодых людей политикой не интересуются. Молодежь, приходя в ту или иную молодежную организацию, аргументирует свое решение следующим образом: необходимость обогатить свой досуг – 43%; необходимость выразить свою личность – 34%; иметь защиту в молодежной организации – 9%; стремление к участию в политической жизни – 8%; стремление к общению – 6%. Как результат профиль молодежных организаций следующий: спортивные организации – 24%; правозащитные – 16%; экологические, творческие союзы – по 13%; студенческие организации – 10%; жилищные, благотворительные – по 8%; профессиональные союзы – 7%; *политические* – 6%; поисковые – 4%; краеведческие, скаутское движение – по 3%; другие организации – 4%; не хотят участвовать в работе молодежной организации – 30% опрошенных молодых людей¹⁴⁷. Наравне с аполитичностью отмечается и низкий уровень вовлеченности молодежи в социальную практику. Доля молодых людей, активно участвующих в жизни общества, составляет менее 7% (2011 год) от общей численности молодежи.

В качестве обобщающих выводов сформулируем основные угрозы морально-психологическому состоянию мобилизационных ресурсов современной России:

социокультурный раскол и кризис межпоколенческих отношений;

идеологическая неопределенность, наступившая вследствие развала коммунистической идеологии;

массовизация культуры и ее вестернизация; демографический кризис;

криминализация поведения и сознания россиян; рост социального неравенства и поляризация социальных слоев российского населения;

снижение социального самочувствия россиян и др.

¹⁴⁷ Переверзев М.П., Калинина З.Н. Менеджмент в молодежной политике: учеб. пособие / Под общ. ред. М.П. Переверзева. М.: ИНФРА-М, 2010.

Для парирования вышеперечисленных угроз необходим симбиоз усилий со стороны общества и государства, однако, пространство взаимодействия между ними характеризуется социальным недоверием, с одной стороны, и декларативностью проектов по обеспечению благополучия граждан – с другой.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Гушер Анатолий Иванович,
генеральный директор Центра стратегического развития,
член Научного совета при Совете Безопасности РФ,
генерал-майор в отставке

Уважаемый читатель! Ознакомившись с содержанием включенных в предложенный Вашему вниманию сборник статей, Вы, с большой долей вероятности, согласитесь с тем, что освещаемые в них проблемы весьма актуальны и отвечают на многие вопросы, возникающие в связи с развитием военно-политической ситуации в современном мире. Вам, возможно, захочется еще раз обратиться к этому материалу, чтобы понять и убедиться в том, что происходящие сегодня в мире процессы имеют не случайный характер, что они предопределены всем ходом современной истории, вызваны постоянно изменяющимся соотношением сил на мировой арене. Это должно помочь вам разбираться в хитросплетениях происходящих событий, вскрывать их сущность и отсекаать весь тот «аналитический» мусор и целенаправленную дезинформацию, которыми сегодня сопровождаются любые политические и иные решения и процессы.

Геополитические тенденции и военно-политические изменения последних лет во многих регионах и странах мира убеждают нас в том, что человечество при всех его больших достижениях в науке и технологиях все чаще испытывает затруднения при выборе путей и способов разрешения конфликтных ситуаций политического, экономического, идеологического и иного характера. Возникающие на этих путях различные тупики зачастую пытаются преодолеть с использованием средств и технологий насилия: вооруженных сил, террора, дестабилизации обстановки и искусственного хаоса, «цветных революций», свержения неудобных режимов и т.п. Примеров такого рода в современном мире более чем достаточно.

В мире по-прежнему доминирует право сильного. При этом именно военная сила все чаще выступает в роли главного арбитра в

разрешении обострившихся противоречий. Это надо понимать, так как военная мощь часто является главным и последним инструментом в руках руководителей ряда стран, особенно тех, которые претендуют на мировое или региональное господство. Именно поэтому ведущие государства уделяют большое внимание повышению своего военного могущества, расходуя на это огромные ресурсы.

Поддержание на должном уровне оборонной мощи является одной из важнейших задач и для тех государств, которые постоянно испытывают на себе давление угроз для своих национальных интересов и в первую очередь – безопасности. В этом контексте мы вправе говорить о существовании в мире доброй и злой сил. Добрая – для добрых и справедливых дел, злая – для недобрых дел и целей. Это – один из всемирных законов, закон равновесия. Там и тогда, где и когда этот закон нарушается и перестает действовать, практически мгновенно возникают кризисные ситуации, часто перерастающие в вооруженные конфликты, зоны террористической активности, гуманитарные катастрофы и др. Примеров таких «трансформаций» сегодня тоже очень много, и мы не должны не замечать этого.

В целом военная сила в современном мире является весьма весомым аргументом в политике. По формулировке К. Клаузевица, «война есть продолжение политики иными, *насильственными (курсив автора)* средствами». Основным средством достижения целей войны служит организованная вооружённая борьба как главное и решающее средство, а также экономические, дипломатические, идеологические, информационные и другие средства борьбы.

Таким образом, военная сила пока остается постоянным попутчиком истории человечества, и именно поэтому изучению ее со всех сторон следует уделять постоянное внимание.

«Помни войну!». Такой лозунг висел в кабинете известного российского флотоводца адмирала Макарова. Адмирал, находившийся 30 марта 1904 года на борту броненосца «Петропавловск», погиб при взрыве японской морской мины на рейде Порт-Артура. Предупреждение адмирала актуально и сегодня, и таким оно будет всегда.

Оглавление

Предисловие. Гареев М.А. Война и военная наука на современном этапе.....	3
Ремарчук В.Н. Россия в вызовах глобализации	12
Бочарников И.В. Россия в документах стратегического планирования США и НАТО	30
Гушер А.И. Характер и содержание вооруженных конфликтов современности и их влияние на развитие общей геополитической и геостратегической ситуации в мире	35
Микрюков В.Ю. Прокси война	47
Зиновьева О.М., Солодухин Ю.Н. Что же это такое – «информационная война»?.....	57
Белозеров В.К., Харичкин И.К. Управляемый хаос в глобальных политических стратегиях	64
Манойло А.В. Цветные революции и гибридные войны	82
Овсянникова О.А. Технологии переформатирования общественного сознания посредством языковой и конфессиональной дискриминации (на примере Украины)	108
Герейханов Г.П. Современные радикальные религиозно-политические организации в исламе: акторы, цели, перспективы... ..	115
Винокуров В.И. Современная дипломатическая практика: Дипломатия силы и/или сила дипломатии.....	156
Ружейников В.В. Понятие справедливой войны или парадокс экстернальности.....	168
Люткене Г.В. Милитаризация западного общественного мнения посредством раскрытие мифа о «российской военной угрозе»	184
Викулов С.Ф. Экономическое воздействие как альтернатива летальному оружию	193
Зеленков М.Ю. Проблемы морально-психологического состояния мобилизационных ресурсов Российской Федерации ..	202
Послесловие	216

Для заметок

Научное издание

**ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ,
МЕТОДОВ И ИНСТРУМЕНТОВ ПРОТИВОБОРСТВА
В СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТАХ**

Подписано в печать 19.11.2015 г. Формат 60x90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 13,75. Заказ 2668. Тираж 100 экз.

Отпечатано ООО «Издательство «Экон-Информ»
129329, Москва, ул. Кольская, д. 7, стр. 2. Тел. (499) 180-9407
www.ekon-inform.ru; e-mail: eer@yandex.ru